

○ Проповеди

- Слово при наречении во епископа
- Слово на Крестопоклонную Неделю
- Проповедь в Неделю о расслабленном
- Слово в Неделю прп.Марии Египетской
- Слово на день памяти прп.Сергия Радонежского
- Слово о вере в Святую Церковь
- Слово в день Всех святых, в земле Российской просиявших
- Слово в день свв.апостолов Петра и Павла
- Проповедь за всенощной на праздник Чуда архангела Михаила в Хонех
- Слово в день памяти митрополита Петербургского Антония (Вадковского)
- Проповедь за всенощной в Неделю прп.Марии Египетской
- Проповедь в Вербную субботу
- Слово на Рождество Христово
- Проповедь в Неделю о блудном сыне
- Слово в навечерие Прощеного воскресенья
- Что надо знать о дьяволе
- Слово о молитве
- Слово на Рождество Христово
- Слово на Крещение Господне
- Слово на Сретение Господне
- Слово в Неделю сыропустную
- Слово в I-ю Неделю Великого поста
- Слово во 2-ю Неделю Великого поста
- Слово на причащение Святых Таин
- Слово в день празднования Иверского образа Богоматери
- Слово в субботу Светлой седмицы. О вечной радости Воскресения
- Слово в Неделю апостола Фомы
- Слово в Неделю жен-мироносиц
- Слово в день св.Николая Чудотворца
- Слово в Неделю о самарянке
- Слово на Вознесение Господне
- Слово в Неделю Всех святых
- Слово во 2-ю Неделю по Пятидесятнице
- Слово в 3-ю Неделю по Пятидесятнице
- Слово на день свв.апостолов Петра и Павла
- Слово на день Казанской иконы Божией Матери
- Слово в 5-ю Неделю по Пятидесятнице
- Слово в 7-ю Неделю по Пятидесятнице
- Слово в 9-ю Неделю по Пятидесятнице
- Слово в 10-ю Неделю по Пятидесятнице
- Слово в 12-ю Неделю по Пятидесятнице
- Слово в 14-ю Неделю по Пятидесятнице
- Слово в 16-ю Неделю по Пятидесятнице
- Слово в 17-ю Неделю по Пятидесятнице
- Слово в 19-ю Неделю по Пятидесятнице

- [Слово в 22-ю Неделю по Пятидесятнице](#)
  - [Слово в 23-ю Неделю по Пятидесятнице](#)
  - [Слово в 25-ю Неделю по Пятидесятнице](#)
  - [Слово в 28-ю Неделю по Пятидесятнице](#)
  - [Слово в 29-ю Неделю по Пятидесятнице](#)
  - [Слово в 30-ю Неделю по Пятидесятнице](#)
  - [Слово в 31-ю Неделю по Пятидесятнице](#)
  - [Слово в 32-ю Неделю по Пятидесятнице](#)
  - [Слово о конце света](#)
  - [Прощальное слово к петроградской пастве](#)
-
-

Введение

Содержание

Слово при наречении во епископа

Обычай установил, что призываемый на епископское служение при своем наречении произносит слово. Вы, Ваше Святейшество, изъявили желание, чтобы этот обычай был соблюден и при моем наречении, хотя обстановка его интимна, а у меня нет слов. И в моей мысли, и в моем настроении, и на моем языке одно слово — слово молчания, и одни звуки — звуки церковной песни глубочайшего молчания.

Пусть же молчит всякая плоть человеческая. Почему так? Святители Божии, я скажу вам, почему так: интимность обстановки позволяет мне сказать это (и только вам) мое слово.

Сейчас идет суд Божий. И в этот момент, если мы сделаем ставку на человека и человеческое, мы будем только несчастны. Разве события церковной жизни настоящего и недалекого прошлого не дают нам доказательство правильности этого? Разве перед вашими глазами не прошли десятки примеров, как рушились расчеты на человеческое? Ведь вы видели, как банкротились ставки на многолетнюю мудрость, на ученость, даже на духовность, воспринимаемую по-человечески. Если бы мы свое упование не направили на человеческое, то настоящие лукавые дни, разметав человеческое, не потрясли бы до основания самих упований наших. Вы знаете, что мирское мудрствование и теперь терпит банкротство, носители его подходят к безверию, и не слышится ли нам голос: да что же такое наша Церковь и где она? Нет! Ставка на человеческое — и, простите, я скажу резкое мирское слово, — бита.

После того, что я буду говорить о себе? Что я готовился к предстоящему служению рождением, образованием, воспитанием и настроением? Да какая же ценность всего этого? Никакой. По человеческой ставке коротко скажу о себе. Готов ли я? Достоин ли? Не готов. Не достоин. Но вдет суд Божий, отмечая человеческое, дается Божие.

Вот моя вера. При ней я — ничтожная щепка, вздымаемая Промыслом на гребень волны. И задача моя одна: неизменно пребывать в русле Божественного Промысла, отдаваться Богу безраздельно, всем существом, без рассуждения. Без оглядки назад, с верой в неотвратимость предназначенного, я иду. Я иду, покорный Промыслу, и пусть совершится таинство Божие в нелицеприятном суде Его. В мысли моей, в настроении моем и на языке моем одно слово — слово молчания.

Пусть молчит всякая плоть человеческая,
Потому что идет Царь царствующих...

И молитва моя одна: ей, гряди, Господи Иисусе, гряди благодатию Духа Святого Твоего, чтобы в моей немощи и через нее совершились судьбы Твои.

Вы, Святейший Владыка, исполните предначертанное и в положенное время сотворите великое таинство моего освящения. Аминь.

Москва, 16 ноября 1923 г.

Слово на Крестопоклонную Неделю

Вот, братия мои, опять перед нами Крест и опять в нашем сознании воспоминания о страданиях Христа. Так будет продолжаться несколько недель. Воспоминания эти будут все усиливаться до тех пор, пока не достигнут наивысшего напряжения. Похоронные напевы будут все нарастать в нашем сознании до того момента, когда в своем воспоминании мы дойдем до смерти Бога. Тогда Церковь скажет нам: «Молчи». Это будет в Великую Субботу. Церковь скажет: «Да молчит всякая плоть человека».

Бог умер... Что ваши слезы тогда, что ваши страдания! Тогда ни росинки слез не будет в глазах, в них будет один ужас. Умер Бог... В смерти Бога — драма, мировая драма. Завязка этой драмы кроется в самом Рождестве Христа. Он родился в грязи, в скотских яслях, и тотчас злоба обрушивается на Него: Его, Младенца, ищут убить. За что? И Он должен бежать в Египет.

Дальше проследите жизнь Христа на земле. Три года Его служения народу — это одни только страдания. Вы забыли, как ненавидели Его? Говорили, что Он творил чудеса силою вельзевула, называли Его богохульником, другом грешников, прелюбодеев и мытарей. Вы помните, как Он говорил Своим ученикам: «Зверьки малые лесные имеют норы, а Я не имею, где главы приклонить».

Что можно сказать о народе? Толпа шла за Ним, но не потому, что видела в Нем Бога: она требовала чудес, получала их и потому шла за Ним. Но Христос знал настроение толпы, и вы, наверное, помните, как Он говорил об этой толпе Своим ученикам после чуда насыщения пятью хлебами: «Вы думаете, они верят в Меня как в Бога? Нет, они просили у Меня хлеба, и Я дал его им». Толпа шла за Ним, пораженная внешним видом чудес, она кричала Ему: «Осанна», но знал Христос, что эта же толпа закричит: «Распни Его».

Но что говорить про эту грубую, тупую и невежественную толпу, когда ученики Его, эти избранные любимцы, оставили Его? Один, самый преданный, самый крепкий, отрекается, другой предает. Он, Который всю Свою жизнь не имел, где главы приклонить, Который все отдал людям, остается всеми покинутый, оплеванный, поруганный, израненный. Один... Вы знаете, что такое одиночество? Не физическое, а нравственное одиночество. Это — ужас, и его переносил Христос. Немудрено, что перед молитвой в Гефсиманском саду человеческая душа Его смущалась. Накануне Своих смертных страданий Он подводит итог Своей жизни, смотрит назад: каков же итог? Позади — пустыня, впереди — бесславная смерть...

Какая же цель Креста и смысл страданий? Ведь если бы Христос умирал смертью героя за народ, тогда эти страдания я понимаю. А то ведь Он умирал бесславно, как проходимец, политический авантюрист, выдававший Себя за Царя Иудейского. Душа Его скорбит за тот народ, среди которого Он не посеял учения Отца Своего, и молит Он Отца, чтобы Отец прославил имя Его. И был голос: «Прославил и паки прославлю».

И Христос, одинокий, поруганный, израненный, бесстыдно обнаженный, под крики неистовствующей толпы и ругань висящего с Ним разбойника отдает Свой Дух Отцу. Что это? Насмешка? Нет, не насмешка. Прошло два дня, и Отец прославил его. За Крестом был Гроб, а за Гробом — Воскресение, победа над смертью. Нет больше смерти, есть жизнь! Вот в чем смысл, во-первых, страдания и Креста, а во-вторых, путь Креста Христова — это наш путь. «Если вы не несете Креста, вы — не Мои ученики», — говорит Господь. Приидите, поклонитесь Кресту. Пусть Он будет для вас предметом глубочайшего почитания, вашей Святыней.

«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...»

Александр-Невская Лавра, 1924 г.

Проповедь в Неделю о расслабленном

Вы, конечно, все хотите быть здоровыми. А рецепт вы знаете? Не грешить! Простой рецепт, преподанный Самим Христом. Не нужно ни сложных лекарств, ни денег, ни курортов. Не грешить! Вы слышали в только что прочитанном Евангелии повествование о том, как Христос, будучи в Иерусалиме, в купальне у Овечьих ворот, увидел расслабленного, страдающего 38 лет и исцелил его. Дальше вы слышали, как Он, встретив исцеленного в храме, сказал ему: «Вот, ты выздоровел; не грехи больше...» ([Ин.5:14](#)).

Здесь ясно устанавливается связь греха с болезнью. Более того, здесь устанавливается связь причины и следствия. Грех — причина, болезнь — следствие. Ты согрешил и заболел. Как в теле нашем? Если простудимся, будет озноб. Это для нас понятно. Так и здесь: согрешил — получилась болезнь. Очевидно, Христос, простив грехи, исцелил больного.

Устанавливая связь греха с болезнью, я хочу обратить вашу мысль на появление греха, проследить, как явился грех и что из этого получилось. Как врачу необходимо знать причину болезни, чтобы лечить ее, так и здесь. Когда, говорит Библия, согрешили первые люди, Адам и Ева, и нарушили нормальное соотношение духа и тела, у них открылись глаза, и они увидели, что наги. Конечно, глаза у них и раньше были открыты, но они не видели того, что увидели теперь. Они не смотрели человеческими глазами, не замечали своей наготы.

Отчего же это произошло? Оттого, что они дали перевес телу. Глаза их стали видеть по-другому, и они увидели свою наготу. Смутилась душа их, устыдились они, и потребовалась им одежда.

Посмотрите, что говорит дальше Библия. Говорит Бог Еве: «То плотское, чему ты дала поселиться в душе твоей, будет преобладающим во всей твоей жизни и будешь ты чувствовать влечение к мужу твоему». Вот что получилось, когда люди дали телу перевес над природой души своей.

Нам часто представляется болезнь как наказание за грех, и нередко мы говорим: «Бог меня наказал». Братия мои, это — детское понятие, неправильное понятие. Как можно наказывать человека, который 38 лет живет, как полутруп? Это было бы несогласно с милосердием Божиим.

Грех — это не только нарушение заповедей Божиих, неисполнение чего-то навязанного нам. Нет, грех — это преступление против самого себя. Грех — это то, что мне вредно, что не согласно с моим разумом. Грех — нарушение законов моего разума. Это то, когда инстинкт тела, похоти заставляют человека делать не то, что он хочет, а, наоборот, то, чего он не хочет, потому что грех — не нечто отвлеченное, а реальная сила. Апостол Павел, человек высокой души, говорит, что он живет со грехами и делает не то, что хочет его разум.

Утверждайтесь в мысли, что вы — тоже расслабленные, что вам тоже нужна Овчая купель. Она у вас есть и куда лучше Иерусалимской! Туда спускался только ангел как посланник милости Божией, и спускался он только в определенное время, и исцелялся только первый, входящий в купель. У нас же есть эта Овчая купель в лице Церкви Христовой, где столько сил благодатных и неизбывных... Скажите же, что вы хотите быть здоровыми, и услышите в ответ: «Не грехи!» Аминь.

Александр-Невская Лавра, 1924 г.

Вы слышали сегодня Евангелие, братия мои. В нем говорилось, как Христос взял двенадцать Своих учеников и открыл им о грядущем и неизбежном. Он говорил, что идет в Иерусалим, там Его осудят, там убьют Его.

Церковь, своими песнопениями подводя нас вплотную к Страстной седмице, к воспоминаниям о страданиях и смерти Бога, предлагает и нам идти за Ним в Иерусалим — страдать с Ним вместе, ибо по слову апостола Павла, «с Ним пострадаешь, с Ним и прославишься». Перед нами опять тема Креста, страданий. Ведь путь Креста Христова — это и наш путь. У каждого есть своя Голгофа.

Как же мы относимся к своему Кресту? Мы стараемся избежать страданий, прожить полегче и поудобнее. Сама мысль о страданиях нам неприятна и сами страдания для естественной природы нашей кажутся нам ненормальным явлением. Возьмем самую маленькую рану — кровь вызывает в нас чувство ужаса. Что же говорить о нравственных страданиях; мы не хотим их, мы гоним их прочь от себя. Отчего же в жизни мы так отмежевываемся от Креста? Из-за нравственного измельчания! Переживания высшего порядка, страдания за идеал нам не по плечу, нам нужно что-то полегче.

Разве есть что-нибудь в жизни, что мы не принесли бы в жертву своему благополучию и спокойствию? Если нам понадобится даже принести в жертву спокойствие семьи, разве мы не принесем? Сколько угодно, лишь бы нам было удобнее, лишь бы полегче. Служебный долг, честность, целомудрие, разве мы их не принесем в жертву? Сколько угодно, лишь бы полегче, поудобнее. Да что я говорю о мелких житейских делах; возьмем общественные интересы, разве мы их не принесем? Сколько угодно, лишь бы полегче. Возьмем выше. Дела веры, Церкви, их разве не принесем? Принесем! Мы все принесем, только бы нам прожить полегче, поудобнее, без страданий.

Меня мучит сомнение, будет ли вам понятно то, что я скажу, но я хочу дать маленький толчок вашей мысли. Каждому человеку нужно сознать цель жизни, найти какую-то правду. Надо оправдать свою жизнь. Это всем необходимо: монаху, священнику, торговцу, служащему, матери семейства, старику, молодому мужчине, женщине — всем нужно оправдать свою жизнь. Это сознание правды жизни и есть путь Креста, путь страдания. А мы гоним Крест из своей жизни. И что же, нашли счастье, обрели спокойствие духа? Путем компромиссов получили удовлетворение? Я не знаю счастливых. Покажите мне их.

Перед нами путь страданий. Крест — это стержень, на котором все держится, вся жизнь. Возьмите Его — и все земное, суетное рассыплется. Жизнь предстанет перед вами как цепь ненужных отношений друг с другом, как ряд пустых встреч и разговоров и чисто механических действий. Что же такое тогда жизнь? Это нагромождение в нашем сознании скуки, разочарования, усталость от жизни и желание забыться — вот что значит жизнь без Креста. Третьего пути я не знаю. Его нет! Остается один путь — Креста. Если ты христианин, то не думай — бери и неси. И не бойся страданий на этом пути. Они будут, они должны быть. Но будем помнить слова апостола Павла: «С Ним пострадаешь, с Ним и прославишься». Аминь.

Александрo-Невская Лавра, 1924 г.

Слово на день памяти прп.Сергия Радонежского

Господи, благослови!

Вам не приходило в голову, братья мои, какие вы странные люди? Вы бросили свое любимое кино, свои шумные улицы и нарядную, суетливую толпу и пришли сюда. Вы подумали, зачем? Разве вы уже не хотите вычурной музыки, то чарующей слух, то остро волнующей нервы? Или вам надоели сказочные по красоте зрелища опер, их декораций? Или перестали быть занятными причудливые ленты кинематографа? Вас не занимает уже игра и пение ваших любимцев; вам наскучил пряный дух ухаживаний или прискучила надоедливая повторяемость обыденной суеты, в которой и которой вы всегда живете и дышите? Зачем вы пришли сюда? Вы же не отказываетесь от всего своего, хотя пришли чтить того, кто есть осуждение вас и отрицание вас.

Вы пришли чтить человека, который осудил все ваше, то, чем вы живете, и ушел от вас, потому что нет правды в вашей жизни! От вашего лица поются тут песни о том, как этот человек-монах презрел все доброе мира и красное его, возлюбил и скудость, и лишения, и подвигом его стал подвиг насилия над собой и борьбы с собой и всем земным. Выходит, что вы, вкоренившиеся в землю, поете и величаете уход от земли. Вы, жизненным догматом которых стало наслаждение, холение плоти, вы поете и величаете убийство плоти. Какая странность, какое коренное противоречие! Вы оставляете свое и бежите за убогим монахом, который убежал от вас, и чувствуете того, кто отрицал всю вашу жизнь! Вы никогда не задумывались над этим?

Впрочем, не вы одни совершаете эту странность. Мир всегда бежал за пустыней, город всегда тосковал о непроходимых лесах, музыка опер никогда не могла убить тяги к унисону скитских напевов, шелест шелка никогда не заглушал покоряющей прелести грубого холста, и пряная жизнь утонченной культурности не осиливала притягательных форм подвижнических келий. Мир всегда бежал за пустыней. Образованность не исключала тяготения к дурачкам, о Христе юродивым, блаженным...

Не только опытность, а можно сказать — изощренность в земном не устранила обращения к старцам и прозорливым. Мир бежал за пустыней. Почему? Да потому, что вы в своих душах, в своей жизни — банкроты! Неужели вы до сих пор не видите, что вы кругом банкроты? Сад душ ваших разграблен, и вы своей пестротой, шумной внешней жизнью только маскируете свою пустоту. И чем пустее душа, тем шумнее ваша улица.

Душа инстинктивно ищет той атмосферы, которая удовлетворила бы ее, и потому вы в тоске по правде жизни невольно кидаетесь к признанию жизни, вас отрицающей. Конечно, громадное большинство вас не сознает разграбление сада своих душ. У людей еще остались лохмотья, в которые они драпируются, воображая, что все в порядке и прилично. Когда же эти лохмотья раскрашены и крикливо пестры, тогда люди думают, что все совсем в порядке и совсем прилично. Но из лохмотьев не создать убора, и тряпки — плохая драпировка. Когда сад души захватан тысячьо рук и затоптан тысячьо ног, разве могут вырасти там цветы? Когда буря вырвала и поломала в саду деревья, какой вы ищите тени? Когда оголенная душа стала из сада Божия улицей, площадью, какого вы ищите от жизни уюта и покоя?

Многие из вас думают еще более дерзко: «Пусть лохмотья, да мои, пусть не сад, но все же я хочу жизни и возьму от нее все». Увы! Когда сад души разграблен и из него ушел владелец его — Бог, вы — банкроты и вам не создать жизни. Если в доме гаснут огни, когда ушел владелец его, там начинается запустение и разводятся паутина и пыль. Так и в разграбленном, расхищенном саде душ ваших завелись черви, и уже нет в нем жизни — одно запустение,

пустота, тоска и уныние. Нет в саду жизни и нет плодов ее. Осознайте же это!

Когда вы осознаете свое внутреннее банкротство, тогда ваше почитание монаха, отрицающего всю вашу жизнь, уже не будет странностью, не будет кричащим противоречием, потому что обездоленная вами душа будет со всей скорбью вздыхать к этому монаху: «Преподобный, я знаю, что моя жизнь вся условна, вся ложна, она полна отрицания твоего подвига. Ты в нем велик. Ты — как маяк. Помоги же мне, спаси меня!» И услышите вы из гроба этого святого: «Восстановите сад ваших душ и дайте плоды. Плоды дайте от него, и мир будет внесен в жизнь вашу». Аминь.

Сергиевский собор, 24 сентября / 8 октября 1924 г.

Слово о вере в Святую Церковь

Сегодня, с благословения Божия, я продолжу беседу прошлого воскресения, в которой мы разбирали вопрос, нужна ли вера в Церковь.

Я говорил вам, что теперь вырабатывается совершенно новое мировоззрение, в котором не будет ни одного атома веры.

Может быть, колесо вашей жизни так гладко катится, что совершенно не нуждается в смазке веры, и вы вполне счастливы? Может быть, хождение ваше в церковь и прикладывание к иконам, помазание елеем и принятие благословения вы совершаете в силу старых традиций и легко можете отбросить все это? Или вы пришли в церковь, к вере, потому что теперь тяжело живется, или вы пострадали материально, устали? Может быть, вы трусы и держитесь веры, так как боитесь открыто разобраться с этим вопросом?

Может, и мы, ваши пастыри, являемся пережитками старого и нас надо поместить под стекло в музей, как старое облачение? Или, может быть, вы, будучи отсталыми, не осознали этого еще? А ведь вера требует сознательности, в особенности теперь, когда каждый день на вас обрушиваются десятки вопросов и сомнений насчет веры. Я говорил, что на эти вопросы отвечает христианская апологетика, но этот путь — очень медленный. Теперь, когда каждая минута дорога, нет времени идти по нему.

Я говорил вам, что апологетикой может быть сама жизнь и рекомендовал вам всмотреться в вашу жизнь.

Пусть перед вами пройдет картина всей вашей жизни, в длинной ленте увлечений, стремлений, горестей, радостей, и, может быть, тогда вы сами скажете, нужна ли вера в Церковь и какую роль она играет в вашей жизни. Я бы изобразил вашу жизнь евангельской картиной неудачного лова рыбы на Генисаретском озере. Я бы подробно нарисовал ее, так как каждая мелочь имеет значение.

Берег Генисаретского озера, время перед рассветом, приближается зной изнуряющего дня. Воды озера спокойны, легкие волны лениво катятся к берегу, лижут камни и также лениво возвращаются назад, приливы и отливы... На берегу мы видим кучку людей. У них безразличный, усталый вид: это рыбаки, которые всю ночь ловили рыбу. Тяжелый труд только что закончили они. В неуклюжих рыбацких лодках, нагруженных просмоленными сетями, выходили они на ловлю рыбы. Напрягая мускулы, закидывали они сети и с большим трудом их вытаскивали, ожидая увидеть в них серебро трепещущих рыб. И что же? Сети пусты? Нет, не пусты, в них много ила, травы, ракушек, камешков со дна — это все, что попало в сети за целую ночь. Ночь — самое благоприятное время для ловли рыбы — уже на исходе. Раздражение и досада овладевают рыбаками.

Но когда мы видим их на берегу, вытаскивающими намокшие сети, то в них уже нет раздражения, остались апатия и усталость от непосильных трудов, безразличие написано на лицах. Лишь холод от намокшей в воде одежды заставляет рыбаков иногда напряженно вздрагивать. Ночь они ловили безуспешно, а рыба нужна для пропитания; надо спешить, вскоре наступит дневной зной и работать будет невозможно.

В это время к ним подходит Спаситель и говорит одному из Своих учеников: «Симон, забрось сети». Но как забросить сети, когда лучшее время — ночь — уже миновало? «Забрось сети»! Не поборов раздражения, Симон сказал Иисусу: «Наставниче, всю ночь труждашся и ничего не поймали». Эта картина — ваша жизнь.

Если бы у меня был художник, я бы сказал ему: «Нарисуй картину так, как я рассказал», и от вашего имени написал бы: «Всю ночь трудились и ничего не поймали». Я поясню вам сейчас

эту картину, которая имеет символическое значение.

Озеро — это мир жизни, лодки — жизненные пути, сети — душевные способности. Ночь — наша жизнь, так как день наступит после сумерек — смерти. Каждый родившийся человек получает лодку и отправляется в плавание. Пускаясь в плавание, мы кажемся себе великими; думаем, будто совершаем что-то очень важное, очень нужное, грандиозное. Это все оттого, что мы так окунулись в суету, потеряли общий масштаб, и наше барахтанье кажется нам очень важным, великим, хотя на самом деле мы плаваем как бы на веревочке и бултыхаемся невдалеке от берега. Вся наша жизнь есть борьба, борьба за кусок хлеба.

Начнем с юности, когда идет борьба за приобретение знаний, образования. Некоторые падают уже тут. Дальше начинается борьба за приискание должности. Когда эта борьба увенчается успехом, должность добыта, начинается новая борьба — за сохранение места. Идет не только за это борьба, но борьба за семью, за детей, за их воспитание, за предохранение их от развращающего влияния, борьба за мир и благоденствие в семье. Все время — борьба, как и у тех рыбаков — ночь напролет.

Посмотрим же на наш улов, может быть, мы много поймали? Всю ночь нашей жизни мы трудимся, напрягаем мускулы, утомляется и слабеет память, с каждым годом, днем, часом, минутой мы не приобретаем, а растрачиваем наши способности, силы, здоровье, и сети наши обрываются. А душа? Приобретает ли она? Из Божия цветка, полного аромата и чистоты, во что превращается наша душа? Особенно заметно это в юношах. Мы видим, как они развращаются, грубеют, становятся наглыми, черствыми, теряют чистоту и доброту, мягкость, ласковость, стыдливость. Это явно заметно у них с 15 лет, а в городах и того раньше. Вот улов! Гордитесь вы им? Ваши сети пусты, они заполнены грязью, которую мы зацепили со дна жизни.

Еще мы можем сравнить нашу жизнь с музыкальным инструментом, который вышел из первоклассной мастерской, из рук первоклассного мастера. Каждая струна издавала полный, чистый, сочный звук. И вот инструмент попадает в неумелые руки: расстроена клавиатура, порваны струны, только две-три струны издают хриплые звуки. Так и наша душа. Из рук Творца она выходит полная аромата, свежести, сочности, а потом, в жизни, теряет свой аромат, струны души обрываются, и мы в конце нашей жизни хрипло скрипим на двух-трех струнах.

Может быть, в материальной жизни мы приобретаем много ценного? Нет, и в ней — ничего! Все мусор. Например, при переезде с квартиры на квартиру, пока мебель стоит, картины развешаны, все прибрано — создается впечатление красивого, уютного жилья. Однако стоит только все передвинуть, перетряхнуть, как все будет выглядеть, как хлам и мусор.

Что же все-таки приобретает человек? С годами у него слабеют руки, походка становится неуверенной, пропадает румянец, появляются морщины на лице. Усталость, апатия овладевают человеком. И тут душа бывает в двух состояниях: или она мертва, или мятется. Разве мало вы видели в жизни мятущихся душ?

Гордитесь же вашим уловом. Ваши сети полны грязи жизни, и она тяготит душу. Пора прекратить бесплодный улов — близится рассвет. Остановитесь! Выйдите на берег, вытащите набухшие сети. Из Божия цветка, полного аромата и чистоты, во что превращаются ваши души? Вытряхните грязь и воззовите ко Христу, Который близ вас ходит по берегу. Воскликните словами Евангелия: «Наставниче, всю ночь мы трудились, но ничего не поймали, помоги нам!»

Господь услышит, и только один Он может наполнить ваши сети, как и на Генисаретском озере, где они наполнились по слову Его. Он наполнит вас благодатью так, что она будет от обилия вырываться из ваших душ. Так вот, решите теперь сами, нужны ли вам вера и христианство? Аминь.

Александр-Невская Лавра, 17(30) ноября 1924 г.

Слово в день Всех святых, в земле Российской просиявших

Братия! Вы пригласили меня сегодня к себе на богатый пир. В Господних чертогах сегодня редчайшее пиршество — пир веры. Сегодня праздник Всех святых, в Русской земле просиявших. И какое на нем общество!

Здесь, на этом торжестве веры, цвет и соль Русской земли: цвет земли потому, что это — лучшее порождение ее, соль потому, что это — цемент ее. Слышите, цемент! Здесь только богатыри духа и герои. Герои гранитной веры, пламенной любви, беззаветной решимости до самоотвержения. Здесь богатыри духа, потому что их жизнь пронизана подвигом. Здесь души кристальной чистоты.

Господни чертоги сегодня дивно украшены. В них затеплены огни, от которых светло; блестит позолота и яркость красок. Но сегодня здесь горит еще и свет любви наших невидимых гостей, и от него солнечно здесь, сияет не золото, а души. Радостно колышатся сегодня огоньки свечей, но невидимо колышатся и души святых, лаская нас. Оттого здесь так тепло и радостно. Словно гирлянда цветов, готов здесь протянуться над нами покров святых; вместе с фимиамом кадил несется их молитва за нас.

Господни чертоги готовы, готова и трапеза. Какое обилие блюд! Каждому по природе, всякому по силам и его духовному вкусу. Столы отягчены плодами. Горы плодов добродетелей святых. Приходи, насыщайся! Вот плоды веры, любви. А вот плоды чистоты и целомудрия. Бери плоды подвигов терпения, кротости, покорности. Наслаждайся плодами молитвы, поста, нестяжательности, поношений за имя Христово, и другими, другими, без конца...

Итак, пиршество готово. Гости позваны. Чертоги убраны. Они окурены фимиамом. Двери открыты. Пир веры... Святители, мученики наши, страдальцы наши, преподобные, подвижники наши, праведные, блаженные, юродивые... Войдите же, угодники наши, и пребудьте с нами!

Родные вы наши, близкие, войдите и пребудьте с нами. От всех концов земли соберитесь к нам: Московские, Новгородские, Киевские, Печерские, Тверские, Владимирские, Смоленские, Калужские, Тамбовские, Воронежские и Задонские, всей северной земли и всей Сибири. Соберитесь к нам со всех отдаленных уголков, со всех необъятных русских просторов. Разве хватит времени назвать всех вас? Разве достанет исчислить вас? Ближние и дальние... Явленные и неявленные... Все сонмы наших святых. Вы как звезды небесные, как песок морской!

Предстань здесь и благослови нас, сонм святителей русских и печальников наших. Предстаньте здесь, святители: [Петр](#), Алексей, Иона, Филипп Московские, Димитрий Ростовский, Митрофан Воронежский, Тихон Задонский, Феодосий Черниговский, Иоасаф Белгородский, Питирим Тамбовский, Иннокентий Иркутский, Иоанн Тобольский и прочие с ними.

Благослови нас, сонм страдальцев-мучеников во главе с первомучеником Иоанном. Почтите священномучеников Господних, древних и новых, во главе со священномучеником Ермогеном, Патриархом Московским. Поклонитесь сонму преподобных и любимых подвижников наших, наших неизбывных молитвенников, особенно дорогих, особенно близких. Они рассеяны по всем уголкам нашей земли. В дремучих лесах толпились их молитвы. Как их много! Они нанизаны по лицу земли нашей, как драгоценные камни: на севере, на юге, на западе, на востоке. Обнимите же их!

Антоний и Феодосий Печерские, Сергей и Никон Московские-Радонежские, Сергей и Герман Валаамские, Зосима и Савватий Соловецкие, Серафим Саровский, Варлаам Хутынский, Александр Свирский, Арсений Коневский, Иларион Гдовский, и прочие, и прочие. Почти в каждой земле, в каждом уголке — свой угодник и свой покровитель.

Ублажим полк предстателей наших, благоверных князей Александра Невского, Даниила Московского и прочих иже с ними. Вспомним юродивых, блаженных с Василием Блаженным во главе. Помяните, наконец, несметное количество праведных душ святых неявленных угодников. Они все на торжестве, все на сегодняшнем пиру веры.

Вот в какую великую минуту церковных воспоминаний я появляюсь у вас, и я смущен, и в волнении моя душа. Как я приближусь к этому пиру веры? У меня нет одежды. У наших небесных гостей видится пурпур пламенной веры, белый цвет чистоты и голубой цвет целомудрия. У меня же нет таких тканей, мои одежды черны. Как же я приобщусь к этому пиру веры? У меня нет сил обнять его, нет способностей достойно почтить его, нет слов достойно петь его.

Братия, дайте мне одежду последнего нищего, и я в рубище ничтожнейшего из людей паду здесь ниц, чтобы благословил меня Собор святых угодников быть последним прислужником на этом богатом пиру веры. А вы станьте в благоговейном молчании перед невидимым Собором святых угодников, окружите столы духовных яств, а я буду прислуживать вам. Вы насытитесь настоящей духовной трапезой и унесете с собой, как память об этом, хоть малое слово назидания.

Я хочу влить в вас бодрость. Хочу, чтобы вы ушли с этого пира подкрепленными и бодрыми. Ваша немощь не позволяет мне подробно раскрыть мысль назидания, но я это сделаю сжато.

В последние трудные годы вы, быть может, чувствуете себя усталыми и одинокими. Жизнь тяжела, и вера как будто уходит, и редуют наши ряды. Пусть так, но пусть не смущается сердце ваше. Препрежнее время и препрежные годы в отношении веры — это было время «званных». Званные были все, буквально все, чтобы не было ни у кого оправдания перед Богом: «Господи, я не слыхал». Сейчас наступил другой период жизни Церкви: сейчас все называвшиеся верующими, все позванные, как зерно на гумне. Взял Великий Жнец — Господь лопату и отвечает полноценное зерно от мякины, чтобы собрать пшеницу в житницу Свою. Полновесное зерно ложится тут, а мякина отсеивается. Если это так, то разве происходящее — горе? Нет, радость. Полноценное зерно ложится здесь, в этих стенах, а мякина — там, за стенами, и ее рассеивает ветер.

Братия, слышите, что я говорю. Не отвеваются ли «избранные»? Не «избранных» ли Господь хочет оставить здесь? Какое же тут уныние? Ты хочешь быть мякиной или же ты остался на пути «избранных»? Если ты остался здесь, то пусть же тебя вихрем подхватит радость.

Укрепляйся, насыщайся на этом пиру веры. Брось уныние, слезы, робость! Разве ты можешь остаться бессильным и одиноким? Сонм наших дорогих, родных, близких нам угодников, облажающий нас теперь, разве чужой тебе? Тянись к ним, вдохновляйся ими, насыщайся плодами их высоких подвигов, учись, молись, проси, и их руки, протянутые к тебе, примут тебя как дорогого своего собрата, и будешь ты в житнице Отца Небесного и с земного пира веры перенесешься на бесконечный пир вечной жизни в царстве Отца Небесного. Аминь.

7(20) июня 1925 г.

Слово в день свв.апостолов Петра и Павла

Возлюбленные братья, сегодня праздник великих. Сегодня праздник величайших в Христовой Церкви. Радуйтесь!

Радуйтесь вы, пришедшие молиться сюда, — сегодня праздник ваших великих покровителей.

Ваш собор посвящен им, и они же охраняют ваш город. Их охрана очень надежна. У них не ключи города, а ключи Царства Небесного. Не ворота они отпирают — они открывают небо. Они поддерживают не только ваши дома — они укрепляют ваши души.

Радуйтесь же со св.Петром! Он не только утверждение города. Он — утверждение Церкви. «Ты — Петр (ты скала, ты — камень), и на сем камне (твоей вере) Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» ([Мф.16:18](#)).

Радуйтесь со св.Павлом! Он не только учитель города. Он — учитель вселенной. Его слово обходит не только дома и храмы — оно звучит над всем миром.

Итак, радуйтесь! Сегодня праздник великих. Сегодня праздник величайших в Христовой Церкви.

Однако пусть их великость не разделяет вас с ними, а соединяет. Духовная высота — не мирская. Мирская высота разъединяет, проводит границу. Бедный разве сравнится с богатым? Подчиненный, разве тебе угнаться за начальником? Не имеющему власти можно сравниться с сильными и властными?

В духовном мире совсем по-другому. Чем выше духовное величие человека, тем оно ближе и роднее нам. Об этой близости к вам ваших покровителей свв.апостолов Петра и Павла я и хочу сказать слово.

Прежде всего вспомните: кто был Петр и откуда призван Павел? Из вас, из простых людей, из немощных... «Но Бог избрал немудрое мира., и немощное мира избрал Бог., и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог...» ([1 Кор.1:27-28](#)). Петр — бедный рыбак, Павел — ремесленник. Какими сокровищами они обладали? Петр имел лодку да сети, Павел — сапожный нож да кусок кожи, а они уловили всю вселенную. Ловец рыб стал ловцом людей, а кто владел сапожным ножом, тот ножом проповеди стал перекраивать человеческие души. Рыбак и ремесленник стали властителями вселенной! А они, повторяю, от немощных.

Напомнить ли вам об их немощах? [Петр](#), призванный и обласканный Господом, [Петр](#), видевший небо открытым, какое малодушие он проявляет? Пришла опасность, и он трижды отрекается, этот камень веры, на котором создается здание Церкви и которому вручены ключи Царства Небесного, как бы само распоряжение небом.

А Павел? Он изнывает от немощей. Его мучили «жало в плоть, ангел сатаны...» ([2 Кор.12:7](#)). Бог возложил ему на плечи величайшую задачу — покорить мир. Но кто он? Не имевший ни знатности рода, ни богатства, одинокий, неизвестный из неизвестных, простец из простецов, даже не обладавший телесной крепостью — он обходил вселенную и безоружный побеждал. Кругом были препятствия, одни скорби и жизненная теснота до смерти...

«Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти... три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл в глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратьями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе» ([2 Кор.11:23, 25-27](#)).

Смотрите... Разве это не сплошная человеческая скорбь? Разве это не сплетение всех тягот жизни? А на его плечах была вселенная! Попечение о всех Церквах, забота о всех душах!

«Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» ([2 Кор.11:29](#)). «Дети мои, — говорит апостол в одном из своих посланий, — для которых я снова в муках рождения...» ([Гал.4:19](#)).

Где взять силы перенести все бедствия, скорби, бичи, цепи, потопление, темницы, суды, козни? Откуда взять силы противостоять толпе, чужим, домашним, лжебратии? Надо еще помочь изнемогающим, побороть недоверие чужих, ожесточение близких. Как все это выдерживало его тело? Как выносила душа? Сил не хватало, человеческих сил; изнемогала душа, человеческая душа...

Апостол припадал к Богу и просил: дай мне облегчение, сними с меня немощь, я изнемогаю. И не отвечал ему Бог. Снова взывал апостол: как я снесу все нужды и скорби? У меня одна душа, одно тело и те истомлены. Сними с меня немощь, облегчи меня! И опять молчал Бог. Третий раз Павел умолял Его: да отступит от меня немощь, этот ангел сатаны, чтобы быть мне сильным, а то я изнемогаю.

Что же отвечает ему Господь: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» ([2 Кор.12:9](#)). О чем ты просишь? Ты видишь только бедствия и врагов, а про Меня ты забыл? Да, немощь бичует, а Я даю благодать. Ты забыл, как Я отверзал двери темницы, извлекал из неминуемой гибели и каждый день спасаю тебя на каждом шагу?

Ты изнемогаешь, но через тебя действует сила Духа, побеждающая козни. Разве этого ты не видишь? Ты хочешь быть без немощи? Ты думаешь быть сильным своей силой и обойтись без Моей силы и Моей помощи? Моя сила при твоей немощи и обнаруживается. Ты — немощный, а делаешь чудеса, потому что чрез тебя действует Моя сила. Моя сила в немощи и совершается! Итак, что же ты хочешь? Быть сильным и действовать по своей силе? Или остаться в немощи, чтоб действовала в тебе Моя сила? Выбери!

Конечно, апостол выбирает немощь: оставь при мне немощное. Теперь, поняв богатство бедности, я хочу ее, своей немощности. «Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа» ([2 Кор.12:10](#)). Отчего? Чтобы осталась во мне и действовала через меня эта сила Божия. Я хочу быть в страданиях и хочу быть в немощи, только бы «обитала во мне сила Христова» ([2 Кор.12:9](#)).

Ответьте теперь: разве не дорог вам св.Петр? Разве не близок св.Павел? Вы малодушествуете. Вы забываете Христа — Петр отрекался. Вы теряете настроение и готовы жаловаться — Павел изнывал. Вы в недостатках — Павел в наготе. Вы боитесь врагов — Павел терпел и от своих. Вы в опасностях — Павел в бедствиях. Вы в скорби — Павел при смерти.

Ну, разве вы не близкие, разве не родные? Та же бедственная жизнь, то же угнетение немощи. Вот и будьте с ними всегда!

Они — родные по человеческой немощи. Пусть они будут близкими и по великости! Для того вы, как Павел, выбирайте. Что вы хотите? Оставаться ли с Богом при своих немощах или опереться на свою фиктивную силу, на человеческую самость и уйти от Бога? Выбирайте!

Так как у вас, думаю, уже достаточно пообтрепаны ненадежные крылья человеческой самости, то зачем колебаться? Бросьтесь к Богу без оглядки назад и скажите Ему, что вы уже изверились в людях и в себе, что никаких сил добра нет в греховном человеке, что «свое» — одна нечисть. Что человеку для жизни один выход — повернуться ко Христу. Повернуться со всеми немощами и молить Христа: пусть Его сила и только Его Сила возродит нас и спасет!

Пусть наши немощи бросят нас к этой могучей, творящей силе, и пусть она сама все творит в нас. Хоть и с немощами, а мы будем живы. В благодарном сердце мы скажем Христу, как св.Павел: Господи! Пусть останется скорбь и пусть гнетет меня немощь — лишь бы душа

пребывала обращенной к Тебе, и действовала в ней могучая спасающая сила Твоя, сила Христова.

Тогда ваши святые покровители станут еще ближе вам, и вы в радости будете молить их: великие заступники наши и учителя наши, Петре и Павле, будьте с нами вовеки. Аминь.

г.Гатчина, собор ап.Павла

Проповедь за всенощной на праздник Чуда архангела Михаила в Хонех

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Возлюбленные братья! Когда ваши представители явились ко мне, чтобы пригласить меня молиться с вами, прежде чем дать ответ, у меня была такая мысль: правы ли мы, устраивая торжество для того, чтобы, выражаясь житейским языком, «формировать» настроение верующих, как бы искусственно поднимать его? Но когда я подумал, по какому поводу я приглашен, кого должен почтить, то сказал себе: правы!

Вопросу церковных торжеств и их смыслу я и посвящаю свое слово. Может быть, оно будет скучно, как слово холодного рассуждения, как слово, обращенное к вашей мысли, но оно — серьезно и нужно.

Торжественная служба совершается, чтобы поднять настроение верующих и укрепить его. Это нужно и необходимо, потому что мы осиротели, мы лишились громадного числа собратий, наши ряды редуют, и нам, естественно, надо держаться сплоченно и тесно. Где же можно быть ближе к друг другу, где же можно теснее сплотиться, как не в храме? Мы здесь встречаемся, сходимся, знакомимся, можем оказать взаимную поддержку лаской, участием, помощью, и — говоря на своем языке — я скажу: в церкви мы входим в сферу напряженной молитвы. Общая напряженная молитва заражает нас и поэтому в теперешнее время сходить на молитвенное общение и обставлять его торжественно — законно и уместно. Как оно должно быть устроено? Оно должно углублять настроение, утверждать верующих и удерживать их в церкви. Этот вопрос важен не только для вашего, но и для всех других приходов.

Чтобы человека привлечь к церкви, церковное торжество надо обставить так, чтобы заинтересовать его, чтобы было «занимательно» и интересно, чтобы он пришел и остался доволен. Исходя из этого взгляда, обращается внимание на внешнее убранство в церкви: обилие свечей, ковры, цветы, прекрасное облачение, обилие священнослужителей, громогласные диаконы, певчие, особый хор, чтобы все внешнее привлекало людей.

И это правильно. Во-первых, к человеку надо подходить так, чтобы он тебя понял, говорить на его языке — вот и устраивается такая служба, чтобы вас «занять». Во-вторых, украшение храма, электричество, цветы, хор — вот это, конечно, Богу не нужно, а вызвано человеческой немощью и греха в этом нет. Надо только всегда помнить, что привлечение людей к церкви такими внешними путями — необходимая стадия в церковном воспитании. Раз это только необходимая ступень, то следует уяснить, что задерживаться на ней не должно, надо перейти на другую ступень. Если остаться на первой ступени, то можно потерять многих из приближающихся к церкви и желающих быть с нею в тесном общении.

Стремлению остановиться на внешнем нет границ, потому что одно зрелище требует другого, более сильного. Современные театры в этом отношении виртуозны. Если Церковь встанет на такую точку зрения, то потеряет многих. Наши службы — определены, наши молитвы — одни и те же, наши входы и выходы — одни и те же, и если человек подойдет к церкви с желанием посмотреть что-то интересное, то занятно ему будет только два-три месяца. По тем же причинам стали злоупотреблять и хором. Церковного пения стало уже недостаточно и зачастую поют совсем не церковные вещи, чтобы чем-нибудь занять людей. Это банкротство.

Теперь люди подходят к церкви не с такими мыслями, как лет десять назад. Если вы ищущей, сознательной душе народа предложите одну помпу, народ будет недоволен, уйдет от вас и скажет: «Так что же! В церкви одна помпа! Так я лучшую помпу увижу в светских зрелищах». Поэтому с первой ступени переходите на вторую.

Вторая ступень такова: надо от внешнего идти к внутреннему, от поверхностного — к глубокому. Надо сделать так, чтобы не одни глаза были заняты электрическим светом, нужно, чтобы загорелись души. Хор действует на слух — пусть вместе с ухом он кольшет души! Надо, чтобы вместе с волнами фимиама поднималась ваша молитва, чтобы ваша молитва легко шла вверх, нужно, чтобы ликующие голоса певцов будили ваши души и чтобы души запели, тогда вы увидите, что праздник с поверхности перейдет в души.

Чтобы внешнее перевести во внутреннее, необходимо помнить, что вся внешняя пышность не должна иметь самодовлеющее значение, т.е. пусть на церковных торжествах не играют самодовлеющей роли ни цветы, ни диаконы, ни епископы, ни хор. Все это должно составлять одну чудную гармоничную канву, на которой вы сами должны плести узоры своих молитв и общения с Богом. Эта канва нужна, чтобы создать настроение для вашей молитвы, осязания Бога, потому что в церкви надо войти в общение с Богом. Пусть хор не раздражает вас, не рассеивает. Ваш хор поет строго церковно, но бывает, что он рассчитан на то, чтобы поразить; это неправильно, потому что в церкви важна вся канва, а не отдельные части. Необходимо, чтобы вся служба создавала условия воспринять не внешнее, а внутреннее.

Перехожу к тому, что требуется от вас самих. Пусть церковная внешность будет вас настраивать, но вы не оставайтесь равнодушны, ни холодны, ни апатичны, ни рассеянны. Не идите сюда с любопытством, чтобы развлечься, посмотреть, кто служит, как служит, кто поет — это неправильно. Идите в храм с мыслью о том, что он вырывает вас из суеты, часто скучной, надоедливой, нудной, мирской суетливой жизни. Уходите в новый мир, в котором вы хотите забыться, отдохнуть, а может быть, и вдохновиться, набраться сил. Входите в этот мир, в котором вы должны осязать друг друга и Бога. Молитесь о преображении слабых, немощных сил, чтобы Господь помог вам хотя бы немножечко подняться. Пусть мы слабы, немощны, не можем все лететь вверх. Но Господь придет, даст нам силы и умиротворение. Вы не будете понимать, в чем дело, а уйдете умиротворенными — то дело силы Божией!

При таком устройстве разве у вас восприятие жизни будет внешним? Нет, вы будете пускать корни, и эти корни будут звать вас сюда ежечасно: «Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил!». Тогда усвоение церкви будет другим. Тогда мы с первой ступени церковного восприятия поднимемся на вторую; вы будете расти и спеть для того, чтобы стать полным колосом, который должен войти в житницу Божию.

Теперь скажу несколько слов о виновнике сегодняшнего торжества. Кто был архистратиг Михаил? Предводитель небесных сил того таинственного мира, который по вере всегда нас окружает, и все мы находимся в окружении сонма этих духов, и они служат нам день и ночь. Архангел Михаил — это вождь, пастух, нянька, которая ведет нас к спасению, оберегает нас и семьи ваши. Отдайтесь же этому миру и почитите архангела!

Пусть в немощах мы пришли на праздник архангела, но сольемся с вечным ликованием ангелов, вечно находящихся у Престола Отца Небесного. Аминь.

Храм Михаила архангела в Малой Коломне, 5(18) сентября 1925 г.

Слово в день памяти митрополита Петербургского Антония (Вадковского)

Господи, благослови!

Я не знал его, братия, и обнять его светлый мир я не могу. Сегодня, в день памяти его смертного часа, перед моими глазами его могила — скромная братская могила монаха. Пусть же она говорит, его могила.

Величавый святитель Божий, первый иерарх громадной Русской Церкви, митрополит столицы, богатые покои, пышные службы, чопорное представительство, естественная недоступность по исключительности высокого служебного положения и... рядом с этим: «Похороните меня в очередной братской могиле».

Могила монаха — это мое, а первое — то Божие промышление обо мне, людьми и Церковью заключенное в известную оправу. Я, по воле Божией, был носитель этой оправы для служения Церкви, а в себе только монах. Так похороните же меня в простой монашеской могиле...

И далее он — начальник большой епархии, он — искусный администратор, он — талантливый проповедник, он — ученый богослов, через Синод он — руководитель Русской Церкви, он — достойный представитель Церкви пред Вселенской Церковью; у него сила и влияние в Церкви чрезвычайные и рядом с этим: «Похороните меня в монашеской могиле. И поставьте на моей земляной могиле простой деревянный крест».

Мое — это могила монаха; она — дверь в вечность. А все первое, вся моя служебная деятельность, такая блестящая, ценна только как работа для вечности, пронизывающей жизнь, — это простая могила. Так пустите же меня туда, куда шел я всей жизнью своей и положите меня в лучшую дверь вечности — землю. Похороните меня в самой простой земляной могиле.

И, наконец, он — любимец людей; он, окруженный вниманием высших и обожанием низших; к его услугам, кажется, все знаки внимания в пределах человеческой возможности, человеческого желания и даже каприза. Люди могли бы воздвигнуть ему богатейший мавзолей и... вдруг: «Похороните меня в монашеской могиле и зажгите лампаду на ней».

Что колеблемая слава? Что человеческое изменчивое почитание? Что знаки внимания, хотя бы и самые ценные? Все это — обманчивая тень. Не обманет только сырая земля... «Так скройте же меня в простой твердыне — земле, и я отдохну там».

Вот, братия, что говорит нам могильный холм братского кладбища с надписью на деревянном кресте: «Митрополит Антоний». Он говорит, что скрыл останки, носившие великую душу. Там лежит тот, кто христиански и философски понял жизнь, кто понял, что жизнь вне идеальных вечных достижений — ничто. Для него этой истины вечности не загородила ни слава, ни почет, ни его личные таланты.

Там лежит тот, кто, поняв истину жизни, не убежал от нее, а и в своей личной жизни и в общественном служении положил все силы ума и таланта, чтобы достичь торжественной вечности.

Там лежит тот, кто, обладая всем, не превознесся, а в величавом смирении шел своим путем к своей скромной могиле.

И эта скромная могила лучше богатейшего мавзолея, выразительнее всех дел умершего и красноречивее всех слов его проповедует о величии души его и о правде жизни его.

Пошлите же Господу свои сердечные молитвы, да упокоит Он в обителях Своих душу усопшего раба Своего, а скромную могилу с деревянным крестом сделайте источником назидания, который и вас повел бы чрез смирение к счастливой вечности в бесконечном царстве

Отца Небесного. Аминь.

Алекса́ндро-Невская Ла́вра, 2 (15) но́ября 1925 г.

Проповедь за всенощной в Неделю прп.Марии Египетской

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Возлюбленные братья, завтра Церковь предложит вам изумительный по своему содержанию рассказ о том, как блудница большого столичного города сделалась величайшей святой. Это рассказ о двух концах человеческой жизни: на одном конце — полное падение, жизнь, позорнее которой ничего нельзя придумать, а на другом — человек идет по водам и не тонет. И это одна жизнь — жизнь Марии Египетской.

Я не буду вам, братья, напоминать этот рассказ — вы его знаете; я хочу спросить, отчего такие изумительные рассказы из жизни Церкви вас уже не трогают? Я хочу спросить, отчего они не волнуют вас более? Их можно благочестиво выслушать, как давно прошедший эпизод, и потом... забыть. Может быть, тут лукавая мысль, что это было давно и никакого касательства к нашей жизни не имеет. Братья, если у вас есть эти лукавые мысли, то на них дает ответ Евангелие, которое вы все могли слышать в прошлое воскресенье. В нем ясно сказано, почему один, поднявшись из грязи, идет к Богу и получает все, как получила Мария, а другие ничего не получают.

Евангелие рассказывает о том, что Христос исцелил больного юношу. Юношу привел отец. Он был так слаб, что и идти сам уже не мог и лежал у ног Христа без движения. Отец сказал Христу: «Господи, помоги мне, сын мой болен. Я приводил его к Твоим ученикам, ведь Ты же их послал, но они ничего не могли сделать. Теперь я Тебя прошу, помоги, если можешь». Христос спросил отца: «С каких же лет он болен?» — «Да с малолетства, и мы все так измучились с ним, так что... если можешь, то исцели». Тогда Христос бросает отцу упрек: «О, род неверный, прелюбодейный, до каких пор я буду терпеть вас? — Если можешь... А ты сам веришь, что Я могу, или нет? Если у тебя есть другой источник исцеления, так иди туда, а если у тебя выхода больше нет и ты пришел Меня просить, так ты и проси». Тогда отец падает на колени и говорит Ему: «Господи, Ты один у меня остался, ну что мне делать? Верую, помоги мне!» Христос подходит к юноше, берет его за руку, и юноша встает здоровый.

Братья, этот евангельский эпизод имеет иносказательное значение. В нем Христос Сам дает ответ на наши лукавые мысли, и рассказ этот относится к каждому из вас. Почему? Отец — это каждый из вас, сын — это душа ваша. Отец приводит больного сына, и каждый из вас приводит к Господу свою больную душу. С каких лет больна? Да также, с малолетства. С детских лет сами отдаем ее на пеленание злой воле. Страсти связывают ее, и она уже не идет к Богу, а лежит без движения, как тот юноша.

Как чаще всего бывает с нами? Не молодыми и здоровыми духовно идем мы к Богу, а немощными, беспомощными, на костылях. Как всегда, при этом поднимается спор: отец приводит больного сына и говорит лукаво Христу, что вот, мол, просил апостолов — они ведь Твои Ученики, — и ничего не могли они сделать. Вы также приходите к апостолам Христа, к их преемникам — вашим пастырям, и они не исцеляют вас. Вы ходите в церковь, молитесь, причащаетесь, и все как будто бы пусто. Ничего не получаете.

Но посмотрите, как выпрямляет Господь лукавую мысль человека. Отец просит исцелить сына, а Христос задает вопрос ему: «С каких лет болен сын?» Зачем Христос это спрашивает? Разве Он как Бог по Своему всеведению не знает, когда заболел сын? Он знает, конечно, что сын болен с малых лет. Он задает этот вопрос для того, чтобы заставить отца хотя бы в эту минуту дать себе отчет в том, что он делает: «Ты знаешь, о чем просишь? Что ты делаешь, ты подумал об этом? Ведь Я дал тебе душу чистую, чтобы она раскрывалась, как цветок, и могла бы цвести полным цветом. Ты же все испачкал, изгадил, все перевернул и теперь идешь ко мне. С чем же

ты идешь?» В этот важный и ответственный момент отец должен принести горячую веру. А он что принес Богу?.. Он принес то, чем богаты и мы с вами: холодность, равнодушие и маловерие. Так же, как этот отец, мы говорим: «Если можешь, то помоги нам».

Христос, желая разбудить вашу душу, спрашивает: «Ты сам-то веришь, что Я могу помочь, или нет? Я же знаю, что ты обошел со своим сыном все распутья, перебивал у всех врачей, испробовал все мази, объехал все курорты и теперь, когда ты видишь, что тебе никто не может помочь, когда только Я один у тебя остался, ты идешь ко Мне и говоришь: «Если можешь — помоги». Ты и здесь не оставляешь своего лукавства. Выбирай что-нибудь одно: или ты думаешь, что тебе поможет кто-нибудь другой, кроме Меня, так и иди к нему, а если Я один только у тебя остался, то ты приходи ко Мне и скажи, как тот отец: «Господи, один Ты у меня остался; дурен я, помоги моей слабой вере!»

В заключение этого повествования евангелист Марк говорит: подошел Христос к лежащему юноше, а кругом все говорили, что он уже мертвый, но Иисус, взяв его за руку, поднял и юноша встал.

Братия, вы сами замечаете, что, если произволением Божиим стали на путь спасения своей души, если вы любите Церковь, разве не говорят о вас, что вы — больные, что вы — кликуши, что вы — сумасшедшие? Тот, кто идет путем спасения своей души, постепенно порывает с миром. Нити, которые связывают его с ним, становятся все тоньше и наконец совсем обрываются. Он уходит от людей, и тогда про него говорят: «Он мертвый», как говорила та евангельская толпа про юношу, которого Христос поднял с земли.

Нет, такой человек не мертв — он жив. К нему, как к бесчувственному юноше, подходит Господь, берет его за руку и говорит: «Да, ты жив, встань, пойдем со Мной!» Аминь.

*Церковь Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (за Невской заставой, С.-Петербург),
4 (17) апреля 1926 г.*

Проповедь в Вербную субботу

Возлюбленные братья! Пройдет еще несколько десятков минут, и Святая Церковь освятит вам пучки верб. Засветятся огоньки свечей и осветят мохнатые вербочки. С вербами и свечами вы будете стоять до конца настоящей службы.

Как вы знаете, все церковные чинопоследования, все обряды имеют свой таинственный смысл, свой глубокий смысл. Так и верба и стоящие с ней. Смысл вербы открывается из содержания сегодняшнего и завтрашнего праздников, т.е. воскрешения Лазаря и Входа Господня в Иерусалим. Этот смысл удивительно полно передан в тропаре праздника, который вы только что слышали: «Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже. Темже и мы, яко отроцы победы знамения носяще, Тебе, победителю смерти вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне».

Этот текст означает: Христе Боже! Ты пред Своими страданиями, желая уверить людей в том, что и они все воскреснут, воскресил из гроба Лазаря. А потому мы, как еврейские отроки, встречая Тебя как победителя, как царя, встречаем Тебя также как победителя смерти, имея в руках эти ветки, как знаки победы, как трофеи, кричим Тебе: «Осанна! Благословен Грядый во имя Господне». Так верба связывает два величайших христианских воспоминания. Она напоминает те пальмовые ветви, которыми еврейские юноши приветствовали Христа как царя, вступающего в Иерусалим. И мы, держа в руках ветки верб, тоже в радости приветствуем Христа.

Да, Господь идет на вольную смерть, на уничтожение, на мучительную Голгофу. Но мы знаем, что Он — Царь мира, что за Голгофой будет дивное Воскресение, победа над смертью, торжество вечности. И мы в радости кричим Христу: «Осанна!» Ты — победитель, гряди, Ты — Царь вечности, смерти нет. Жизнь вечна. Мы знаем, что уже есть свидетельство торжества жизни — это воскрешение Лазаря. И мы все, Господи, будем в вечности с Тобою и Лазарем. Мы верим, что как Ты восставил тело Лазаря, так в последний день мира Ты восставишь и новую оболочку для нашей души — наше тело. Гряди же, Господи, гряди! «Осанна» — и мы Тебе вопием. Как знак победы над смертью мы будем держать в руках эти ветки, в которых после зимы пробилась жизнь, пробилась почка.

Эти ожившие ветки — символы неумирающей вечности; символ того, что и в нас, скованных грехом, забьет жизнь и соединит нас со Христом и вечностью. Так крепче же и выше держите эти знамена победы над смертью, эти символы вечности, символы нашего духовного воскресения и громче кричите: «Осанна! Гряди, Благословенный!». И отнесите эти знамена победы в свои дома и поместите их в самом почетном месте. Пусть они целый год говорят вам, что это — христианские трофеи, что вы в своей борьбе со грехом и смертью уже имеете залог успеха: Лазарь воскрешен, Христом упразднена смерть и торжествует вечность. Так не унывайте же! Для того, кто уныл, кто бросил борьбу с грехом, пусть эти ветви будут всегдашним упреком, что они замерли, что они не хотят идти вперед, за жизнью, что их не волнует вечность, что победа Христа для них пустой звук, что трофеи победы над грехом у них в пыли, что они — духовные дезертиры.

Воспоминание об огне, который вы зажжете при вербах, пусть пробуждает в вас целый год при взгляде на вербу и свечку радость и теплоту на пути к своему духовному воскресению, к своей вечности. Гряди же, Господи, гряди! Благословен, Ты, идущий спасти нас и дать нам вечность. Осанна! Осанна! Аминь.

Слово на Рождество Христово

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В сегодняшний день, братия, с каким приветствием я могу обратиться к вам, как не с рождественской песнью: «Слава в вышних Богу!» Мы привыкли к этим словам, и они уже, может быть, мало дают нашему уму, но в эти рождественские дни песнь эта должна звучать как торжественный гимн Неба, потому что это песнь Неба. Ее пели ангелы, как сообщает евангелист Лука.

В этот священный момент церковного воспоминания, в рождественские дни, хотя вы и отвлечены своими занятиями, на миг отдайте свои мысли яслям, сердце сделайте вертепом и слейтесь с небесным хором ангелов и скажите: «Слава в вышних Богу!» Но я боюсь продолжать эту священную песнь, потому что не знаю, очищены ли ваши сердца, чтобы воспринять и другие слова: «На земли мир, в человецех благоволение». Я боюсь, что в вас слишком сильно мирское мудрствование, в свете которого эти слова есть величайшая ложь, величайшая фальшь и величайшее лицемерие.

Как понять людям, какой может быть мир? Какой может быть мир, когда вселенная подобна вулкану, когда кровопролитиям и войнам нет конца, когда мир — котел кипящий; война или приготовление к войне идут повсюду и вдруг — «благоволение в человецех»... «Одно лицемерие!» — говорит человеческий ум. Какое благоволение, когда земля содрогается от землетрясений и разъедается человеческой злобой и ненавистью? Выходит, песнь Церкви — ложь, лицемерие и фальшь, потому что мира нет. Тут что-то не так. Не могли ангелы возвещать ложь.

Мир на земле есть. Он принесен. Если в безбожном мире нет мира, мы громче должны кричать: «Слава в вышних Богу и на земли мир!» Люди и человечество не имеют мира, но тем хуже для них. Значит, они банкроты в сооружении мира. Если они отвернулись от мира, при чем тут Бог? Если люди так умны, что не нуждаются в благоволении, а сами создают хаос, злобу и ненависть, при чем тут Бог?

Мир принесен. И какой мир! Мир необъятной глубины, по сравнению с тем миром, который хотели люди. Люди хотят покоя в своих квартирах. Люди и теперь готовы навязать Христу роль повелителя, который своими распоряжениями, приказаниями устраивает мир, и его солдаты охраняют его. Христос не думал о мире, охраняемом солдатами, о покое ваших квартир. Напротив, имея в виду мир человеческого устройства, Христос говорил: «Разве мир Я принес на землю? Я принес не мир, но меч». Не сразу ли вслед за ангельскою песнью полилась кровь младенцев? Это Ирод восстанавливал мир. То был не Христос, а люди! Зачем же вы это относите к Богу? Божий мир — другой, а тайна его — иная.

Эту тайну в величайшем восторге воспевают Церковь: «Приидите, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе. Средостение градежа разрушишася, пламенное оружие падает, и херувим отступает от Древа жизни, и аз райския пици причащаюся». Церковь объясняет: «Средостение градежа... разрушишася»... — вот такая война окончена, вот какой мир заключен: окончена война с Небом, оборона Неба от зла Земли.

До пришествия Христа Небо было как бы ограждено крепостной стеной от зла Земли и стоял, поставленный Богом, кордон — херувим, чтобы зло не перешло на Небо. Когда же на землю приходит Властелин и Творец — Иисус Христос, Он связывает зло — дьявола, объявляет мир и приказывает раскидать крепостную стену; приказывает снять охрану. Охрана у Источника жизни снимается, и херувим с пламенным мечом отступает от древа жизни. Небо открыто, и люди во всех своих немощах призываются в открытое Небо, чтобы вкусить сладость

Неба: «Аз райския пици причащаюся».

Если и ты хочешь усвоить мир Божий, прежде всего свяжи в себе зло, уничтожь внутренний разлад и раздвоение, которые разлагают жизнь. Зло и грех делают жизнь немирною, и поэтому ты сбрось их. Потом родись духовно, как родился Христос. После этого мир обнимет души ваши; мир как просветление души, как ее парение, как чистая совесть, как внутренняя примиренность. Более того, мир обрящут ваши внешние пути, как отражение внутреннего мира, потому что основой внешнего мира является внутренний, Христов мир.

Если люди не усвоили мира Христа, как у них может быть внешний мир? Мир повисает в воздухе. Вот почему лопаются все земные ухищрения в поисках мира — они обречены на постоянные неудачи. Укор, дерзко брошенный Христу, что Его мир фальшив, надо вернуть людям, миру, потому что их мир действительно призрачен!

Мира на земле нет — это правда. Его нет оттого, что люди отвернулись от мира Христа. В тоске об утраченном мире они не могут восклицать: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!» Слава Связавшему зло и Принесшему мир.

Поклонитесь же от всего сердца убогим яслям Вифлеемским, сделайте свое сердце вертепом Господа, свяжите зло, родитесь духом, и в этом возрождении вы обретете внутренний мир, который отразится и на ваших внешних путях. На земле нет мира, потому что человек отвернулся от божественного мира. В тоске об утраченном мире пусть еще громче звучит в душе звучная ангельская песнь и будет живой молитва о том, чтобы Господь установил Божий мир в душах ваших.

«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Аминь.

Александрo-Невская Лавра, Свято-Духовская церковь, 27 декабря 1926 г. / 9 января 1927 г.

Проповедь в Неделю о блудном сыне

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Братия, сейчас вы прослушали евангельский рассказ, мимо которого не пройдешь. Это бессмертные слова Христа о блудном сыне. Я с благоговением, с восторгом, с изумлением останавливаюсь перед этим словом Христовым и вас приглашаю понять все величие этого слова.

Прочитанная притча известна, ее содержание нет надобности повторять. Эта притча бессмертна, потому что в ней рассказывается вечная история о блудном сыне, история сегодняшнего дня. Только нужно понять эту историю. Сын ушел от отца, ушел из дома и, уйдя из дома, заблудился, сбился с пути и пошел по распутьям, т.е. стал вести распутную жизнь. Главный смысл притчи — вечная история ухода человека от Бога, ухода от Отца. Посмотрите, с какой психологической тонкостью каждый штрих, каждое слово этого иносказания рассказывает нам эту историю отпада души от Бога, ухода из Отчего дома!

Обратимся к сущности. У отца два сына и меньший хочет уйти от Отца. Подумайте: от Бога отворачивается ум молодой, незрелый, самонадеянный, кичливый. Только человек, совсем не знающий жизни, крайне самоуверенный, считающий себя в мире самодовлеющим началом, только незрелый юный ум, мнящий себя почти центром вселенной, бросает, подобно блудному сыну, вызов Богу. Уйти хочет не старший сын, а юнейший. Отворачивается от Бога незрелый ум, тот, который, отвергая высшее руководство Отца, хочет сам стать руководителем. Кто-то однажды сказал, что человек первую половину жизни живет для того, чтобы испортить себе жизнь, а вторую половину, чтобы каяться в этом.

История человеческой мысли подтверждает эту истину. Распространенное мнение, что зрелые мысли и наука уводят от Бога — это не утверждение, а, грубо говоря, научная «хлестаковщина», которая покоится на ребяческом выводе незрелых умов. Евангелие подчеркивает в этом иносказании мысль, что лишь незрелый, ребяческий ум отворачивается от Отца.

Сын предъявляет Отцу требование: «Дай мне мое!» Это иносказание, указывающее на причину, по которой человек уходит от Бога: «Дай мне мое!» Происходит ложное самоутверждение человека в жизни, т.е. человек ложно, фальшиво представляет свое место во вселенной. Он исключает себя из всей цепи мировой целесообразности, хочет стать самодовлеющим звеном. Это просто глупость, что притча и подчеркивает. Во-первых, даже экономически выгодно ли, разумно ли это требование сына к отцу? Выдели имение, разбей, раздели имущество, нажитое долгими годами, сплоченное крепко, и отдай мою часть...

Это бессмыслица с экономической точки зрения, так как последствие ее может быть только одно — обессиление хозяйства. Когда человек выключает себя из цепи мировой целесообразности и делает себя звеном самодовлеющим, он просто обрезает тот корень, откуда идет питание всей жизни и становится тем листом, который пущен на ветер и который становится игрушкой его малейшего дуновения. Он уходит в неизвестность, он кидается в пустоту. И разве само по себе требование выделения наследства разумно? Отец ведь мог бы ответить сыну: «А скажи, пожалуйста, разве ты наживал имение? Ты наживи, а потом уходи...» Человек пришел на готовое, пользуется дарами Отца, а потом требует: «Дай мне мое».

Братия, так очень часто бывает у нас всех. Человеческая ограниченность и самонадеянность всегда забывают, что человеческие силы и способности есть подарок, дар человеку, что человек им не хозяин. Он просто пользователь их, не больше. Подумайте: красота, скажем, талантливость, гениальность, та или иная способность, все это создали вы? Это все не

преходящее, это Божие. Дар человеку, а человек только пользователь, чаще всего скверный пользователь... Значит, требование отрыва от той почвы, на которой выросло все человечество и на которой все только и имеет смысл — это абсурдное требование!

Дальше притча рассказывает, что же из этого получается. Человек, самоопределившись в жизни как нечто особое, необыкновенно ценное, уходит в «страну далече», как говорит Евангелие; или, как я сказал, в пространство, в неизвестность, без руля и без ветрил. Тут же приходят следствия. Какое же первое следствие? Человек расточает свое имение, говорит евангельская притча, совершает расхищение и остается совсем без пропитания.

Так и наша душа, когда она отвертывается от Источника жизни, расточает свои дары. Понимаете? Наполнения жизненной энергией нет, человек живет только тем, что он имел уже от природы, от Бога; идет только расхищение, самое беззастенчивое, когда человек безудержно, направо и налево, тратит те дары, которые получил от Творца! Разве притча не права? Разве вы не видите в жизни, что люди только и занимаются расхищением даров душевных, полученных от Бога?

Сын, ушедший от Отца, начинает блудить, т.е. ведет распутную жизнь. Так и душа, раз она сорвалась с естественной истинной дороги, выключив себя из общей цепи целесообразности жизни, она должна попасть только на распутье. Душа запутывается в дебрях, в которые она попала. Опять-таки в жизни это совершается кругом. Человек кидается сначала в дебри ума и, сколько человеческое художество выработало и будет выработать до конца мира всевозможных иллюзий и всевозможных утопий и как будто бы крупных, солидных теорий, хотя в действительности это все блуждания, которым предается человек, оставив истинный путь. Дальше человек начинает блуждать по дебрям чувства, и дебри эти еще страшнее, и утраты на них души еще ужаснее. Я уже не развиваю эту мысль о блуждании человека по дебрям похоти и страсти, которые бесконечны...

И вот приходит конец, когда имущество прожито, когда душа опустошена, когда каждый день ощущается пустота — наступает банкротство. Как наступает у людей банкротство материальное, так наступает и банкротство духовное, и притча отмечает это словами: «Изжившу ему все». Да, он все изжил, тут уже пустота... Но человеку нужно жить, физически существовать, опустошенная душа и обессиленное тело жаждут этой жизни, и притча называет эту жажду голодом: «И бысть голод крепок».

За банкротством должен прийти и голод душевный. Под влиянием этого голода блудный сын кидается на все, потому что он живет в теле уже низшими животными инстинктами и, чтобы спасти жизнь, он опускается до самых низин, берется за самое низкое занятие; пасет свиней. Живя с животными, он питается пищей свиней... Когда душа опустошена и банкротство ее осознано, когда из нее вытравлено все истинно душевное, в человеке просыпается один животный инстинкт. Из высшего существа он стал рабом! Из свободного творца жизни стал несчастным рабом или, как притча называет его, «наемником».

Он стал наемником своего животного инстинкта, стал рабом своей страсти, он живет только низшей стороной своего «я». И уму, и душе опустошенной нужно питание. Жить нужно, и животный инстинкт толкает душу на самоудовлетворение. Душевную пустоту, банкротство надо чем-то заполнить, и душа наполняет их суррогатами. Когда душа отвернулась от чистых родников бытия, от чистого хлеба, что же ему осталось есть? Желуди. Когда человек отверг откровения истины, которой жил мир тысячелетиями, когда он отверг источник жизни — Бога и Евангелие, как книгу откровения Божественного, что же ему осталось? И человеческое слабоумие вырабатывает множество суррогатов, которым сразу же придает роль нового евангелия.

Оно отвергает Божественные догматы, будто бы делающие человека рабом, приводит новые

догматы и носится с ними, как с истинным знанием. Несчастное маленькое человеческое знание, которым заменяется Евангелие, люди выдают за новое евангелие и вдалбливают его положения в ваши головы, как новые догматы. Пища свиней! Одни суррогаты! Когда человек отвернулся от Бога и потерял возможность свободных жизнеощущений, полных чистоты, радости и счастья, возможных уже здесь, на земле, то что ему осталось? В своих жалких и безумных порывах он хватается за суррогаты жизнеощущений. Вот картина ухода души от своего Источника, от Источника жизни, вот картина блуда, т.е. блуждания души. Это подлинная трагедия души человека! Трагедия каждого дня. Весь мир охвачен ею, и вы все в той или иной степени разве не захвачены ею? И пусть, братия, головы ваши поникнут к земле...

Но не об этом только скорбите, что вы иногда идете этим путем блудного сына, — плачьте о другом. Плачьте о том, что у человека до конца дней его бывают закрыты глаза и он не видит, что уже расхитил богатство души своей, что он — нищий и голоден, что он — наемник, пасущий свиней, и живет только суррогатами. Вздохните же, братия, о том, чтобы и у вас открылись глаза, как они открылись у блудного сына, чтобы вам вместе с ним сказать: «Безумный я был... И что теперь?» Братия, вернитесь к Отцу! Аминь.

7(20) февраля 1927 г.

Слово в навечерие Прощеного воскресенья

Братия, вы не знаете, какой сегодня день? Это день тоски о потерянном счастье. Сегодня день плача о потерянном рае. Все богослужение сегодняшнего дня, начиная со вчерашней всенощной, пронизано одной мыслью, объединено одним чувством — страшной тоски, невыразимой тоски, что ушел рай.

Эта тоска и этот плач облечены в церковных песнопениях в необычайно художественную форму. Плач Адама представляет Церковь, но Адам — это коллективное лицо, это — человечество. О потерянном, неуловимом теперь счастье плачет все человечество, конечно, та часть его, которая сохранила еще совесть. Ну что человечество... О потерянном рае стонет, мечется, вздыхает вся тварь, как говорит апостол Павел в Послании к Коринфянам. Итак, братия, о потерянном рае плачет человек!

«Седе Адам прямо рая и свою наготу рыдая плакаше: увы мне, прелестию лукавого увещанну бывшу и окрадену и славы удалену. Но, о раю, к тому твоя сладости не насладюся, к тому не узрю Господа и Бога моего и Создателя; в землю бо пойду, от нея же и взят бых».

Так и мир, издерганный, усталый от беспутья, пусть сядет и плачет. Пусть он плачет о том, что обнажена душа, что бесцельна, безрадостна жизнь и нет рая — рай ушел, дверь затворена.

«Создатель мой, — поет церковная песнь, — персть от земли приемь мя и живоносным дыханием одушевив, жива содела. И твари начальник быти на земле всем видимым и ангелом купно жителя». Здесь Церковь проводит ту мысль, что Творец жизни взял человека от земли, персть взял от земли и, Своим живоносным дуновением одушевив, поставил его на земле почти ангелом, «начальником всем видимым и ангелом купно жителя», т.е. назначил человека быть вместе с высшими существами — ангелами. «Сатана же лживый, сосуд змия употребив, снедию прельсти, и Божия славы разлучи, и преисподнейшая смерти предаде в землю мя», — плачет Адам.

Вечная история, вечная история души, трагедия падений, трагедия ниспадений, когда начальник — хозяин земли, распорядитель ее делается последним рабом жизни. Меркнет счастье, уходит оно! Как люди не понимают этой трагедии каждого дня? Верно вчера Церковь пела о том, как природа, неразумная природа, ответила на падение души первого человека.

«Солнце лучи скры, и луна со звездами в кровь преложися, горы ужасошася, холмы вострепеташа, егда рай заключися». Вот как неразумная природа ответила на первое ниспадение человеческой души.

«Как же ты, — обращается Адам к себе и через себя к каждой падшей душе, — не ощутила зла, как же ты не поняла обольщения, умом помрачилась, позавидовала красоте ада, врагу поверила? Вот плоды — твоя боготканная одежда свергнута, жизнь превращена в один плач, жизнь в слезах, жизнь в поте лица, жизнь, которая дает одни тернии и волчцы...» Так плачет Адам о потерянном рае, так плачет человек о потерянном счастье.

«О раю святейший, мене ради насажденный; о раю честнейший, краснейшая доброто, Богозданное селение, веселие нескончаемое и наслаждение, слава праведных, пророков красото и святых жилище, о, как бы хотел я, — поет и плачет Адам, — на цветы посмотреть твои теперь; я цветов твоих не вижу. О луч блаженный! О сад божественный! Уже не вижу теперь доброты твоей. Рыдайте по мне ангельские чинове, плачьте о мне. О раю, шумом листьев твоих умоли Создателя, да отверзет мне враты...»

С какой трогательностью, с какой нежностью, с какой величайшей поэзией Церковь передает этот бессмертный плач Адама в назидание нам!

И ты, человек, на пороге поста, ты, усталый от жизни, сядь же у порога души твоей и плачь,

плачь о том, что обнажена душа, бессмысленна жизнь и безрадостна. Нет рая, ушел рай, закрылись врата... Плачь о том, что ты наг, что ты грязен, что ты бессилен, бессилен до того, что не видишь даже всей наготы своей, и равнодушен к этому, ты холоден, у тебя даже нет слез о себе поплакать.

Сядь же у порога опозоренной души и имей силу хотя бы скинуть повязку с глаз; прогони тот туман, который застилает твои глаза и твою совесть и имей же силу хотя бы вздохнуть к Отцу вместе с Адамом: «Милостиве, помилуй мя, падшего, помилуй, помилуй!» Аминь.

7 марта 1927 г.

Что надо знать о дьяволе

Господи, благослови!

Сегодня я буду говорить о дьяволе. Удивление? Понимаю вас. В XX веке, в период победного шествия научного знания, в крупнейшем городе страны — центре научных изысканий, откуда ежедневно радио разносит по всему миру клич торжества науки и материализма — и вдруг.. в такой обстановке речь о дьяволе! Какой анахронизм! Какой пережиток! Ведь это — средние века!

Кто же теперь верит в дьявола? Даже люди, верующие и считающие себя разумно верующими, или понимают евангельские и святоотеческие рассуждения о дьяволе иносказательно, т.е. под дьяволом подразумевают грех и силу греха, указывая, что Спаситель говорит о дьяволе, приспособляясь к народным поверьям, или, в смущении за наивность Евангелия, просто пожимают плечами, не решаясь сказать свою главную мысль: «Это устарело для нашего времени», или же принижают церковное учение о дьяволе и, не зная, как его связать с жизнью, разделяют это учение поверхностно, имея самые смутные представления о сатане.

Пусть люди как хотят думают о дьяволе, а дьявол-то есть, и Христос в сегодняшнем евангельском рассказе говорит больше того: он не только есть — он распоряжается жизнью людей. Господь исцелил женщину, 18 лет страдавшую недугом, и, когда книжники задали Христу искусительный вопрос, почему Он совершил исцеление в субботу, Господь ответил: «Вы в субботу отвяжете осла, чтобы напоить его? Так вот, я развязал женщину, которую сатана 18 лет держал связанной».

Видите? Сатана не только есть, а действует так, как будто он — хозяин жизни. Не будем, однако, углубляться в вопрос о бытии дьявола... Это привело бы нас к изысканиям, неуместным для богослужебного поучения, а возьмем наиболее наглядные доказательства этого бытия, как теоретические — от нашего ума, так и практические — от жизни.

Вот доказательство от ума. В бессмертие души вы верите? Верите. И значит, по смерти душа живет? Да. Значит, злая душа, испорченная, мрачная, темная, такой и переходит? Ясно. Так вот такая черная душа и есть дух тьмы. И уходит он в мир злых духов, подобных себе. Так как этот мир — мир разумных существ, то он должен иметь и имеет свою организацию, свои идеалы, задачи и цели, свои способы действия, способы жизни.

Святая Церковь верует, что во главе этого мира стоят родоначальники его, первые отпавшие от Бога духи зла, пронизанные ложью, спаянные злобой, умудренные тысячелетним опытом. Их задача — борьба со Светом. Их руководство всем миром злых духов клонится к ведению конечной борьбы с царством Правды, т.е. царством Христа. Отсюда вся жизнь мира есть борьба с добром, насаждение зла или греха, потому что зло и грех — понятия тождественные. И мир добра насыщен невидимыми духами зла, все существование которых преследует одну цель: погасить Свет, уничтожить добро, насадить везде ад, чтобы всюду было торжество мрака и ада. Вот самые основные понятия о царстве зла и его насельниках. Это совершенно реальное царство!

Теперь хоть одним штрихом подойдем к его бытию практически, т.е. от опыта жизни. Опять-таки, избегая длительных ссылок на опыт, остановимся на двух явлениях жизни. Вы наблюдали в себе, в окружающих, — если только, конечно, вы умеете вглядываться в жизнь, — силы, действующие в человеке, помимо его воли и даже помимо его сознания? Иногда, и даже часто, и против воли и против сознания! Такие состояния бывают на каждом шагу. Это все состояния страсти, состояния похоти, плотской чувственности, состояние гнева, страсти к вину, игре и т.д. Имя им — легион! Состояния, когда человек себе не принадлежит, а влечется, как

связанный, бессильный и безвольный, как раб, послушный чьей-то чужой воле.

Наука, конечно, не назовет эту силу злом и сатаной, она назовет ее физической и психической наследственностью, патологией, психозом и т.п. Но это поверхностное объяснение!

Когда человек «влечется» против воли, против сознания, когда он мучается, страдает, борется и все-таки бессилён, когда эта сила совершенно объективна в человеке, как второе «я», когда она сознается как что-то чуждое мне и враждебное, тогда научное объяснение мало что дает. Нет! Церковь, руководимая словом Божиим, говорит короче и проще: тут в человеке чужая сила, тут сила разрушения и зла, тут человек уже не свободен, он связан дьяволом, тут — сатана.

Да и помимо страстей сила зла и тьмы иногда проявляется у людей, по-видимому, совершенно обычно. Она проявляется, когда зло не выносит Света, с которым ему приходится сталкиваться. Например, почему распутная женщина не выносит присутствия величайшей стыдливости и целомудрия? Сейчас же у нее рождается злоба. Почему бывают случаи, когда мать или отец поносят, преследуют свою дочь или сына, если они встали на Божий путь? Кажется, если дочь пойдет «гулять», им легче, нежели она будет все время в храме. Почему это? Почему у людей при встрече с духовным лицом или даже со светским церковным человеком просыпается дух злобы? Казалось бы, человек кроткий и приличный по виду и ведет себя не зазорно, смиренно, а против него неистовствуют. Почему? Да это все явления одержимости под влиянием силы зла. Тьма не выносит мира, отрицающего ее, и поднимает злобу ада.

Итак, темные духи зла существуют, и они вторгаются в нашу жизнь. И если вы не учитываете этой реальности зла, вторгающейся в вашу жизнь, вы совершаете две величайшие ошибки.

Первая ошибка: человек уничтожает христианство, обесмысливает его, вынимает его душу, делает христианство мертвым, ненужным. Так в наше время христианство и стало пустотой для очень многих, называющих себя христианами. В чем смысл христианства? В возрождении человека через уничтожение в человеке зла. В чем смысл прихода Христа? В борьбе со злом, в уничтожении зла, в победе над сатаной, освобождении человека от силы зла и его спасении. Апостол так и говорит: «Дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть дьявола» ([Евр.2:14](#)).

И если вы из дела Христова выкидываете, в силу своего маловерия и рассудочности, борьбу с дьяволом и победу над ним, то вы уничтожаете силу христианства. Вы низводите тогда Христа на роль возвышенного моралиста, учившего добру, и только. И если вы в свою жизнь, как христианин, не введете борьбу с дьяволом, то вы — мертвецы в христианстве. Оно вам ничего не дает, и будете вы холодные, пустые, сонные, скучные, ничего не получающие от Христа и Церкви. Это так и есть! Разве большинство христиан не таковы? Разве большинство не безжизненны? Так и должно быть!

Совершается и вторая величайшая ошибка, когда из жизни христианина улетучивается мысль о дьяволе и необходимости борьбы с ним. Тогда человек сам отдает себя стихии зла, отдает свободно и добровольно. Происходит следующее: человек думает, что все кругом спокойно, врага нет, и он беспечен, живет без оглядки, силы души спят, все душевные движения принимаются как свои, как естественные. Этим состоянием людской беспечности и пользуется сила зла, ибо для нее нет никаких препятствий. Души покойны, души беспечны, души открыты... Бери человека голыми руками без сопротивления. Трагическая картина! Человек уверил себя, что врага нет — все происходит по естественным законам. А враг смеется... Свободно приходит, когда все открыто, и хозяйничает.

Один французский писатель (Гюйсманс) сказал изумительные слова: «Величайшей

победой дьявола было внушить людям, что его нет». Слышите? Да, это величайшая победа сатаны. Это он внушил. Какой дьявол?! Да его же никогда и не было, и нет! Это старый глупый предрассудок! И дьявол отошел в сторону. А теперь он зло смеется. Его нет, врага нет... Долой внимание, предосторожность! Он будет хозяйничать. Перед ним все открыто, приходи и в человека и делай с ним, что хочешь. Случилось подобное тому, как если бы воры и бандиты уверили людей, что их нет, что воровства никакого нет. Люди бы открыли настежь двери, предались беспечности. О, как расцвели бы тогда кражи и преступления! Да, в материальных делах люди умно запираются на десять замков, охраняют добро, а сберечь добро души не додумаются. Душа — проходной двор. Все настежь. Воришек боитесь, а духовный бандит вам не страшен!

И никакие оправдания не помогут людям. Раствлитель и похититель их жизни, их непримиримый, страшный враг — есть. Он без устали делает свое дело. Люди связаны им, они — его послушные рабы. Не говорите: «О, если б нам поосязательнее увидеть его и убедиться, что он есть!» Увидеть его легко. Научитесь смотреть. Вы смотреть не умеете! Вы слепы. Вы себя не видите, а как же вы хотите увидеть дьявола? Вот вы научитесь сперва себя видеть и тогда, поверьте, вы увидите дьявола.

Молитесь же, чтобы вам послал Господь добрый ум, трезвую совесть, открыл ваши внутренние глаза, чтобы не забывать вам никогда о своем исконном враге, всегда быть готовым к борьбе с ним, сторожить входы в свою душу, и тогда сила Божия будет одесную вас, и не будет душа ваша связана сатаной, как была связана им евангельская женщина.

Да дарует же вам Господь по молитвам вашего светлого духа — ангела-хранителя вашего избежать дьявольского рабства и быть свободными чадами Божиими, созидавая свое спасение во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Александр-Невская Лавра, 26 ноября 1927 г.

Для живой христианской души естественна устремленность к Богу. Устремленность к Богу находит свое выражение прежде всего в молитве к Богу. Молитва есть обращение к Богу, беседа с Богом. Следовательно, для ищущего естественно обратиться к искомому, для любящего — отдаться любимому.

Но хорошо молиться очень трудно. Что это значит? Казалось бы, при устремлении души к Богу молитва как естественное выражение устремленности должна вылиться из человеческой души свободно, без напряжения; молитва должна быть счастьем для человека, как естественно обращение любящего к любимому при земных отношениях людей и как оно для любящего радостно и легко. Очевидно, если молитва к Богу стала для человека непосильным трудом, — это результат того, что в нас нет такой устремленности к Богу и захвата любовью, какие имеют место в земных отношениях людей, когда обращение к предмету влечения совсем не труд, а счастье и удовлетворенность.

Вот причина труда молитвы. В нас нет захвата любовью, потому что душа наша не может собраться с силами, она — больна и расслаблена.

Что же нам делать? Ждать, когда придет любовь, когда придет захват, когда душа соберется с силами? Казалось бы, так. Нет, не так! Если тело болит и расстроено, то его лечат, чтобы к нему вернулись силы. А ведь для души лекарства не нужны. Для души подателем сил, целителем ее расслабления является Бог. И несобранность души, и отсутствие захвата, и трудность молитвы приходится лечить тем же обращением к Подателю Его цельбы, т.е. той же молитвой. Значит, не приходится ждать, когда придет молитва. Тут-то и получает свое место искусство молитвы.

Какое это великое искусство! Ради него отдавались жизни; для обучения ему передавались глубочайшие постижения пережитого. И они хранятся Церковью в сокровищнице подвижнических творений.

Одним из больших врагов хорошей молитвы является рассеянность, когда человеческий ум, быстротечный, как крылатый конь, не сосредоточивается на словах молитвы, а перебрасывает сознание от одной мысли к другой. Или бывает, когда помимо слов молитвы, мысль неотступно преследует какой-нибудь навязчивый помысел и нет от него избавления. Или бывает, что слова молитвы совсем плохо проникают в сознание, оставаясь на периферии мысли и не захватывая души, они идут, как обязательный урок, и молитва почти механична.

Как бороться с этим?

Способы борьбы с помыслом во время молитвы распадаются на две группы. В первую войдет перечень общих условий, обеспечивающих в молитве сосредоточенность и устойчивость мыслей, каковая сама по себе будет гарантией твердого порядка мыслей и будет содействовать успешной борьбе с нежелательным помыслом, проникшим в сознание. Во вторую группу войдет перечень средств, условно обеспечивающих устойчивость помыслов, указывающих, как выправить сознание, если враг уже ворвался и разбрасывает молитвенную мысль.

Первым условием доброго порядка мысли и успешности борьбы с сумятицей мыслей будет твердость христианской идеологии молящегося.

Конечно, христианская идеология предполагается в христианине сама собой, и она нужна верующему человеку на каждом шагу его жизни, особенно в доброй молитве. Она нужна для того, чтобы глубже входить в слова молитвы, быстро воспринимать их своею мыслью, как свое, как имеющее связь со всем своим. При глубоком понимании естественно создается захват молитвой, хотя бы и умственной, так как сознанию дается пища для него привычная и ценная,

которой он дорожит и к которой сам тянется.

Вот почему мы и говорим о твердой идеологии, т.е. верующему надо с отчетливостью иметь: а) полное христианское мировоззрение и б) с такой же четкостью знать, почему он лично в жизни воспринял это мировоззрение, не сойдет с него ни на шаг и будет поступать согласно ему.

Вторым условием доброй молитвы будет перевод идеологии в жизнь — воспитание христианского настроения, христианских навыков, недопущение в себя ничего расслабляющего, т.е. созидание христианской жизни.

Опять-таки предполагается само собой, что в каждом живом христианине должно быть стремление к христианской жизни. Эта связь жизни и веры нигде так не ощущается, как в молитве. Чем глубже разрыв между принятием христианской идеологии и действительностью, тем неустойчивее молитва и, наоборот, чем теснее связь веры и жизни, тем цельнее молитва.

Воспитание христианской жизни на основе христианской идеологии — это дело всей жизни, христианский подвиг. Для успеха в нем есть свои средства и свои способы. Рост в этом подвиге дает сразу же рост молитвы. Без него нет фундамента для молитвы.

Теперь о способах удержать устойчивость мысли в самом процессе молитвы. Их можно назвать несколько.

1. Надо приступить к молитве в совершенно спокойном состоянии духа (в житейском смысле), т.е. когда душа, мысли не расстроены, не отвлекаются какой-то заботой, каким-нибудь неотложным делом, не ввергнуты в гнев или в иную страсть и не находятся в их плену. Потому лучше для молитвы назначить определенный час дня и определенное количество времени, чтобы не искушаться помыслом: «Когда-то я успею сделать и то и другое?» Когда для каждого занятия будет установлено свое время, тогда помыслу житейских забот не будет оснований смущать молящегося. Когда при душевном волнении душа сама просится к Богу, например в скорби или в радости, тогда сама устремленность души подсказывает возможность и даже желательность молитвы.

2. Вставши на молитву, не надо обременять сознание мыслью, что надо выполнить какой-то определенный молитвенный урок, задание, правило. Если такое сознание будет преобладающим, то враг будет искушать мыслью: «Успею ли я? Надо торопиться... Как много осталось...» Этим враг вносит сумятицу в мысли и поверхностную торопливость и рассеянность.

При житейской занятости исполнение молитвы лучше связывать с определенным количеством времени, а не с количеством прочитываемых молитв, т.е. надо сделать так: по тщательном обдумывании и по совету с духовником положить себе ежедневно на вечерней молитве прочитывать установленное правило. Предположим, что тщательное, неспешное выполнение его требует час времени, и вы в своем обиходе выделите этот час.

Старайтесь приступать к молитве с мыслью, что вам надо поплакать перед Господом во время молитвы, а сколько вы успеете прочитать молитв — это неважно. Если вы не будете искушаться мыслью: «Успею ли я так много?», то увидите, что и молитва будет глубже, и вы будете успевать все выполнить, да еще от себя помолитесь своей молитвой.

3. Когда при рассеянии мыслей или обуревании каким-либо помыслом слова молитвы плохо усваиваются сознанием и механичны, хорошо добиваться полной сознательности повторением одной и той же фразы и мысли молитвы, принуждая сознание проникнуться этой мыслью. Причем повторять одну и ту же мысль с напряжением на ней сознания надо до тех пор, пока все сознание целиком не уйдет в эту мысль, отчего в душе появится удовлетворенность, что она овладела умом, подчинила его, и он послушен в ее руках.

Когда повторением одной фразы достигнете этого, тогда можно продолжать чтение молитвы далее. Так бывает не один раз в процессе молитвы. Надо сейчас же прерывать скачок

мысли в сторону и, принуждая сознание через настойчивое повторение одной фразы, одной мысли, заставить свою мысль вернуться на правильный путь и опять подчинить ее себе.

4. Когда при длительном неотступном обуреании каким-либо помыслом: например, когда упорно напрашивается мысль о каком-нибудь уклоне в поведении, о заинтересованности кем-либо или чем-либо, о всевозможных планах на будущее — можно дать видимое удовлетворение помыслам, как бы уступать им, а в действительности обезоружить их, а себя укрепить. Тогда можно прервать молитву и дать ход помыслам, как бы вступая с ними в беседу: «Хорошо, а дальше что, дальше что?» И помысл приведет к самоистреблению, потому что если идеология верующего крепка и подвигом жизни настроение его определено, то, конечно, чем дальше пойдет развитие помысла и предполагаемого им чего-то нового и заманчивого, тем больше будет обнаруживаться расхождение между предполагаемым и тем испытанием, чего держится христианин.

Таким образом, отпущенный на волю помысл сам заведет мысль в тупик, обнаружит свою внутреннюю лживость и тем обессилит себя. Тогда исчезнет и запретность помысла (он удовлетворен) и пропадет заманчивость его. От помысла останется только фальшь, сулящая золотые горы и гиблая в своем существовании. Мы как бы уступили врагу, но с «коварной» целью — вскрыть его «фонды» и посрамить, а самим еще больше укрепиться в своем вечном и непоколебимом.

5. Хорош для упражнения мысли при молитве такой способ ее возношения, который по опыту дает большую сосредоточенность, т.е. если сосредоточенность лучше достигается, когда у молящегося перед глазами текст молитвы, то пусть он молится, имея всегда перед собой книгу. Если же он лучше сосредоточивается, когда его ничто не рассеивает, даже зрение, то пусть замыкается в своем уме и книгой пользуется лишь для отрывочного наполнения слов молитвы (особенно когда молитвы знакомы).

6. Для привития сосредоточенности в молитве стоит еще держаться и такого порядка: если при молитве в сердце развилась сердечная теплота, устремление души к Богу, то надо остановиться на тех словах молитвы, которые особенно глубоко переживаются душой и захватывают ее, и присоединить к ним свои слова молитвы; когда же горение души удовлетворено, продолжать книжные слова молитвы. Однако тут надо руководствоваться и таким соображением: если вы ведете положенную молитву, то при переходе на молитву от себя нельзя перескакивать на другие предметы, чтобы не было беспорядочности в молитве, а воздыханиями своей души углублять ту мысль, которую вызвала у вас молитва.

Иное дело, когда по исполнении положенной молитвы душа разгорелась и просит своей молитвы. Тогда надо дать ей полную свободу молиться такими воздыханиями, которые Бог положит ей на сердце. Сердечная молитва не по книжке, а от себя всегда должна быть удовлетворяема и не стесняема ни предметами, ни временем, потому что эта молитва полной сосредоточенности, когда Господь незримо ощущается; душа как бы предстоит Ему и отдается Господу без отвлечения в сторону.

Вот, с Божией помощью, какими способами можно направить себя при молитве и бороться и с рассеянностью, и с обуреанием помыслом. Однако надо всегда помнить, что на указанные средства нельзя смотреть, как на медицинские средства, которые неминуемо принесут желанный результат даже при их механическом применении.

Надо пояснить, что молитва всегда остается подвигом, который совершается с великим трудом и только с помощью Божией.

Наш долг смиренно молиться, молиться с возможным духовным искусством, не ослабевая и не смущаясь тем, что при нашей человеческой немощи молитва наша всегда будет недостаточной и неровной.

Бывают дни, когда Господь за наш искренний труд дает нам великое утешение в молитве, когда душа переполнена и крылата и нет для нее тела и земли; а бывают дни, когда немощь Адамова обнаруживает свои права... То придет душевная усталость, то физическая болезнь и усталость, и тогда ум скован и не может войти глубоко в молитву, и вздохи безжизненны и слова вялы. Но не надо огорчаться и падать духом! Надо все равно с постоянством «воздавать молитву Господу, уповая, что к Богу не изнеможет всяк глагол», возносимый в вере. Аминь.

Слово на Рождество Христово

Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия миру свет разума...

Возлюбленные! Вот она знакомая, дорогая сердцу и волнующая песнь Рождества. Вы только что слышали ее и ответили на нее крестом и поклоном приветствия Бога. Как будто открылась тайна явления Бога, как будто отдернулась завеса будничной жизни, и в жизнь ворвался столп ослепительного света и залил все. И все засияло, все засверкало!

С первых же слов рождественской песни волнующая тайна Рождества заливает все чарующим светом. Это тайна открытия на земле Божественного Света. Рождество Христа засияло во вселенной Светом Разума. Свет Разума — Слово. Явление Божественного Разума — явление Бога Слова. Господь воплотился и пришел в мир, и в мире восторжествовал животворящий Свет Разума.

Рождество Христа — праздник явления Света. Это — праздник нового, второго творения жизни через влитие в нее Божественного Света. Эту мысль раскрывает нам св.апостол, который говорит, что до явления Света Разума, когда был нарушен контакт человека с Богом и человек был предоставлен самому себе, люди были объаты мраком тьмы. Этот мрак обволакивал всю человеческую жизнь. И запутался, и погиб маленький человеческий разум, погибло человеческое сердце, а с ними и вся человеческая жизнь. Но лучше скажем об этой безотрадности потерянной жизни словами самого апостола:

Поскольку люди не заботились иметь Бога в разуме, не заботились руководствоваться светом, то предал их Бог превратному уму, предоставил путаться во тьме заблуждения. Они осуетились в умствованиях своих... заменили истину... ложью, свет — тьмою. За то, что люди не приняли любви истины, послал им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи ([Рим.1:21](#); 25:28; [2 Фес.2:10-11](#)).

Ложь, как тьма, окутала всю жизнь. Произошло полное извращение понятий, взглядов, убеждений, мнений и даже простых представлений, так что явная ложь казалась истиной. Так бесславно погиб человеческий ум, лишенный руководящего Света Разума — Бога. Так же безнадежно погибли и совесть, и сердце человеческое. Об этом тоже скажет апостол: когда люди потеряли Свет Истины, тогда омрачилось несмысленное их сердце ([Рим.1:21](#)) и началось блуждание человека во тьме. Святой пишет: *И предал их Бог в похотях сердец их нечистоте* ([Рим.1:24](#)).

Нечистота разлилась по всей земле. Апостол открывает нам, что делается с землей, где погас Свет Разума и где оборвалось животворящее попечение Бога. Вся мировая история, особенно в эпохи морального упадка человечества, есть прямая иллюстрация к словам апостола Павла. Как живая характеристика земли, лишенной творческого света, звучат слова того же апостола: *Они (люди земли вне Бога) исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы* ([Рим.1:29-31](#)). И вот эту среду разложения осиял Свет Разума...

Братия! Это Бог, Бог — Слово. Это рождение Божественного Разума. Это осияние Его Света. Это творческое начало жизни. От Него — свет человеческого разума, свет совести как немеркнущей звезды.

Человек, невольник тьмы, умоли явившегося Христа подать тебе искру Света Разума и через нее осветить свою темную жизнь и впитать в себя Божественный Свет как истину жизни и как ее правду. Когда в душу проникает хотя бы искра Святого Разума, Божьего Света, тогда

человек «звездам служащий», т.е. живущий по стихиям земли, увидит в самих этих стихиях хотя бы тень величайшего Устроителя и Промыслителя жизни — Бога, и, руководимый искрой Света, потянется к Солнцу Правды, в стихию Бога.

«Звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу Правды, и Тебе ведети с высоты Востока». Человек устремится познать Тебя, пришедшего, как заря жизни, с Востока. Познавши, человек поклонится Тебе, как Солнцу Правды, отогнавшему мрак, прекратившему бесплодную суету жизни и подавшему нам свет, тепло и блаженство.

Вот, братия, какова мысль сегодняшнего радостного торжества. Сегодня праздник Света жизни! Праздник явления Бога-Слова, Света Разума. Праздник явления Света как творческого возрождающего начала жизни.

И сегодня — праздник жизни! Сегодня восходит Солнце Разума. Сегодня рождается Христос, наш Свет и Спаситель наш, все оправдание наше. Господи, слава Тебе!

Слава Тебе, Воплотившемуся! Слава Тебе, изгнавшему мрак и грех! Слава Тебе, явившему нам Божественный Свет! Слава Тебе, осиявшему Своим Светом вселенную и нашу грешную землю! Слава Тебе, Солнце Правды, осиявшее и нас Твоими лучами!

Взойди же, Солнце Правды! Гряди, Господи! Освяти наши души! Спаси нас явлением Твоим! Аминь.

Слово на Крещение Господне

Сегодня, братия, я опять утомлю вас. Сегодня я хочу закрепить в вас истину, о которой говорил вам в прошлый раз. Я говорил о том, что с пришествием Христа началось новое Царство и что в Крещении Господнем было как бы творение нового человека, что Христос — это новый Адам и от Него пошли новые люди и началась новая жизнь. Эта истина очень важна для вас, потому что и вы призываетесь в новое Царство для этой новой жизни.

Я вас, братия, спрашиваю: где же у вас эта новая жизнь? Гниение, разложение... А люди? Как они живут? Они живут, зараженные ужасными болезнями; это — больные люди. Все они на 99% только называются христианами и живут, не имея никакого представления об этой обновленной жизни.

И я, как последний сомневающийся скептик, спрашиваю: где же эта новая жизнь? Есть она или нет? Может быть, эти построения — лишь мечты, утопия, иллюзии богословов, а на самом деле ничего нет? Может быть, это одни красивые фразы о новой жизни и даже сказки, которыми мы себя тешим?

О, если бы так это было! Как хорошо и легко нам было бы жить, если бы не было никакой другой жизни.

Мы живем скверно, в грязи... Сюда приходим отдохнуть, успокоиться, очиститься от грязи, утешить себя мыслью, что мы наследники Царствия Божия. А потом уйдем отсюда снова в грязь. Удобно и приятно развлекаем себя, как дети, сказками о далеких царствах, добрых феях и необыкновенных принцах. А на самом деле ничего нет; сказки слушать безобидно...

Братия, а вдруг это не сказки? Что тогда? Может быть, новая жизнь идет мимо вас? Может быть, есть эта новая жизнь, и вы по-прежнему слепые, глухие, по-прежнему в грязи...

Я отвечу, что тогда! Отвечу вам словами Самого Господа, Который сказал: «Если бы Я не приходил к вам, если бы Я не говорил вам, вы греха бы не имели. Если бы вы не знали об этом новом царстве и прошли мимо него — с вас нечего спрашивать. Но теперь, когда вы знаете, когда пришел Свет к вам — вам нет никакого оправдания».

В другом месте, в беседе Христа с Никодимом, Он говорит о смысле и тайне Царства Божия: «Я пришел не судить мир. Я не суд принес, Я пришел спасти человека». Однако Евангелие добавляет, что Суд человеку будет.

Да, придет для вас осуждение, и оно уже есть. Вы осуждены уже тем, что пришел Свет, который не принят. Я приведу в пример аналогии из жизни. Белое пятно всегда видно на темном. До Христа была тьма и все было так, как будто и должно быть. Но вот пришел Свет и сразу стало заметно, где свет и где тьма. И где же вы: в свете или во тьме? В этом-то и есть ваше осуждение, потому что еще раз повторяю, нет вам оправдания в вашей безобразной жизни.

Теперь давайте проследим, смотрел ли Христос на Свое время как на начало новой жизни и видел ли Он эту новую жизнь в людях? Оказывается, видел, чему есть два доказательства.

Первое доказательство дано в Назарете после первого выступления Христа на проповедь. В одну из суббот Господь пришел в синагогу и встал на место, откуда обыкновенно читали Священное Писание. Прислужник принес Ему книгу пророка Исаии (61:1—2). Господь раскрыл ее и прочел: «Дух Господень на Мне: его же ради помаза Мя благовестити нищим, посла Мя исцелити сокрушенные сердцем, проповедати плененным отпущение и слепым прозрение, отпустить сокрушенные во отраду, проповедати лето Господне приятно» ([Лк.4:18-19](#)). Христос прочел эти слова и закрыл книгу. Тогда, говорит Евангелие, воцарилось молчание, и все взоры устремились на Него. Все недоумевали и как бы спрашивали: ну, а что дальше? К чему эти слова и какое они имеют к нам отношение?

Господь выдержал паузу и говорит: «Лето Господне приятное наступило воочию, т.е. посмотрите вокруг себя, посмотрите, что делается. Забила другая, новая жизнь, которую Я принес людям. Разбитым сердцам, разбитым жизням Я даю новые силы. Истерзанным и измученным Я даю покой. Пленникам зла и страстей даю освобождение, полную свободу. Нищим духом, вычеркнутым из жизни, Я даю новые силы. Лето Господне приятное наступило воочию, ибо забила новая жизнь!» И все свидетельствовали: да, так.

Заметьте, братия, что свидетельство исходило не от друзей, а от врагов Христа. Кто при этом был? Книжники и фарисеи — враги Христа, которые пришли в синагогу послушать закон Моисеев. Тем не менее они подтвердили: да, новая жизнь началась. Они не могли не согласиться, что действительно происходит что-то странное, начинается какая-то необыкновенная новая жизнь.

Второе доказательство исходит опять-таки от Самого Господа, и взято оно Им не из пророчеств, а из самой жизни. Это доказательство относится ко времени воскрешения Христом сына вдовы Наинской ([Лк.7:12-16](#)). В то время уже пошли в народе разговоры о Христе как о необыкновенном человеке, и дошли они до учеников Иоанна Крестителя. Среди них возникло ревнивое чувство. Они так любили Иоанна, что стали спрашивать: «Кто же этот Второй?» Они идут к Иоанну и спрашивают у него: «Кто это?»

Иоанн, желая рассеять их сомнения, говорит: «Пойдите и спросите у Него. Что прощете Самого спросите». Ученики Иоанна идут и прямо ставят вопрос: «Говори, Кто Ты? Ты — тот Мессия, Которого мы ждем? Это Ты? Или нам ждать другого?» ([Лк.7:17-20](#)) Христос не говорит, что о Нем написано пророками, а отвечает: «Пойдите, скажите Иоанну... слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют» ([Лк.7:22](#)). Посмотрите, неужели вы не видите, что творится вокруг вас?

От этих доказательств следует перейти к современности и посмотреть, как теперь проявляется эта новая жизнь и где эти новые люди? Но слово мое и так уже слишком пространно и поэтому вопросу о новой жизни в современности я посвящу отдельную беседу.

А сейчас закрепите в себе все сказанное и эту истину воспримите с радостью и трепетом. С радостью, потому что вы призываетесь в это новое Царство, и с трепетом, потому что вы должны ответить, есть ли в вашей жизни хоть маленький росток этого нового Царства.

Я с настойчивостью вас спрашиваю; так что же, есть или нет? Вы живете по первому Адаму или по Второму? Вы на пути или на беспутье? Братия, может быть, вы заблудились на распутьях жизни? Остановитесь, отдохните, стряхните грязь и пыль и тогда, свободные, пойдите по иному пути в новое Царство Отца Небесного.

«Блажен, кто не соблазнится о Мне», особенно в настоящее время. Аминь.

Александр-Невская Лавра,, Свято-Духовская церковь, 5/18 января 1927 г.

Слово на Сретение Господне

Возлюбленные! И сегодня тоже большой праздник Света! Если он не вызывает в вас живого чувства ко Христу, если вы чтите в нем только событие младенческой жизни Господа, так это потому, что вы не вникли мыслью в сегодняшнее и не вошли в него душой.

Сегодняшний праздник нам, грешным людям, должен быть ближе прошедших праздников Рождества и Богоявления. То были праздники Света явившегося. Сегодняшний праздник — праздник Света, воспринятого человеком. Все мы, знаменованные Светом («Свет Твой, Господи, знаменася на нас»), зовемся к принятию Света. Сегодня — праздник воспринятого Света, праздник Симеонов, праздник душ, озаренных Светом.

Вот ныне какое радостное торжество. Свет не только явился вселенной, Свет осиял человеческие души. Они «срели» Бога. Нашли, увидели и приняли Бога, и Свет «назнаменовался» на них. На них легла славная печать Божьего Света.

Церковь так понимает сегодняшнее торжество: «Ты — Свет во откровение языков». Она прославляет озаренных: «Ты — слава людей Твоих»; Ты — слава людей осиянных. Они стали Твоими. Они — Твои новые избранные, новый Израиль.

Братия, вы видите теперь, как должен быть близок нам сегодняшний день сретения Бога. Он будит в нас немеркнущий идеал жизни, центр наших земных стремлений и указывает на возможность его осуществления — озарение Светом Бога и влитие в Него.

В этом празднике связывается начало Божьего дела с его концом. Рождество и Крещение — начало: явление Света и Бога. Сретение — завершение: принятие человеком Бога, озарение его и влитие в вечность.

Братия! Блажен и триблажен Симеон! Счастливы все души, встретившие Бога и увлеченные в Его Свет. Стремитесь и вы. Бегите, ищите! Для всех уготовано откровение Света. «Ты Свет во откровение народов!»

Итак, бегите из тьмы, облакайтесь Светом, не бойтесь подвига, крещения огнем. Не бойтесь насилия над собой при преодолении тьмы и греха! Больное вырезается с болью... «Без пролития крови, — говорит апостол, — не бывает прощения» ([Евр.9:22](#)), без подвига не бывает победы.

Не ослабевайте, если немощи вашей души тянут вас вниз, и борьба за Свет становится очень тяжелой и длительной. Это борьба всей жизни. Не ослабевайте! Молите Подателя Света, чтобы Он потерпел ваше бесплодие.

Как Симеону было обещано, что он не умрет, пока не увидит Христа, так и вы молитесь Подателю Света, чтобы не оборвалась нить вашей жизни, пока не свершится озарение. Боритесь за него с настойчивостью и постоянством! Пусть душа, познав Свет жизни — Бога, безудержно Его ищет и рвется в Его Свет. Пусть неуклонно идет осветление души! И будут тогда раскрываться глаза души и расправляться ее крылья, и тьма станет мерзкой и невыносимой, а Свет Бога — зовущим, ласкающим и неистребимым.

Душа уже не оторвется от источника своей полноты — Бога и не променяет Его ни на какие иллюзорные блески земли, как бы ни были они фееричны, потому что если душа встретила Бога, то в ней самой происходит рождение Света как стихии Бога («Бог есть Свет», согласно апостолу Иоанну), единственной стихии жизни, вне которой — тьма и смерть.

Когда совершается озарение души, когда в душе потечет новая жизнь Света, тогда изменится все наполнение жизни души. Тогда перед ней откроется во всем своем величии покоряющий мир Бога и только тогда она ощутит, как животворящ Свет Бога как Божеская сила, разлитая во всем мироздании. Тогда душа почувствует, как этот Свет наполняет все ее бытие, как он изменяет все вещи мира, и душа поймет, как каждая точка мира находит свое завершение

только во влитии в покоряющую стихию торжествующей Истины — в стихию вечного Бога.

Вот когда совершится это озарение души, тогда она воскликнет Богу словами праведного Симеона: Господи, истинно, истинно увидали глаза мои то «спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов» ([Лк.2:30-31](#)).

Господи, Ты милосердный, взыскал Свое творение. Ты всех зовешь, всем открыл непостижимые глубины явления Света — Сына Своего и через этот Свет всех обнимаешь и всех влечешь в Свет и Любовь Твою. И воскликнет словами Симеона «ныне отпускаеши» душа, осиянная, просвещенная, ощутившая Бога и спасение в Свете Его. Крикнет она Богу: *Ныне отпускаеши...* Ты разрешаешь меня, Господи, от связанности тьмой и грехом, отпускаешь меня и вводишь в мир Света, оправдания и блаженства!

Братия, вот каков сегодняшней праздник. Праздник воспринятого Света, душ осиянных, душ озаренных «Светом во откровение языков» и исполненных радости завершенности озарения (на земле), когда познавшая Свет душа невольно поет Богу: *Ныне отпускаеши* меня из тьмы в Свет Твой.

Заразитель вдохновенным восторгом и поклонитесь осиявшему землю Свету Разума. Запечатлейте в сердцах, что явление Света стало фактом жизни; Богоявление совершилось! Запомните и сделайте неистребимой эту мысль, что «Свет Твой, Господи, знаменася на нас», и оставьте греховную, но удобную для вас тьму. Пойдите в Свет, ищите Бога! «Сретайте» Его, примите, обнимите душой! Просвещайтесь, просветляйтесь от Божественного Света. И молитесь, молитесь со всей силой Светоподателя Бога:

«Да будешь и мне Светом Откровения и войду я в сонм избранных Твоих, Тобой осиянных. И буду я в Свете Божественной Славы среди возлюбленных Твоих, нового народа Твоего, нового Израиля, Ты — слава людей Твоих Израиля». Аминь.

Слово в Неделю сыропустную

Возлюбленные братия!

Сегодня — преддверие Великого поста. С сегодняшнего дня Церковь уже не празднует, не торжествует, а по преимуществу врачует. С сегодняшнего дня через церковные двери вход, главным образом, в лечебницу. Теперь здесь лечат души.

Порча души началась давно — с тех пор как человек сам исказил свою душевную природу. Как болезнь тела есть нарушение нормальных законов жизни тела, так и болезнь души пришла тогда, когда человек нарушил ее нормальную жизнь. И как болезни тела передаются по наследству, так стала наследственной и порча души. И как в жизни тела при развитии болезни идет вырождение организма, так и в жизни души от болезни и от порчи пришло ее вырождение, искажение ее природы и отмирание ее способностей. В душе появляется элемент разложения — это наследственная порча греха, живущая в нас, как микроб тления и смерти.

В молитве, которую мы должны читать ежедневно (2-я вечерняя молитва), так мы и обращаемся к Богу; «Господи! Не остави меня... не уходи от меня, потому что семя тли во мне есть», т.е. живет во мне семя тления, порчи, болезни.

Святые отцы, подвижники благочестия образно изображают искажение природы души и ее подчиненность греху. Как заботливо облачают царя в роскошные одеяния и украшения, чтобы он весь был одет в царское, так князь лукавства всю душу обволакивает грехом и не оставляет в ней свободным ни одного уголка: ни ума, ни помыслов, ни чувств — вся душа облечена им порфирию тьмы. Или иначе: похищен свет у человека и облечен человек во тьму. Враг рассыпал и разделил помыслы человека, совлек ум его с высоты и поставил над ним своих досмотрщиков — злых духов, которые понуждают его делать лукавые дела.

С болезнью пришло следствие — ее таинство и страдание от нее. Как в теле болезнь накладывает отпечаток на весь организм, подчиняя его себе, так в душе человека началось таинство греха и страсти. Страдает от него вся душа, ибо грех хозяйничает в ней. Душа уже потеряла способность желать, молиться, быть чистой. Она влечется, как безвольная жертва, не в силах правдиво желать и правдиво поступать. Все отравлено в ней и страдает: и мысль, и желание, и воля. Душа влечется, как жертва... Как будто тьма Египта сошла на нее, и закрылся для нас свет жизни.

Святые отцы образно изображают смятение и страдание души. Как в темную ночь, когда подует жестокий ветер, приходит в смятение, колеблется и колышется все живое, так и человек, будучи во тьме греха, приводится ветром греха в колебание и сотрясение. У него в смятении вся природа: помыслы, чувства, вся душа. Она вся страдает от болезни греха.

Еще один картинный образ дают нам святые отцы, изображая болезненное состояние душ, пораженных грехом. Души, плененные злом, — это пшеница, брошенная дьяволом в решето и просеиваемая им. Как пшеница в решете вскидывается и бьется, так бьются греховные души в бесконечном волненье, борьбе, заботах. Сатана сотрясает души также решетом, т.е. земными делами просеивает весь грешный род человеческий. И как пшеница взбрасывается в постоянном круговерчении, так князь лукавства вскидывает всех людей, приводит их в смятение и тревогу, вселяет в них суетные помыслы, пустые пожелания, непрестанно смущая, пленяя и уловляя весь грешный род Адамов.

Братия! Вот картина больной и бедствующей души человека. Конечно, она начертана здесь крупными штрихами. Основные из них три: грех и порча души как результат ее искажения; вырождение, истребление душ и страдание больной души.

Но и эти три штриха разве не кричат о страшной болезни человека? Разве можно

равнодушно пройти мимо этих показателей гибели души? У каждого из нас даже при самом ничтожном анализе своей жизни есть сотни ярких иллюстраций, обнажающих и наше падение, и нашу болезнь, и истребление души, и ее злое страдание. Где тот неразумец, что стал бы отрицать свою причастность этой болезни?

Да, братия, мир человеческих душ в тяжелой болезни! Эта болезнь так непреложна, что нет нужды вскрывать ее многими словами. Заключение ее обозначение словами преподобного Макария Великого. «Весь видимый мир, — пишет преподобный, — от царей и до низших, — весь в смятении, нестроении, борьбе... И причина та, что болезнь души — грех прившел в жизнь, как некая разумная сила, и произвел повреждение, растление души и ее страдание».

Люди часто забывают о болезни своей души, забывают, что она в плену греха и силе зла. Оторвавшись от источника жизни

— Бога и поставив центром всего свое маленькое «я», люди считают все явления своего внутреннего мира законным продуктом своей жизни. Понимание же уклонения души от нормы, сознание порчи души и подчинения ее силам зла чаще всего совершенно отсутствует у людей.

Разве это не горькая правда? Разве громадное большинство людей не живет беспечно, как будто все у них в надлежащем порядке? Люди совсем не вспоминают о своем роковом недуге. Как будто и нет его! И каковы же результаты? Вы их знаете.

Не видя в себе болезни греха и не принимая никаких мер против этой болезни, души продолжают быть разъедаемы этой болезнью. От поколения к поколению душевные силы приходят все в больший упадок; растет болезненность и хилость душ; их наследственная порча доходит до угрожающих размеров, до истребления последних остатков богатства и красоты души.

Вы знаете также, братия, что над душами, истребленными злом, висит бич последствий данной болезни — страдание, которого не становится меньше, даже если люди думают, что они здоровы и нормальны. Страдание, как роковая печать греха, неустранимо остается в душах, и как бы люди ни пытались не считаться с ним или выйти из него, оно, как незримая тень, скользит за человеком, и нет у человека возможности освободиться от его терзающих когтей.

Таково человеческое большинство. Оно кружится, забывая о своей прогрессирующей болезни. Но есть другие люди, об этом помнящие. Это люди, просвещенные христианством. Они видят уродство своих израненных душ и понимают, что их страдания — результат зла и их душевных ранений. Однако и эти, видящие, остаются в своей прежней болезненности, потому что у них нет сил скинуть наследственное ярмо греха. Они делают попытки освободиться от болезни, но у них нет сил встать на верный путь жизни, и, бедные, они по гроб своей жизни барахтаются в бессильных попытках подняться и залечить свои раны.

В результате получается, братия, что болезненность душ, их вырождение и вся расстроенность жизни остаются неустранимыми фактами каждого дня. Гибнут человеческие души, гибнут... Где же выход?

Беспросветность, угнетающее уныние, тоска до отчаяния и поиски смерти были бы уделом человека, если бы он не имел выхода в своей роковой обреченности. Как при болезни человека вся сила его устремляется на освобождение от болезни, как физически больной человек хватается за малейшую надежду на возвращение здоровья и крепости, так напрягается видящая душа в тоске по своей утраченной неповрежденности.

Конечно, степень тоски и напряженности души различны в зависимости от ее духовности и сознания своего повреждения. Но и на самой низшей ступени духовности человек порой томится от груза неправд жизни и хочет облегчить душу какой-то ванной очищения. Даже при слабой духовности человек переживает расслабление души, как смрад, как облипшую его нечисть, которую надо сбросить, чтобы дать доступ в душу свету и чистоте, чтобы свободней и

радостней было жить и дышать. Человеку нужен выход... нужен выход из тесноты греха на простор чистой и светлой жизни.

Братия! Этот выход дается теперь Церковью. Она всегда его дает, а сейчас, в дни наступающего поста, Церковь становится по преимуществу лечебницей душ. Больные, бессильные, усталые, слабые, загрязненные, жаждущие очищения и тоскующие о свете жизни, приходите! Церковь даст вам целение и волеет бальзам обновления. Как совершится это?

Прежде всего должно произойти ваше примирение с жизнью, исковерканной вами, ибо своими падениями вы испортили чистую жизнь и виновны перед нею и перед Творцом ее — Богом. Произошел разрыв между вами и неповрежденной жизнью. Поэтому и необходимо восстановить оборванную связь и получить примирение с жизнью и Богом. Примирение же достигается сознанием вины и болезни души и отречением от них. Это необходимо! Как же может быть обеспечено человеку здоровье, если он оставил в себе заразу разложения?

Когда будет восстановлена правда жизни, тогда Начальник жизни отсекает ее искажение и не вменяет в грех оставленной позади неправды. Теперь душе, освобожденной от груза греха, надо утвердиться в Свете. Милосердие Божие и здесь протягивает руку человеку и дарит ему силу — это сила Божией благодати — твердо стать в правоте и идти по просторной дороге чистоты и радости. Вот выход! Вот избавление от болезни! И оно творится Господом через Церковь, которая устроена Христом как Его земное орудие.

Идите же к Ней, братия, и получите целенье. Теперь, в дни очищения, Церковь по преимуществу устраняет болезни. Идите же, обнажайте больные души, вскрывайте гнойники, показывайте раны, плачьте о нечистоте, болезни и падении, и вы возненавидите свою болезнь и свою больную душу и отречетесь от смрада греха. Исповедайте Богу свои преступления и убегите от них, не оставляя в себе ни одного микроба заразы!

Церковь, велением и силой Бога, даст оправдание вашим угнетенным растлением душам, волеет бодрость в ваши надломленные силы и даст свежие силы вновь жить в оправдании. Поднимитесь же в радости, чтобы найти снова утраченную жизнь Света! Вступите в дни очищения — двери здравницы душ открыты. Риньтесь в них прочь от болезни! Ищите целения у Бога и вы получите его. Аминь.

Слово в I-ю Неделю Великого поста

Братия! Сегодня исполнилась неделя, как начался пост. Великий, как назван он. Он велик потому, что он установлен в подражание сорокадневному посту Христа и в память Его страданий и смерти. Страдания и смерть Христа вместе с воскресением Его открыли нам жизнь, и мы подвигом поста чтим страдания Христа, чтобы, очистившись постом, войти в открытую дверь бессмертия. Отдадимся же умом и сердцем предлежащему нам подвигу поста и посвятим наше слово посту.

В наши дни говорить о посте как-то странно... Теперь, когда пост зачастую не соблюдается и среди даже представителей Церкви, призывать к нему — не обречь ли свое слово на заведомую бесплодность? Не будет ли восприниматься речь о посте как формальная защита отжившей, почти забытой и, очевидно, не так и важной церковной традиции? Теперь, когда чуть ли не утрачено представление о делении пищи на употребляемую в пост и не употребляемую, говорить о посте — не вызвать ли только улыбку?

Быть может, проповедь о посте для тех, кто, не разбирая родов пищи, думает лишь о том, как бы быть сытым, вызовет раздражение и будет равносильна запрещению есть голодному? Церковь, однако, блюдет свои посты и призывает исполнять их. Вы думаете, это рутина? Отжившая защита картофеля и капусты? Совсем не так.

Если вы ходили к будничным богослужениям первой недели, то могли слышать изложение церковного взгляда на пост. Это не случайные капризные мысли и моменты, вызванные изменчивостью человеческих вкусов. Это вековой взгляд, который создан вековым опытом великих душ и им проверен. Пост, по учению Церкви, прежде всего есть трезвение, бодрствование души. «Трезвися душе, бодрствуй», — зовет Церковь, открывая подвиг поста.

Бодрствование есть сущность поста, одушевляющая все внешние проявления его. А что такое бодрствование души? Бодрствование души есть обращение души в самое себя и выправление всех ее сил. Душа как бы становится на стражу самой себя, так что ее владения — силы души — все в поле ее зрения, и она каждый миг может защитить их от покушения со стороны. В своей собранности и настороженности душа видит все чуждое себе, наносное и злое, что противно ее природе и искажает ее. В такие моменты душа способна и подметить врага, и отразить его своими, теперь подчиненными ей силами.

Вот в чем, братия, великая сущность поста: в бодрствовании души, поставлении ее на страже своего внутреннего мира, чтобы отсечь от него все, искажающее его. Так молит Церковь: «Истинный пост, пост Бога, есть злых отчуждение, ярости отложение, похотей отлучение; сил оскудение, есть пост истинный и благоприятный».

Пост есть «отчуждение злых», т.е. отмежевание себя, выкидывание из себя всего наносного зла, всего ненормального, противного душевной природе; «отложение ярости», т.е. приобретение душевной ясности и душевного равновесия; «отлучение похоти», т.е. освобождение от похотей, этих болезней душевных, истребление их. Вот каков истинный пост — пост души, внутренний пост, и он благоприятный, ибо освобождает душу от болезней и возвращает ей здоровье.

Утвердивши эту сущность поста, Церковь говорит о внешнем посте, т.е. посте тела, о воздержании в пище. Настолько связаны тот и другой посты, внутренний и внешний, настолько внутренний является первоначальным сравнительно со вторым, что Церковь даже не мыслит одного без другого и прямо говорит, что один внешний, телесный пост сам по себе вовсе и не нужен. Он — пустая форма, самоограничение, не увенчиваемое успехом, если одновременно нет поста души.

«Постыщиеся, братие, телесно, постимся и духовне». «Пост не воздержание от брашен точию совершим, но от всякие вещественные страсти отчуждение». «Поста день да будет ти, душе, отложение греха, и к Богу стремление, вкупе и присвоение». «Начнем пост, — учит Церковь, — в добрых пребываниях... в судах бо и распрах (т.е. в ярости, злобе, осуждении, немирности, словом, в страсти) не постимся».

Во всех указаниях Церкви — требование очищения души, наряду с телесным постом, и совершенное отрицание поста тела без одновременной борьбы с грехом — «в грехе не поститесь». Вот, братия, какова мысль Церкви об истинном посте. Не забудьте же ее, когда вы хотите рассуждать о посте!

Теперь, по ознакомлении с сущностью двуединого поста, естественно выяснить, почему при бодрствовании души необходимо ограничение в пище? Церковь дает ответ и на это.

Оболочкой нашей души является тело, и между душой и телом существует неразрывная связь. При здоровом состоянии души соотношение души и тела — нормально, т.е. оболочка, как начало низшее, материальное, подчинено высшему — духу. При болезни души нормальное соотношение души и тела меняется: оболочка из служебного положения переходит в господствующее. Душа больная теряет свое внешнее руководство и ниспускается, так сказать, в тело, оземляется, поработается телом, подчиняется ему и уже творит его волю. При всякой страсти, этой болезни души, тело, вначале бывшее проводником души, с усилением в ней страсти становится орудием этой страсти, оковами, пленяющими душу.

Так как наши души сплошь больны разнообразными страстями, то оковы их сплошь обволокли душу, и она связана и пленена ими. Вы думаете, что вы свободны в своем мышлении, в своих чувствах, в своих действиях? Напрасное обольщение. Люди просто влекутся больным телом, влекутся как жалкие слепцы, без сопротивления, часто без сознания.

Нужны примеры? Припомните хотя бы по одному на каждую способность души, а ведь их сотни! Разве ум не подчинен страсти, например, гнева, гордости? Разве чувства не отравлены, например, у сластолюбца? Разве воля не поработана при похоти, играющей человеком, как ей хочется? Истинно: люди — рабы. Болезнь, грех, как злой фараон, когда мы попали в плен Египта, плен тела, приставил к нам надсмотрщиков и поработителей — страсти наши, и они бичуют нас же, вызвавших их к жизни.

Церковные молитвы изображают взаимодействие больной души и тела как насилие тела над больною душою. Так в утренней молитве к ангелу-хранителю мы молимся: «Не дай места лукавому демону обладати мною насильством смертного сего телесе», т.е. не допусти лукавому демону обладать мной через насилие над моей душой этого смертного тела. Плоть называется «мучительницей» нашей, и как это глубоко правдиво!

Получилось, таким образом, полное извращение нормального состояния души и тела. Душа уже не распоряжается телом. Она — послушное его орудие. Струны души, ее силы опущены и прикасаются к чуждому для них дереву — телу, и нет звуков души... А материальное тело одновременно звучит своими законами и требованиями. Как вы поведете борьбу с этим извращением? Как извлечете болезнь души и вернете ей свободу? Вы думаете, своим рассуждением, своей волей?

Безнадежные средства! Если вы в борьбе с грехом надеетесь на силу ума или воли, то, значит, вы еще не боролись со страстью. Когда страсть разольется как пламенеющая лава и ее пожар охватит душу и душа опалится сладким огнем страсти, тогда ничто из ваших больных сил не спасет вас. Вы повлечетесь страстью, куда она хочет, как бы вы ни пытались противиться. Безнадежно! Вы в сетях! Что же делать тогда?

Надо дать окрик страсти, надо разорвать постыдную связь тела с душою. Надо прекратить незаконное мучительство тела! Один из путей — пост как воздержание. Воздержание — это

обуздание тела, отсечение страсти, холодный душ для нее. Так именно и наставляют нас церковные песни, заповедуя пост, как обуздание тела ради освобождения души от его засилья.

«Воздержанием тело смирити вси потщимся... Распним уды воздержанием... постом на нас мучительствующую плоть поработивша... погасим плотския страсти пламенеющия. Твердое оружие поста имуще, яко щит, всякую казнь прелести вражия отвратим... очистим плоть, очистим душу...»

Когда воздержанием сброшено насилие тела и с ним — порабощение похоти и страсти, тогда дух высвобождается для свободного действия его сил. Тогда расправляются крылья души, и она свободно парит в сродной ей сфере. «Гряди, душе, крилы облечаема! От долу влекущего восстани... воздержанием (себе) вперивше в небеса».

Гряди, душа, поднимаемая на крыльях! Вставай от греха, страсти, влекущих тебя вниз. Воздержанием ты всю себя введешь на небо! Теперь, ты, свободная от мучительства тела, иди по своим устремлениям. Враг подавлен. Он лежит, ослабленный и покорный!

Церковь приводит одушевляющие примеры побеждающей силы воздержания и поста: Христос сорок дней постился в пустыне, и тщетны были все искушения врага. Сам враг был связан властным повелением Постившегося: «Иди за Мною, сатано!» Воздержание сохранило невредимыми от растерзания зверей трех отроков, брошенных в ров львиный. Оно подняло на огненной колеснице Илию Пророка, вооруженного постом. И оно поставило пред лицом Бога Моисея на Хориве. Вот победные лавры поста! Разве они — не достойное венчание подвига воздержания?

Братия! Вот с какими мыслями подойдите к пониманию поста, блюдомого Церковью и в наши дни. И ревнуйте, братия, ревнуйте в подвиге воздержания! В греховном неразумении не пренебрегайте им! Ревнуйте в воздержании, чтобы и вам не погибнуть во рве греха, спастись от растерзания зверями — страстями, связать и сделать покорным себе своего мучителя.

Ревнуйте, братия, в посте, и он как огненная колесница оторвет вас от подчинения телу, от греха и поднимет вашу душу на высоту. Пост волеет в душу бодрствленность, которой вы повлечетесь к Богу и будете поставлены пред лицом Его, как Моисей на горе Богоявления!

Ревнуйте же, братия, ревнуйте! Аминь.

Слово во 2-ю Неделю Великого поста

Братия! Вы знаете, что Церковь своими службами воспитывает нас как заботливая мать. Ими она назидает, руководит, поддерживает нас.

Прошло только две недели поста, а уж заботливая мать спрашивает: не ослабли ли дети? Надо их поддерживать. Как опытный воспитатель в поддержку воспитанника и его ревности приводит ему примеры великих людей, так и Церковь в своей сегодняшней службе выставляет нам величавый образ церковного светильника — архиепископа Григория Паламы, Фессалоникийского чудотворца.

Личностью и деятельностью великого Григория Церковь хочет поддержать и нашу ревность в неослабном следовании Богу. В богослужебной песне в честь св.Григория так и поется: «Бодрый язык твой ленивых души восставляет», души уставшие, обессиленные... Иначе говоря, Церковь зовет: почерпните и вы новую бодрость в одушевляющем примере великого святителя!

В укрепление вашей бодрости я снова обращаю вашу мысль к закону поста и воздержания. Углубим наши мысли в этом направлении.

Мы знаем из прошлого слова, что обычное состояние греховного человека — это состояние зависимости души от тела. Состояние — ненормальное, болезненное и сопровождается болезнью души — страстью. Воздержание — один из путей прекратить насилие тела над душой.

Видите, братия, какую роль получает воздержание? Оно — закон нормальной жизни и бич нарушения нормы. Оно — выправление искажений жизни, выпрямление нарушенного соотношения между духом и телом, средство установить равновесие между ними и создать правильные условия для развития духа и нормального развития тела. Так, воздержание из незначительного, казалось бы, требования, обращенного к телу и питанию, вырастает в непреложный закон жизни, закон духа.

Один из глубоких духовных писателей, объясняя значение воздержания человеку, говорит ему: «Ты — горд, ты самолюбив, ты много и так высоко мечтаешь об уме твоём, а он у тебя зависит от желудка. И потому не думай, что закон поста есть закон для чрева, в сущности это — закон для ума». Так оно и есть: воздержание — это основной закон нормальной жизни души и тела. Ум, этот царь человека, если желает вступить в свои права властвования, должен прежде всего сам подчиниться закону воздержания. Тогда он будет свободен, бодр и будет властелином жизни.

Если мы обратимся к истокам жизни, когда устанавливались ее законы, то увидим, что закон воздержания был водружен именно тогда. Заповедь воздержания была дана в раю Адаму. Знаменательно, что это была единственная заповедь, установленная как регулятор правильной, нормальной жизни. Ты, Адам, свободен во всем, но одно ограничение ставится тебе: не вкушай! Не сказал Бог: «Не гордись» или «Не будь празден», а ввел одно ограничение: «Не вкушай». Это закон воздержания.

У Адама было полное равновесие между силами души и тела. У него еще не было того засилья плоти, которое появилось потом. И все же, очевидно, для сохранения нормальной устойчивости духа и тела было указано: «Не вкушай», что было равносильно: не подчини себя материальному, не дай перевеса плоти, не создай засилья плоти, сохрани свободу властвования духа, его чистоту и бодрость.

Насколько воздержание ставилось краеугольным камнем жизни и насколько оно водружалось как основной закон жизни, видно из того, что нарушение воздержания вело к

смерти. «Не ешьте, — говорил Господь Адаму, — чтобы.. не умереть». Ясно, что нарушается закон жизни, то следствием нарушения должна быть смерть. Библия историей Адама показывает, что смерть действительно пришла, и Библия объясняет, как и почему она пришла, как в Адаме произошло разрушение жизни и началась ее гибель. Когда Адам и Ева в ущерб голосу духа дали силу физическому ощущению, залюбовавшись красотой запрещенного яблока, то в тот же миг нарушилось равновесие их природы в сторону господства тела и плененности души.

Тотчас открывается картина этого господства: физическое ощущение давит сознание и рождает обман, яблоко кажется покоряюще-красивым и завораживающе влечет к себе. Человек уже в чарах и в плену обмана. Дальше он отдает силы души на оправдание лжи и заставляет ум подыскивать доводы, оправдывающие нарушение заповеди Бога. Так произошло засилье тела и началось его хозяйничанье над стоящим выше его духом.

Поскольку нарушена гармония в человеке, обеспечивающая свободу развития жизни, то началась связанность духа телом. Подняла голову чувственность и предъявила свои права; Адам и Ева увидели свою наготу и оказались в плену чувственного влечения. Свобода души умерла.

Утрата гармонии природы. Утрата свободы души. Это уже расстройство жизни, вхождение элемента разложения и смерти. Библия за сообщением о возобладании в Адаме и Еве чувственности отмечает, как следствие, немедленное расстройство их внутреннего мира, смятение души. У первых людей появился стыд, и они в народившемся уже смятении жизни захотели укрыться от лица Всевидящего Бога. Так пришло нарушение нормы жизни, ее расстройство (грех), удаление от Бога и лишение Божественного Света. Все это — в результате пренебрежения законом воздержания.

Братия! Вы видите теперь, что этот закон жизни оберегает равновесие природы в человеке. Если он был необходим в раю, когда природа Адама была идеальной и соотношение сил души и тела было уравновешенным, если и тогда этот закон воздержания был необходим как укрепление свободы души в добре и Боге, то вне рая, когда человеческая природа искажена грехом, когда соотношение души и тела нарушено в сторону засилья страсти, тела — закон воздержания неизмеримо значительнее, так как он должен не ограничить, а выправить, восстановить свободу души и этим обеспечить нормальные условия жизни человека, а потом поддерживать свободу развития души и тела человека.

Если мы в своей беспечности не в силах сделать закон воздержания постоянным спутником своей жизни, не в силах сделать его руководящим законом своего поведения, не можем строго подчинить ему свою жизнь изо дня в день, из месяца в месяц и из года в год, без всякого послабления, то хотя бы дадим ему силу в некоторые периоды своей жизни, когда Церковь призывает нас к осознанию всего своего расстройства и призывает к восстановлению правды жизни и ее здоровья. Хотя бы в эти периоды, — а это и есть периоды постов, — подчиним себя воздержанию, чтобы восстановить нарушенную жизненную правду.

Лукавая человеческая мысль всячески порочит ценность закона воздержания. Любимая отговорка, которая рядится в мнимую научность и высокую гуманность, утверждает, что прочное воздействие на человеческую природу — это воздействие волевое, внутреннее, а не внешнее. В условиях порчи человеческой души не следует ли, говорят, обращаться к психическому воздействию, а не физическому?

Так человеческая мысль пытается снизить значение воздержания, чтобы и совсем вычеркнуть его из жизненного обихода. Фактически это и случилось с постом — он забыт и отброшен, как бессмысленный и отживший порядок.

Надо и с этой стороны укрепить незыблемость воздержания. Надо понять, что хотя закон воздержания оказывает физическое воздействие на человека, тем не менее он имеет огромное

значение и для выправления нарушенной психики. Не напрасно умудренные опытом души называли его законом ума, о чем мы уже говорили. Мы знаем, что душевные силы человека истреблены грехом. Знаем, в каком состоянии расстройств находятся все способности его души. Как же можно, излечивая больное, опираться на это больное? Как впадшему в болезнь поручить прописывать лекарство от болезни и руководить выздоровлением? Как не имеющему жизни поручить вдохнуть силы жизни?

Не очевидно ли, что ненадежно опираться на больное. Не потому ли и кончаются крахом все человеческие попытки самолечения? Силы души остаются в своем роковом расстройстве, а все самые изощренные рецепты душевного здоровья остаются только бесконечными теориями.

Очевидно, в лечении болезни человеческой души нужно другое. Нужно внешнее, физическое насилие, чтобы разорвать преступное давление тела на душу. Нужно внешнее насилие, чтобы вырвать душу из подчинения. И потом опять нужно внешнее насилие, чтобы сложившийся в душе уклон зла истребить, выкорчевав его, и чтобы внешней упорной тренировкой привить душе новый здоровый навык. Таким физическим насилием и является пост, который разрывает в человеке связанность души телом, возвращает душе свободу, после чего она сможет долгим упражнением привить себе новый здоровый навык. Вот какова почетная роль поста в воспитании здоровой человеческой души.

Не бойтесь, братия, прибегнуть к насилию над своей греховной природой и не отвергайте это насилие!

Ведь прибегаете же вы к нему в воспитании? В привитии ребенку того или иного доброго качества и вытравливании из его души задатков зла вы допускаете насилие над ребенком. Если в нашей дочери или сыне берут верх порочные привычки, разве вы не заботитесь усилить противоположные наклонности и не насилуете тогда молодые души? Или когда вы хотите развить в юноше или девушке умственные или эстетические способности, разве вы не прибегаете к насилию? Вкоренение знаний или художественных навыков разве не требует упорной тренировки — насилия? Да и в привитии всякого навыка, нужного человеку в его быту, человек начинает систематически тренировать себя и лишь упорным трудом делает себя художником, музыкантом, певцом, ученым, токарем, портным и т.п. Совершенно понятна нужда тренировки, когда вам необходимо порвать подчинение давящему телу и привить душе утраченные ею духовные склонности. Такой тренировкой, возвращающей душе свободу, и будет пост — воздержание, как обеспечение нормальной жизни человека.

Итак, братия, если вы хотите восстановления своей разрушенной жизни, примите воздержание, как средство, обрывающее преступное давление тела и возвращающее душе свободу правильного развития. Иначе ваша жизнь останется нудным чередованием добра и падений, вечно повторяющейся суетой, скучным ползаньем в замкнутом круге душевного плена, без конца и просвета.

Выходите же из этого гнетущего круга! Выбирайтесь из рва греха и страстей. Победителями вас сделает пост — воздержание. Как Даниил во рву львином избежал растерзания зверями и подчинил их себе («пастырь львом является»), так и вы, укрепленные воздержанием, покорите зверей — страсти, и они сделаются послушными вам. Не пренебрегайте же воздержанием, братия!

Ревнуйте, ревнуйте! Аминь.

Слово на причащение Святых Таин

Возлюбленные, радуйтесь! Тайна совершилась. Божественная вечеря кончилась! Повелением Христа, в Его невидимом присутствии и Его державною рукою преподано вам Пречистое Тело и Животворящая Кровь.

Радуйтесь, причастники Вечери Тайной! Прославьте много Возлюбившего вас: «Благословен Грядый во имя Господне, Бог Господь, и явился нам!» Благословен Христос, невидимо пришедший сюда в Пречистых Тайнах! Истинно — Бог и Господь явился нам, и мы приняли Господа. «Прияхом Духа Небесного».

Радуйтесь, братия, радуйтесь! Тайна совершилась! «Тело Христово примите, Источника бессмертного вкусите»... Тело Христово мы приняли, источника бессмертия вкусили. Омыта скверна нашей души, истреблена нечисть, убелены одежды. На раны наложен целительный пластырь. Влит в нас бальзам спасения.

Остановлена болезнь, прикончено тление, заглушено веяние смерти. Восстановлена оборванная связь с лозою — Христом, и соки жизни снова побежали в нас. Кончено тление! От источника бессмертия вкусили мы. Радуйтесь же, принявшие Христа, вкусившие жизни вечной, жизни небесной!

Братия, теперь храните! Храните святыню! Не расплескайте многоценное миро! Вы стали как сосуд драгоценный. Не утратьте же аромата небесного!

Вы приняли «Духа Небесного», так и останьтесь в «селении Единого Духа» и не делайтесь снова «селением греха». В дом убеленной души своей вы приняли Христа и храните, чтобы быть в «сени крил Его». Не возвращайтесь на смрадный, болезненный грех! Останьтесь в святыне, и вас как огня пусть бежит «всяк злодей (грех) и всякая страсть» (из молитв ко Причащению).

Вы приняли Бога, так не живите же в своей духовной изолированности, а живите с Богом, своим Владыкой и Благодетелем! Вы приняли жизнь. Останьтесь же в жизни! Растите в себе семя жизни, семя бессмертия и вечности. Не возвращайтесь назад, в нечисть, расслабление и смерть! Останьтесь с Богом, братия! Останьтесь с Ним до конца!

Что же это значит? Как остаться с Богом и избежать болезни — греха? Как сохранить в себе принятую святыню и навсегда остаться причастником жизни и бессмертия? Ответ на эти вопросы простой: остаться с Богом — значит быть с Ним каждый час, каждую минуту.

Иначе говоря: надо не только называться верующими и христианами, но и в жизни быть ими, и тогда всегда будешь со Христом. Надо, чтобы вся наша жизнь, все наши действия и поступки, каждый день и всякий час проводились нами не так просто, а по-христиански. Надо, чтобы каждый из нас был не просто врач, учитель, земледелец, столяр, слесарь, отец, брат, начальник, подчиненный, а чтобы всякий был христианин-врач, христианин-учитель, христианин-земледелец, христианин-отец, христианин-начальник и т.п. При таком взгляде на себя каждый шаг жизни, всякое, даже малое, домашнее действие надо контролировать мыслью: как я должен поступить как христианин?

С утра, поднявшись с постели, в домашних хлопотах и заботах, а потом и вне дома — в пути, на работе, на отдыхе и в развлечениях — христианин неизменно остается христианином и неизменно контролирует себя: так ли я веду себя, как необходимо христианину? Такой контроль должен быть не только целодневным, он должен быть целожизненным. Вот тогда жизнь всецело окрасится христианством. Христос навсегда пребудет в нашей жизни как Руководитель. Семя благодати, получаемое в Таинствах, будет возвращаться, и будет продолжаться наш внутренний рост, чтобы мы смогли стать наследниками Божьего Царства.

Братия, мы должны сознаться, что наша жизнь идет совсем по-другому. Она идет почти вне

всякого влияния на нее Христа и Его благодати. С утра до ночи, из месяца в месяц, из года в год двигателем нашей жизни являются какие угодно мотивы, но только не те, как согласовать свое поведение с волей Христа. Жизнь вертится из года в год сама по себе, и христианству в ней отведено столько же места, сколько десяткам других, по традиции исполняемых вещей, если даже не меньше того. Христианство занимает один из самых скромных уголков жизни, который обнаруживается или в установленные моменты жизни (большой праздник, крещение, похороны), или в случае какой-нибудь экстренной жизненной встряски (жизненные неудачи, смерть близких и т.п.). В обычное время, когда жизнь катится заведенным порядком, кто же думает о христианстве, да и к чему о нем думать?

Врач мыслит себя и живет как врач, ремесленник — как ремесленник. Мысли и поведение человека складываются сообразно его профессии. Так и проходит жизнь в установившихся рамках земного порядка: мы лечим, учим, копаем землю, служим, торгуем, отдыхаем, развлекаемся, а к Богу обращаемся тогда, когда этого требует заведенный порядок, или от случая к случаю.

Понятно, что при таком отношении к христианству, наши отношения к Богу исчерпываются в жизни механическим выполнением привычных бытовых действий: несколько раз в день перекреститься, в большие праздники забежать в церковь, поставить свечку, отслужить в именины молебен, заказать панихиду в день памяти родных. Наше христианство свелось, таким образом, к одному обряду, да и то плохо выполняемому, нашей же жизни оно почти не затрагивает. Наше христианство не в жизни, а при жизни, как полагается быть всяким другим порядкам, сторонним для нас и внутренне с нами не связанным.

Мы настолько отделились внешнему, земному и настолько беспомощны в деле христианском — росте нашего внутреннего человека, что остаемся поверхностными даже в ответственные моменты соприкосновения с христианством. Взять хотя бы к примеру Святое Причащение. Великий смысл принятия Тела и Крови Христовых известен, конечно, каждому, а вместе с тем затрагивает ли это Таинство глубину наших душ и отражается ли на нашей жизни? Ответьте сами. Не случается ли того, что мы теряем благодатные мгновения в кратчайшее время? Что наши возвышенные чувства, вызванные принятием Святых Таин, очень быстро исчезают? Не погружаемся мы тут же в обычную суету, оставляя Христа в стороне до новой полагающейся надобности в Нем?

Это иллюстрация того, что наша жизнь только вскользь соприкасается с христианством, и даже ответственнейший момент этой жизни — принятие Христа — почти не отражается на нашем внутреннем мире. В нас берет верх обычное внешнее, и мы с легкостью погружаемся в обычную земную внешнюю деятельность. Поверхностное отношение к христианству и наша неспособность подойти к нему особенно разительны, если сопоставить их с нашей прекрасной ориентировкой в вещах земных, которыми мы живем.

В дни приобщения мы не знаем, как подойти к своей душе, не знаем, как вести себя, чего требует от нас принятие семени вечности, как уберечь святыню. В то же время припомните, как мы осведомлены и предупредительны в заботе о физическом здоровье, прекрасно знаем, как вести себя, когда нам прописана та или иная лечебная процедура. Мы строго соблюдаем часы и минуты и принимаем лекарство, следим за питанием, одеждой, точно знаем, что нам вредно и чего надо избегать и пр. Отчетливо раскрывается, что наша жизнь целиком идет в круге внешних явлений, а внутренняя жизнь с заботами о душе и христианство, воспитывающее душу, только поверхностно пристегнуты к жизни и совсем, совсем не влияют на ее ход.

Это жизненное пренебрежение христианством дает, конечно, свой плод. Человек превратил христианство в простой обряд. Когда христианство допускается в жизнь только как традиционная форма, тогда сила христианства умирает для души и, естественно, душа равно

ничего не получает от поверхностного выполнения обряда. Скользящим отношением к христианству человек обращает в обряд даже Таинство, и оно из могучего средства принятия Божией помощи превращается в одну внешность, в тот же обряд, утомительный и скучный, ничего-то и не дающий человеку.

Формальным отношением к христианству человек сделал его для себя мертвым и, соприкасаясь с ним лишь поверхностно, ровно ничего от него для себя не получает и лишь по традиции поддерживает с ним связь.

Вот к чему привел порядок жизни и отношение к Богу, которых держится человек, когда жизнь его идет сама по себе, а Бог вспоминается лишь в отдельные моменты жизни и обращение к Нему — это один из принятых в жизни обычаев, который тут же забывается, чтобы уступить место другому, очередному обычаю. Вот, братия, откуда идет нудность и мертвость вашей веры, разброд душ, неслаженность жизни и те раны душ и их болезненность, от которых вы бы хотели исцелиться через Таинства Тела и Крови Христовых.

Если вы хотите удержаться в здравии, то устраните причину своей порчи — прекратите двойственность жизни и разброд сил души. Оставайтесь с Богом и сделайте Бога распорядителем каждого вашего шага! Не откладывайте в сторону семя жизни, полученное от Бога, — оно заглохнет; не возвращайтесь к одному мертвому обряду. Станьте христианами не по названию, а по жизни! Водвиньте Бога в мысль, желания, поступки, самое дыхание свое, и семя жизни будет расти в вас, а жизнь — зеленеть и благоухать.

Радуйтесь же, причастники Вечери Тайной! Радуйтесь!.. Ваши очищенные сердца и ваша осветленная жизнь пусть поведут вас, когда вы пребудете с Богом, к причастию вечной небесной жизни, на бесконечную Вечерю Отца Небесного, в Царство Его и Сына и Святого Духа во веки веков. Аминь.

Слово в день празднования Иверского образа Богоматери

Знаете ли вы, братия мои, что одним из очень больших бедствий нашей жизни является отсутствие в ней сторожбы, охраны?

Вы сознаете, каким несчастьем для нас является беспечность, жизнь «нараспашку», «на авось», «как обернется, так и хорошо»?

Вы понимаете, конечно, что я говорю о жизни в целом, а не о ее материальной, имущественной стороне. В этой части жизни, имущественной, люди куда как осмотрительны, догадливы, осторожны и заботливы. Они без конца изнуряются, чтобы обеспечить сохранность своих вещей. Тут всякие замки и запоры, и постоянный свет, и тревожная сигнализация, и бдительная охрана, и постоянство контроля, и, главное, неустанная забота, чтобы все предусмотреть, все охранить и все обеспечить.

Нет, не об этой части жизни я говорю — здесь порядок, а об охране жизни в целом. Тут картина будет другая и противоположная. Как только вы отойдете от запертых ящиков и сундуков, взгляните на то, что больше и значительнее их, как только подойдете к поведению человека в целом, и от надоедливого оберегания вещей обратитесь к богатству, от которого зависит все счастье жизни, так ужаснетесь человеческому неразумию: все без призора, свалено в кучи хаоса, и все настезь.

Это не преувеличение. Вглядитесь в жизнь сами!

Центр, определяющий нашу жизнь, — это душа. Скажите все по совести: этот ценнейший центральный аппарат, регулирующий жизнь, в заботе, в охране, в величайшей бережливости, как бы его не испортить, как бы ему не повредить? Ведь его порча сейчас же отразится на жизни. Да ничуть не бывало! О чем меньше всего заботы, так об этом драгоценном, но невидимом аппарате жизни. Забота о нем, как о прошлогоднем снеге...

Не оправдывайтесь тем, что душа ничем не напоминает о себе, и потому легко и простительно иной раз и забыть о ней. Да, душа не напоминает о себе, но в этом виноваты вы сами и только вы. Не вы ли прогнали напоминателя, чтобы он не беспокоил вас? В винограднике ваших душ была сторожевая башня и был сторож, который обращался к вам. Об этом позаботился ваш Отец Небесный: Он «насадил виноградник, и обнес оградой ...и построил башню» ([Мк.12:1](#)). Башня со сторожем — это совесть. Слушают люди ее? Не повалена ли башня? Не рассчитан ли сторож?

Нет охраны, нет сторожбы! Упала и разорена ограда! Открыт, оголен со всех сторон сад души. Приходи, кто хочет, распоряжайся, хозяйничай.

Вот картина обнажения жизни: двери открыты, сторожа нет, регулятора нет. Ветер случайных влияний свободно гуляет по саду души и выносит из него последние ценности. Что может крепнуть на сквозняке? А душа живет на таком сквозняке... Она стала как улица, как площадь, как проходной двор. И не то, чтобы в ней уже не осталось ничего дорогого. Нет, там может быть и есть еще жемчуга, но почему рано или поздно ветру не вымести их? Когда в мешке есть хотя бы одна малая дыра, из него все растеряешь. Как же вы хотите удержать ценности души, когда она раскрыта отовсюду!

К настезь открытой душе не то чтобы осторожно подползает «прилог», как святые подвижники называют начальный возбудитель смятения души, а свободно врываются в нее бешеные страсти, эти болезни души, и делают все, что хотят. Душа вместо хозяина жизни стала рабыней жизни. И все потому, что нет охраны, нет сторожа — одна беспечность жизни.

Я знаю, что многие не согласятся со сказанным и будут лепетать: «Как же так, как же так... Мы руководим, у нас есть разум, мы изучаем, мы направляем жизнь. Мы не беспечны».

Жалостное прикрытие нищеты! Лучше знать неприятную правду, чтобы скорее отойти от пустоты, чем убаюкивать себя фальшивыми словами.

Да, мы умничаем и копошимся в хороших теориях и громоздимся что-то устроить по своему вкусу и росту, а в это время чувства и воля человека упорно бредут своей дорогой и бессмысленно кидают человека из стороны в сторону по своему капризу. Человеческого умничанья хватает только лишь на бестолковое круженье в пустоте. Душа же по-прежнему не защищена и сторожа нет, так как силы ее в разброде. Душа стала кораблем, с которого ушел капитан и на котором поломан управляющий руль. И стала она хозяйством, которое бросил руководитель.

Каков же выход? Конечно, поднять башню. Восстановить ограду. Но это — долгое, мучительное дело. Нужен упорный труд, мало того — подвиг нужен. И нужна великая терпеливость, на месяцы, на годы. Терпеливость на долгие годы скучных, тяжелейших усилий борьбы над собой. А помощь нужна сейчас, немедленно!

Возьмите охрану со стороны; возьмите в помощь Ту, Которая от века предызбрана служить людской охране и людскому спасению. Ту, которая через тайну Воплощения уже начала Свое служение. Ту, Кому при Кресте поручены все ученики Христа, как дети поручаются матери, — Пречистую Богородицу.

Можно ли забыть о Ней? Забыть о Ней, когда в служении людскому спасению Она «в молитвах неусыпающая» «день и ночь молится о нас», простирая к Сыну носившие Его руки!

Можно ли забыть о Ней? Особенно вам, имеющим своей святыней Иверский образ Пречистой Богоматери, который мы чтим сегодня, с любовью поклоняясь и целуя. По этому образу Пречистая именуется и чтится как «Вратарница», как неусыпный сторож, как охраняющая входы. Первообраз этой святой иконы был водружен у врат обители, посвященной Богородице, и Пречистая назвалась «Вратарницей», буквально — Привратницей почитающих Ее и стерегомых Ею.

Как же вам забыть об этом? Неплохо сделали вы, когда, приняв свою, чтимую ныне, святыню, эту дивную копию первообраза, полученную с его родины — Афона, поставили ее на стогнах своего града, в этом окраинном храме. Как же вам забыть то, что неусыпный страж уже есть? Он призван, он — на посту. Его и зовите. Пусть будут хранимы не только стогны града, пусть молитва Пречистой охранит ваши дома и ваши семьи.

Приблизьте же к себе Богородицу, Которая для того и пришла к вам! Не только к домам и семьям, к своим душам и жизням приблизьте Ее. Пусть охранит их от всякого зла, в котором запуталась и гибнет душа.

Вот надежный сторож и незаменимый покров, вот тихое убежище от бурь греха и поддержка уставших, обездоленных, израненных грехами, больных, боримых; это молитва Пречистой. Молитва Богородицы — как ласка Матери всего мира.

Отдайтесь Ей, и отдайтесь Ей всем порывом, потому что душа обнажена, ее сокровища расхищены, и нет у нее своих сил оборониться и подняться. Отдайтесь Ей и в слезах молитесь Ей: «Посети мою немощь и душу мою... разоренную мою душу... Помилуй, Благая, помилуй...» (тропарь Иверскому образу).

Так призывайте Ее каждый час во всех случаях сторожбы души и жизни. Ее помощью поднимайте поверженную башню — совесть, чтобы оберечь душу от врага. Стройте ограждение души на столбах исполнения Христова закона! Стройте ограду, чтобы охранить неповрежденность и чистоту сада от вреда и грязи со стороны!

Когда вы почувствуете, что восстанавливается виноградник вашей опустошенной души, не только не отпустите Ту, Которая помогла вам в самые горькие дни вашей жизни, а в слезах радости, любви, почитания вы прочно, на века, водрузите Ее уж не на стогнах, а в самом

цветнике своей расцветающей души, потому что в вас загорится вера и желанье, чтобы Она, создавшая ваше душевное ограждение, повела бы теперь вас в другую светлейшую ограду, в чертоги Небесного Сына.

Тогда разве вы умолкнете звать Ее? Не со всей ли силой любви, желанья, молитвы, стремленья польется из вашего сердца сладкая песнь хвалы, которая и ныне звучит в ваших устах: «Радуйся, Вратарница, врата райския нам отверзающая». Аминь.

Слово в субботу Светлой седмицы. О вечной радости Воскресения

Братия! Христос воскрес! Христос воскрес! Сегодня последний день Светлой седмицы и поэтому усугубьте призывы Воскресшего!

В сердце вашем, быть может, печаль... Зачем проходят дни ликования и кончается праздник? Скоро закроется вход во Святаю святых и оборвутся радостные пасхальные песни. Зачем? Зачем? Остаться бы навечно в ликующей выси и знать только радость... Ведь пребывание с Христом — бесконечно, и неугасима радость пребывания с Ним!

Братия, праздник кончается только по земному порядку вещей. В этом порядке каждому событию из их годовичного круга естественно отводится ограниченное время. Но Воскресение не кончилось! Оно бесконечно. Разве стираются плоды Воскресения? Разве снова заключается небо? Запирается рай и делается недоступным Небесное Царство? Разве уходит от нас Христос и уже не близки Ему певцы Воскресения?

Нет! Пусть не омрачается лучезарность души, поднятой Воскресением, — Христос с нею веки! Воскресение не исчезает и радость его не тускнеет.

«Я с вами во все дни до скончания века» ([Мф.28:20](#)). И далее: «И мир уже не увидит Меня... ибо Я живу, и вы будете жить» ([Ин.14:19](#)). Если вы в Господе и Он — в вас, то нет места печали. Будет вечно яркое свет загоревшейся жизни! Пусть не умолкает в вас радость. «Пребудете в любви Моей... и радость наша будет совершенна» ([Ин.15:10-11](#)). Радость вечного Воскресения — это бесконечная, ничем не сокрушимая радость. «Я увижу вас... и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» ([Ин.16:22](#)).

Так не снижайте же радости! Праздник кончается по внешнему порядку вещей, а ликующая высь остается. Христос остается и душах, остаются слова его: «Радуйтесь!» Этот призыв подкрепляется заветом: «Радости вашей никто не отнимет у вас». Никто! Никто не в силах отнять радости Великого и Светлого Воскресения. И ничто, ничто, кроме греха, не в силах затемнить ее.

Только радость ваша, братия, с сегодняшнего дня не будет иметь наружной оправы в виде духовного ликования. Сокройте ее в глубине души и храните там как неизгладимый отпечаток Божественного Воскресения. Лелейте в душе все святые чувства Пасхи, все порывы в Свет Христа, порывы к своему воскрешению. Соберите там, как в ларце, все отблески, все алмазные лучи воскресшей жизни.

Если ваши сердца зажглись светом Воскресения, то, конечно, ваша душа, как хранилище даров Пасхи, станет живым источником струй жизни. Из него забьют потоки вдохновляющей силы и заискрятся лучи радости, и вы каждый миг сможете переживать Пасху и вдохновляться святым Воскресением.

Впрочем, Господь не лишает своих чад и внешнего подкрепления. Святая Церковь празднует поэтому Воскресение каждый седьмой день и посвящает службы этого дня Воскресшему Богу. Это еженедельное Воскресение и есть отблеск Пасхи. Он дается вам, чтобы подкрепить ваше вдохновение, чтобы ярче блистал в вашей душе Свет Воскресения и живее была бы радость о Нем.

Так Свет Воскресения льется круглый год. Он изливается без конца... Пусть же будет в душах неумолкающая радость, пусть будет «веселие вечное»!

Братия, пусть радость вас не оставит! Переместите веселие звуков в неизгладимое веселие души. И пусть душа останется погруженной в волны Божественного Света, пусть Свет Воскресения станет ее постоянным внутренним светом.

В залог того, что Воскресший пребудет с нами навеки, примите святой хлеб — артос, раздаваемый сегодня. Святой артос, возлежавший всю Светлую неделю под алтарем — символ того, что Воскресший Господь здесь, невидимо пребывает с нами. Примите же часть этого святого хлеба как знак, что вы приняли Воскресшего Христа и что Он пребудет с вами вовеки. Примите как знак, что вкушением этого хлеба вы стали причастниками Воскресения, жизни нетленной и вечной. Да будет святой артос залогом вашего воскресения, залогом приобщения Христову Царствию!

Братия, ликуйте же весело! Храня в домах этот символ жизни в Воскресшем Христе, вы пребудете всегда в радости. «Да празднует же весь мир, видимый же и невидимый: Христос бо восста, веселие вечное!» «И нам дарова живот вечный! Поклоняемся Его тридневному Воскресению». Аминь.

Со вчерашнего дня, братия, несколько изменился тон церковных песнопений.

В аккорды бурного пасхального веселья вплелись плавные, спокойные мотивы обычного церковного круга; в радость Воскресения вплелись обычные темы — о грехе, о призыве к очищению и всякие просьбы, человеческие просьбы. К темам Неба прибавились темы земли...

Как-то символично, что именно к этому дню, когда снизилось церковное пасхальное парение, приурочено Фомино воскресение. Нам не по плечу отдаваться долго чистой радости о Воскресшем, уйти душою ввысь, забыть землю. Наши души слишком прозаичны — полет в небо только манит, но недоступен, и мы не можем воспринять экстаз Церкви в ее гимнах победившему смерть Христу. Не можем в полной мере принять ликование воскресшей жизни, когда грех и тление отпали.

Как будто нам это недоступно. Как будто Фомино воскресение нам больше по плечу. Нам оно ближе, чем восторженная радость мироносиц, чем крик сердца Марии: «Учитель!» Нам более понятны слова Фомы, обращенные к Воскресшему Господу.

Вы слышали об этом рассказ Евангелия. Вечером, в день Воскресения, когда все ученики Христа, кроме Фомы, были вместе, явился им Иисус и показал им и руки, и ноги, и ребра Свои. Ученики несказанно обрадовались, увидя Господа. По Его уходе пришел Фома, и апостолы рассказали ему, что видели Господа. Однако Фома заявил: «Я не поверю тому, что явился Христос, пока сам не увижу Его, не увижу на ногах Его и руках Его ран от гвоздей, пока не осязаю своими руками этих ран, своею рукою не коснусь прободенного ребра, — не поверю».

На восьмой день по Воскресении, когда ученики были опять собраны вместе и Фома был с ними, снова явился Господь. Он преподал «мир» ученикам и, обратившись к Фоме, предложил ему осязать Его раны. Охваченный порывом веры, Фома восклицает: «Господь мой и Бог мой!» ([Ин.20:19-31](#))

Психология Фомы: «Не поверю, пока не увижу» — понятна и, возможно, даже близка нам, почему мы и посвятим ей свое слово.

Прежде всего надо заметить, что недоверие Фомы — законно. И Господь нисходит к нему, идет навстречу ему, как бы навстречу неверию Фомы. Значит, оно — не каприз своеволия и тем более не моральное разложение, когда своим неверием хотят задрапировать падение. Оно есть искренний порыв души за верой, когда вера слишком дорога, чтобы с легкостью отдать ее предмету или явлению, не заслуживающему внимания. Христос поэтому идет навстречу Фоме и обнажает перед ним Свои язвы, предлагая ему осязать их.

Вера не исключает испытания. Религия не отрицает требования разума. Испытайте, исследуйте! Идите на это мужественно, без всякой опаски за веру. В поисках опор для веры идите до конца, до требований очевидности, как того требовал Фома: «Не увижу — не поверю». Не смущайтесь за веру; религия — это истина жизни, правда жизни и зачем ей бояться возражений жизни? Она защитит себя. Вы думаете, что апология веры заключена в наших сочинениях или в наших беседах и проповедях? Нисколько!

Апология веры — сама жизнь, и теперь это яснее, чем когда-либо. Теперь христианские истины в силу свободы нападок на них совсем не защищены, и каждому предоставляется выбор: принять их или отбросить, как ненужный хлам. Каждый может или принять церковный быт и уклад, или отбросить его как пережиток. Если вы сегодня здесь в храме, то, конечно, вас сюда привела не пропаганда, а жизнь.

Вот наша апологетика. Вы сами «испытайте». Если вы подходите к христианству только от ума, то предъявляйте к нему с беспощадностью свои сомнения и говорите как Фома: «Не

поверю, мне нужна очевидность». Этим кончается подход к христианству от разума. Испытание веры закончено, и Господь, как мы видим, не отверг испытания Фомы.

В таком подходе к вере, в подходе Фомы, надо соблюсти два условия, которые были у Фомы.

Первое: в испытании веры надо быть честным и исходить из стремления найти истину, а не из предубеждения, желающего оправдать безверие и нравственное падение. Фома сказал: «Не поверю» — не потому, что он не хотел веры, а потому, что он слишком хотел ее как истины. Вера была слишком дорога ему. Она была его святыней, и он берег веру в Христа как величайшую ценность и рвался к истине. Ему не нужна была призрачная истина, и для своей драгоценности — веры — Фома хотел истины как факта.

Настроенность Фомы лучше всего понять из аналогий. Когда вы ищете и домогаетесь чего-то со всей страстностью и когда вам говорят, что желаемое наступает, вы даже не верите от радости и сомневаетесь: «Да правда ли, что желаемое пришло, и мы будем обладать им?»

Или еще пример. Когда вы любите и ищете взаимности, то, обладая уже людьми, вы все еще боитесь и сомневаетесь и ищете доказательств, что вы так же любимы, как любите сами. В обоих случаях сомнения и поиски доказательств не оттого, что в вас нет веры или любви, а потому, что их очень много в вас и вы хотите еще больше утвердить их. Вам нужна новая, прочная, не иллюзорная истина, чтобы полнее насладиться верой и любовью.

Так сомневался и Фома. Его испытание шло не от безверья, а от жажды великой веры. Ему нужна была истина, факт, чтобы полнее насладиться верой.

И в деле веры испытывайте, сомневайтесь, но честно. Ищите истину, чтобы отдаться ей! Бойтесь только вашими колебаниями оправдывать безверие, маловерие и свою нравственную спячку. Испытания истины ради любви к ней пусть вас не пугают — это только полезно. Но если вы испытанием хотите прикрыть безверие, тогда вы еще более разлагаете душу. Честный анализ веры — это огонь, закаляющий веру. Анализ же при безверии — ржавчина, разъедающая душу. Разве испытывают железо ржавчиной? Не испытывайте и вы своей веры анализом разложения, а испытывайте ее анализом честного искания истины.

Должно быть и второе условие испытания веры. Испытывайте так, чтобы к испытываемому, т.е. к вере предъявлялись требования, соответствующие предмету испытания.

Так было в исканиях Фомы. Он хочет достоверности, и материальные явления он хочет проверить физическим ощущением. Следы язв Христа он хочет осязать руками. Это — законно. Материальное испытывается материальным. И вы, испытывая веру, употребляйте соответствующие приемы и средства.

Главное же, не делайте ошибки, которая делается чуть ли не всякий день: не смешивайте сфер духа и материи, не мерьте высочайшие духовные предметы мерой материальных вещей. Это недопустимое смешение, и результатом его получается хаотическое столкновение несоединимого и даже несопоставимого, бездоказательное отрицание вместо разумного разбора. Или вам непонятно классическое определение апостола «духовное духовным востязуется», т.е. духовное постигается только сродным ему, духовным? Когда к суждениям о тончайших духовных явлениях подходят, не имея ни малейшего духовного опыта или даже не понимая, что такое явление духа, то какова ценность таких суждений? Если явления духа измерять материальной меркой, то какова цена таких испытаний?

Итак, продумайте эти законнейшие мысли о том, что дело веры есть дело духа, т.е. вера испытывается только сродным, только тончайшими средствами духа.

Не думайте, что этот метод (постижение сродного сродным) специально применяется для духовных явлений. Ничуть. Он — общий метод всякого разумного исследования. Вы же прекрасно знаете, что материальная сфера исследуется материальными средствами. Мало того,

она исследуется приемами и аппаратами, соответствующими предмету исследований. Например, желая получить ту или иную реакцию, вы употребляете соответствующий реактив. Испытывая плотность металла или воздуха, вы употребляете специальные приемы и специальную аппаратуру и только так достигаете желаемого. В противном случае вы не получите никаких результатов.

Точно так же при испытании явления духа нужен аппарат духа и приемы духа, чтобы воздействовать на испытываемое, постигнуть его и получить нужный результат, иначе бесплодны будут ваши попытки проникнуть в сферу духа.

Между тем, в жизни вы как раз склонны делать эту ошибку — смешивать духовное и материальное, применять к явлениям духа мерку материальных вещей. Не подходите ли вы к фактам веры с меркой грубой примитивной физики и начальной математики, думая, будто правы? Конечно, при таком анализе, при несопоставимости сравниваемого, вы не получаете ничего ясного, упираетесь в голое отрицание, сваливая свою духовную неподготовленность на слабость христианства.

Когда силу Божией благодати, без признания которой нарушается все христианство, вы пытаетесь измерить и взвесить весами и метрами, то понятно, что ничего у вас не получается, и вы разводите руками, думая, как беспомощно христианство под анализом разума. Если вы хотите осязательно видеть действие силы Божией как действие аптекарского пластыря, и оно неуловимо для вас, вы также беспомощно разводите руками, думая об убийственной нежизненности, почти иллюзорности христианства, не выдерживающего соприкосновения с обыденностью и разумом. При чем тут разум, когда тут одна неразумность?!

В испытании апостола Фомы разум был: материальное хотелось проверить материальным. Следы ран апостол хотел осязать своими руками, и Господь пошел ему навстречу, обнажив Свое тело и предложив коснуться Его. Так и вы в испытании веры испытывайте ее сродными средствами.

Вот таковы два условия разумного подхода к вере. Держитесь их. Во-первых, ищите истину, ищите честно, без лукавства совести; во-вторых, испытывайте веру разумно, духовное испытывайте духовным. Чтобы анализ был надежным, усовершенствуйте свою душу, делая ее искусным аппаратом, способным войти в понимание духовного.

Иначе, как слепой никогда не разберется в красках, так и вы никогда не постигнете явлений духа — они останутся для вас за семьюдесятью замками. Не приписывайте тогда христианству слабости, а поищите причину своей неудовлетворенности христианством в неумении подойти к нему, в своей духовной грубости.

Если ваша душа будет честно искать Света истины и всей силой стремиться к вере, то Господь придет вам навстречу, как Он снизошел к желанию Фомы, и Сам откроет вам истину. И истина веры, истина Бога, облистает вас всей своей пленительностью. Вам откроется не разумность веры, а в вас заговорит голос живого Бога, зовущий вас к вечному Свету. Не только разум, но вся душа покорится глубине и богатству Премудрости и Разума Божиего. Останутся позади у вас потуги маленького нашего умишки, и душа в благоговейном порыве, одним дыханьем сердца и уст смиренно призовет вас поклониться Богу, как поклонился Ему апостол Фома.

Господь мой и Бог мой! Ты Один — Господь мой и Бог мой! Аминь.

Слово в Неделю жен-мироносиц

Братия, сегодня праздник женщин, но далеко не всех. Почти у всех женщин бывает физический отдых, удовольствия, развлечения, а праздник, т.е. светлое, захватывающее торжество души, торжество поднимающее, вливающее жизнь, одухотворяющее, когда ликует все существо человека, — такое праздничное торжество только для избранных. И сегодня праздник избранных женщин. Тех, кто следует за Христом — праздник мироносиц.

Церковь прославляет евангельских мироносиц, а в их лице она чтит все женские души, следующие за мироносицами, отдавшие Христу и Богу. Почитание мироносиц начато Самим Христом. Не Господь ли высоко почтил «мироносиц? Не Он ли выделил их и поставил их выше Своих апостолов, когда явился им первым по Своем славном Воскресении? И к ним была обращена первая радость Воскресения. Первое «Радуйтесь!» Воскресшего было сказано им ([Мф.28:9](#)).

Не им ли было дано полномочие свидетельствовать первыми истину Воскресения: «Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» ([Мф.28:10](#)). Вот как были вознаграждены преданность и любовь! Слабые женщины выделены из сильных и поставлены впереди них.

Последуя Господу, Церковь прославляет мироносиц в первые же недели после Пасхи. Вместе с ними чтится и всякая душа, «мироносицы взявшая чин», т.е. принявшая на себя подвиг служения Христу. Поэтому торжеством этим захватывается и современная мироносица в своем подвиге следования за Христом. Вот почему сегодня праздник избранных женщин. Сегодня торжество и ликование душ, верных Богу. Души, последовавшие Христу, празднуйте же светло, с волнующей радостью!

Что роднит теперешнюю, современную женщину с евангельской Марией Магдалиной? Конечно, самоотверженная преданность Господу. Мироносицы во время своей земной жизни явили пример такого самоотвержения и любви ко Христу, что стали далеко впереди всех Его учеников.

Когда в последние дни земной жизни Господа от Него отвернулся весь мир, когда бросили любимейшие, обласканные ученики, когда один из них предал, другой отрекся, когда Его судили и убивали, как преступника, самое знакомство с Которым грозило опасностью, кто в самозабвении не отступил от Него ни на шаг? Только мироносицы! Как тени, они всюду за Ним...

Они на страшной голгофской дороге, скорбные, плачущие, но беспредельно верные. На Голгофе, в момент величайших страданий, когда уже не только отвернулся весь мир, а когда с креста несся скорбный вздох к Самому Отцу: «Боже мой, Боже мой, вскую оставил Мя еси...» Кто был тут же поблизости, рядом с крестом? Кто сострадал, стонал, подвергался, несомненно, насмешкам, грубым окрикам и насилию? Мироносицы. Слабые, беспомощные, но преданные, верные, забывшие о себе, любящие и непоколебимые, как скалы.

Та же самоотверженная преданность Христу и Богу отличает и верующую христианку. Когда массы отвернулись от Церкви, когда жизнью и поведением совершилась новая Голгофа, верующая женщина осталась со Христом, с Богом. Когда следование Христу давало одни жизненные стеснения, вносило разлад в семью, в отношения к мужу, к детям, верующая женщина, молясь ночными слезами, ведомыми только Богу, все же продолжала идти за Ним. В атмосфере насмешки, пренебрежения и неприязни женщина несла распинаемому Христу вместо *миро* свои чистые слезы, воздыхания, всю скорбь сокрушенной души и вместе с тем — безграничную преданность и горячую любовь.

Да будет же благословенна верующая душа, «вземшая мироносицы чин». Пусть она празднует ныне светло и радостно. Сегодня — ее праздник!

Пусть она переполнится ликующей радостью о любимом Учителе и Боге, потому что Он ей близок и ей Он является и явится еще много раз, как Он явился евангельским мироносицам, и ей Он скажет свое возвышенное: «Радуйся!». Не Господь ли явился верным женским душам мироносиц, когда в недавние скорбные дни жизни Церкви, в дни церковного разномыслия терялась, казалось, Божия истина, и слабоверные то хоронили Христа, то в апатии говорили о Нем: «Он — здесь; Он — там»?

В эти скорбные дни не Христос ли являлся верным женским сердцам и открывал им, где Его истина, и тогда женщина-мироносица, ведомая Самим Господом, соблюдала верность пути и твердость во всех испытаниях... Пусть же празднует светло верная Магдалина!

Господь близок ей всегда, и теперь Он откроет ей Свою любовь и Свою правду, правду пути к Нему и правду Церкви, оберегая их от искажающей человеческой неправды. Да будет благословен ее подвиг веры и любви! Сердца, близкие Христу, празднуйте сегодня с Христовыми мироносицами радостно и светло!

Исполняйте и впредь завет Воскресшего: «Идите, возвестите братьям Моим, что Я встречу вас в Галилее...» Идите и вы, поднявшие на свои плечи «мироносицы чин», идите и возвестите всем братьям — и унылым, и слабым, и малодушным, возвестите, что жив Господь, держащий в Своих руках судьбы мира, и что жива Его Церковь. Возвестите, что пребудет Господь со Своими верными, как обещал, «до скончания века»! Возвестите, что бодрствует Господь над детьми Своими и что всякую душу, обращающуюся к Нему, Он встречает «в Галилее», «в горé» — этом отрыве от прежнего греха и заблуждения.

В горé отрыва от греха встречает Господь идущую к Нему душу и прощает ее, облакает дарами Своего Воскресения, воскрешая ее и сподобляя радости быть в Нем и с Ним, вместе с избранными мироносицами и со всеми возлюбившими Его, в славном Его Царстве на бесконечные веки веков. Аминь.

Слово в день св.Николая Чудотворца

Христос воскрес, братия! Святое Евангелие, которое вы услышите за настоящей службой, всеночным бдением, открывает верующей душе глубокую мысль о путях жизни. Слово о путях жизни и будет нашим сегодняшним назиданием.

Св.Евангелие раскрывает мысль о путях жизни в красивом и памятном образе, и мы сделаем этот образ основным стержнем своего назидания.

Слово Господа, суммирующее речь о путях жизни, коротко: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить (пастбище) найдет» ([Ин.109](#)).

Мир, по евангельскому образу, — это зал, огромный зал. Господь, называя Себя пастухом (пастырем), уподобляет людей пасомым овцам, обозначая их «двором овчим» ([Ин.10:1](#)). Применяя этот образ к людям, мы обозначим помещение для собрания людей — залом.

Итак, мир — это грандиозный зал, в нем толпятся люди. И в этом зале множество дверей, которые расположены по одной длинной стене зала. Это — выходы на пути жизни. Двери есть всякие: большие и малые, просторные и узкие, захватанные несметным множеством человеческих рук и безупречно чистые, ярко размалеванные, с крикливой рекламой того, что находится за ними, и холодно-строгие, по недоступности скрытого по ту сторону их.

Вот размалеванная дверь наслаждений, вот высокая дверь тщеславных исканий. Неподалеку — богато убранная широкая дверь взаимных человеческих привязанностей: земной любви, дружбы. В стороне, чинным рядом, привлекая гармонией линий, идут двери служения долгу, искусству, науке. Особняком высится строгая, молчаливая дверь подвига во имя той или иной земной цели и другие, другие... В зале такое множество дверей, и за ними свои пути жизни.

Людские толпы, наполняющие зал, — в постоянном движении. Глаза устремлены к дверям. В погоне за жизнью люди устремлены к дверям жизни. Они делают выбор; они хотят открыть дверь жизни и найти за ней если не мудрость жизни (мудрость жизни ищут единицы), то хотя бы наполнение жизни и удовлетворение ею, то, что они называют счастьем.

Сделавши выбор, люди направляются к цели. И чем ближе заветная цель, тем гуще толпа, отчего у самой двери царит суетливая толчея. Группы людей, подгоняемые охватившим их желаньем, нетерпеливо рвутся вперед, обгоняя друг друга в жажде скорее захватить «свое» и насытиться манящим призраком довольства. Толпятся люди, рвутся к дверям, эгоистично оттесняя других, пробиваются к ним, распахивают их и, довольные, с широко и вольно дышащей грудью, в удовлетворенности достигнутой целью, вступают за закрытую дверь.

И двери закрываются. Снова манящие и таинственные, они влекут к себе новые и новые толпы. Как без усталости выбрасываются на песок всплески волн моря, так всплески человеческих волн неумирающей чредой несутся на пути жизни.

Таков закон жизни — человек должен жить. Но вот в чем ужас... оказывается, что все двери зала, к которым устремляются люди, — фальшивые, обманные; никаких путей за ними нет! Одни закоулки и тупики, часто без света и воздуха. Толпа ничего не знает и продолжает ломиться в заманчивую обманную дверь. Толпа полна натиска — все живут так! В иллюзии будущего довольства она с неугасающей энергией продолжает скрываться за обманными дверями. А за дверями — никаких путей, один обман, ловко расположенные закоулки и тупики.

Люди на первых порах захватываются этой декоративной обстановкой и останавливаются. Жизнь развертывается в этой обманности — у одних надолго, у других покороче. Продолжительность зависит от того, насколько быстро поустанет человек и заметит свои потери. И потери есть у всех: то одно потеряет человек, то другое.

Когда человек нахватается ненасыщаемого и порастеряет лучшее: здоровье, силы души, тогда он оглядится, опомнится и поймет, что приобретения нет, а идет одна потеря жизни. Усталый, израненный, больной, внутренне пустой и душевно голодный, он медленно поплетется к выходу.

Эти обманные пути жизни устроены так, что человек, обанкротившийся на них, непременно набредет на низкий скромный коридорчик и незаметно для других, еще продолжающих обманной пир жизни, он, как мертвец, впихнет себя в этот коридорчик, чтобы не мешать обманной суете. Этим незаметным коридорчиком человек добредет до маленькой дверки и, толкнувши ее, снова попадет в знакомый ему зал мира, из которого он вышел, — но уже с противоположной его стороны. Войдет он пришибленно, скромненько, совсем незаметно для других, потому что другие смотрят на манящие их двери и поглощены выбором целей.

Человек войдет незаметно... Его, потрепанного жизнью, никто не увидит. Его опыт никого не отрезвит. Фальшивость обманной дверки останется сокрытой и никто не вскрикнет: «Смотрите, любуйтесь, вот опыт, вот результат! Мы — слепые, мы в полном заблуждении!» Ужас обмана остается тайной, и толпы с прежним азартом кидаются к заветным дверям. Мало того, что не испытывавшие обманности дверки с азартом стремятся к ним, — в этот водоворот попадает и вернувшийся. Происходит это очень просто.

Войдет человек снова в зал и смешается с толпой. Пройдет время, он уже оправится от пережитого и опять ищет двери, опять выбирает пути. Теперь он толкнется в другую обманную дверь, думая, что за ней-то хранится ключ счастья и что его первый выбор был ошибочным. Бывает так, что человек, отдышавшись от полученных потерь, зараженный отравляющим ядом обманного счастья, вторично устремится к знакомой дверки, приписывая разочарование первого раза своим неразумным поступкам, своему неумению жить, а вовсе не направлению обманного пути. И снова человек потянется к испытанному угару жизни, думая, что теперь-то он целесообразно использует путь жизни и все возьмет от него, сам ничуть не пострадав.

Совершается уже известный круговорот. И так без конца, без конца... Удлиняется цепь обманов и самообманов, пока смерть не положит конца бесплодным усилиям утвердиться в надуманной правде жизни.

Жизнь вертится в заколдованном кругу, люди беспомощно толкаются по путям жизни, как птицы в клетке зоопарка, где их держат, как это принято обозначать, «на свободе». Птицы «свободны» в своих полетах, люди «свободны» в жизни, в разумном выборе жизненной тропы. В действительности, приглядитесь получше, вдумайтесь поглубже, посмотрите на обратную сторону зальной суеты и воочию увидите, что двери — фальшивы, за ними нет никаких путей — одни закоулки и тупики, один обман.

Нужно ли доказывать это? Разве вы, по собственному опыту, не знаете фальшивых дверки жизни? И разве надо доискиваться их нам, вся жизнь которых проходит, чтобы прельщаться этими дверьми? Конечно, все вы знаете обманные пути жизни.

Для иллюстрации возьмем одну фальшивую дверь жизни, например, самую любимую, часто самую людную — дверь наслажденья. У нее стоят толпы, миллионы. Старые, молодые, мужчины, женщины, здоровые, больные, красивые и уроды — все толкаются сюда. Они женятся, опережают друг друга, пьяные жаждой наслажденья, в экстазе от охватившего их одного желания. Всё забывшие, всё готовые принести в жертву, они все рвутся в эту дверь с одним всеохватывающим желанием «наслажденья». Дайте нам наслажденье!

Входят туда люди и бродят по темным и пряным закоулкам, сначала еще более раздраженные, отведавши яда наслажденья, а потом усталые и разочарованные и всегда только более грубые, жесткие, черствые, хриплые, наглые и больные. Всегда, всегда только теряющие и ничего не приобретающие...

Вот дверь наслажденья... Разве не у нее по преимуществу толкаются люди и разве это не фальшивая дверь? Разве не указывает она на обманный путь? Быть может, дверь наслажденья, скажете вы, — исключительна, и путь за ней до очевидности односторонен? Быть может, по-вашему, есть пути, открывающие правду жизни? Вы назовете дверь долга, служенья человечеству, служенья искусству, науке, даже семье.

Да, конечно, за дверями, названными вами, просторней, но и за ними — простор пустоты, бесконечные коридоры исканий, всегда неуютные, холодные, где нет душе отрады, где вы чувствуете незаполненность в самом дорогом, где лямка жизни будет тереть вас до гроба, где вы находитесь в нудной запряжке, пока не упадете в изнеможении.

И выйдет на поверку, что на человеческих путях жизни нет исчерпывающего наполнения и удовлетворения, что двери огромного зала — ложны. В чем же дело? Почему идет такая бессмысленная толчея? Очевидно, люди утратили дверь, они потеряли «дверь жизни». Она, «дверь жизни», есть, должна быть, но люди потеряли ее.

Утерянную людьми дверь правды жизни и указывает Господь в сегодняшнем Евангелии: Дверь жизни — это Я. Я пришел, «да живот имут», т.е. чтобы вы имели жизнь, и кто пойдет к жизни через Меня, через эту дверь, тот «спасется», т.е. спасет, сбережет себя. Он сбережет себя от потерь, утрат, гибели сил души и тела. Сохранит жизнь, наполнит ее и оправдает ее, потому что, как говорит Господь, он «внидет и изыдет и пажить обрящет», т.е. когда он войдет в эту дверь жизни — дверь жизни через Христа — и выйдет ею на путь жизни Божий, тогда перед его глазами откроется такой простор жизни, такая тучная пажить, такое богатство жизни, что приходи, бери, радуйся, живи на счастье, развивай, украшай душу, крепи тело, потому что ты найдешь удовлетворение всему своему. И зацветет твоя душа, в полной гармонии установятся силы тела.

Как случится это? Как происходит, что только одна дверь жизни — дверь в жизнь через Христа, и один путь — путь Божий — дают расцвет жизни и оправдание жизни? Что дверь Христа не обманна? Как представить себе влекущие просторы за этой дверью, а не закоулки и тупики? Как пересказать все богатство приобретений на тучном пастбище Христа? Как живописать всю радость, все счастье, все блаженство распускающейся, покоряющей жизни, когда позади остался кошмар уродств, стонов, эгоистической борьбы, смрада, размалеванного гниения, или, в лучшем случае, все обволакивающей и все истребляющей суетливой бестолочи? Как рассказать, что здесь только идут и не возвращаются назад, идут вперед и вперед, к Свету и Солнцу, и всегда в их лучах, что здесь ароматны души и шире, шире раскрываются спокойные зачарованные глаза? Как влить в земные слова всю красоту неземного и всю захватную глубину видений Божьего пути жизни?

Повторяю: как рассказать обо всем этом? Конечно, для этого нужно особое слово и, может быть, не одно. Для единства вашей мысли и для углубленности вашего восприятия ее я закончу новым образом, которым объясню одно: откуда берется такая полнота жизни на Божьем пути.

Этот образ дает мудрец псалмопевец Давид, постигший при Божьем озарении глубины жизни. Он сравнивает человека, идущего по пути Божию, с деревом, посаженным «при исходящих вод». Как у дерева, расположенного при воде, «лист которого не вянет», и оно «приносит плод свой во время свое» ([Пс.1:3](#)), так и человеческая жизнь, направленная через единственную дверь жизни — Христа как источника силы, — будет деревом, около которого побежит оживляющий родник, и будет зеленеть такая жизнь, и лист ее не упадет, и во всем, что она ни творит, будет успех, и принесет она плод во время свое.

Вот ответ на вопрос: откуда возьмется полнота жизни на Божьем пути. Ответ ясен — от Бога, потому что Бог — начальник и источник всякой жизни. Следовательно, жизни, питающейся из бессмертного родника жизни, обеспечен полный расцвет, счастье, т.е.

оправдание и завершение в слиянии со своим источником — Богом — в блаженном бессмертии и вечности.

В противоположность жизни, развивающейся по пути Божьему, говорит псалмопевец, «не так» идущие другими дверями, «они как прах, возметаемый ветром с лица земли», т.е. их неустроенная жизнь подобна пыли, которую ветер переносит с места на место, и носятся они как бесплодные сухие листья.

Итак, не толпитесь у фальшивых дверей жизни. Найдите одну дверь жизни, стучитесь в нее и пойдите ею. Возьмите вождя! Пусть будет одним из них великий святитель Николай, чтимый нами сегодня.

Смотрите, разве дерево его жизни, посаженное «при исходящих вод», развивающееся по Божьему пути, не превратилось в широчайший дуб, ветви которого покрывают чуть ли не все человечество? Вот могучая жизнь, одинаково притягивающая к себе верных и неверных, католиков, православных, магометан. Вот живой образчик покоряющей жизни при Боге! Следуйте ему, забудьте фальшивые двери и войдите одной дверью жизни.

Святителю великий, Николае, помогай нам! Аминь.

Слово в Неделю о самарянке

Возлюбленные братья, Христос воскрес!

Сегодня, как и в прошлое воскресенье, перед Вами картина с глубоким смыслом, и опять она переносит нас в современность. Христос сидит у древнего колодца. К колодцу приходит за водой самарянка. Господь предлагает ей живую воду, воду жизни, которая удаляет жажду навеки, учит, как получить эту воду жизни. Потом у колодца появляются ученики, собирается народ, и Учитель жизни им всем обильно дарит воду жизни.

Братия, эта образная картина переносит нас в современность. Раскроем ее смысл. Колодец — источник жизни. Люди поддерживают свою жизнь, питаясь от таких источников. Колодцы бывают разные. Господь сел, например, у древнего колодца Иакова.

У такого же колодца сидите и вы. Это тоже древнейший колодец, содержащий неисчерпаемый источник жизни. Этот колодец — Церковь. Вы — в ограде Церкви и, значит, вы сидите у древнего колодца, питающего жизнь силою Божией благодати.

Но есть и другие колодцы. Люди, не знающие или не принимающие Церковь, пробавляются другими колодцами на стороне. Из вас разве все и всегда сознают, что находятся у единственного колодца жизни? Разве и вы не бегаєте черпать жизнь из других колодцев? Конечно, бегаєте на сторону.

Люди черпают из колодца увлечений, удовольствий, из колодца тщеславия, гордости, самообожания, из колодца долга по отношению к семье, к службе, к работе. Некоторые черпают из колодца, питающего ум, — колодца любознательности и знания или из колодца, питающего чувства искусством всякого рода. А то рвутся к колодцу любви, дружбы...

Много, много колодцев в жизни, то глубоких, то мелких. В них разная степень «полезности» воды — от загрязненной и мутной до вредной и отравленной.

Люди бегают от колодца к колодцу, и заставляет их бегать обманность воды в колодцах. Попьет человек из одного, из другого колодца, а удовлетворения нет, жизни нет, сил не прибывает. Только больше распаляется жажда, слабеет истомленное тело. Бесплодное черпанье бесконечно, а жажда неумолима... Опять ищут глаза нового и нового источника живой воды. И люди бегают от колодца к колодцу...

Вы сидите у единственного источника настоящей жизни. Не счастливы ли вы?! Но, братия, пребывание у колодца жизни обязывает, и обязывает ко многому.

Во-первых, вы сами-то напилась из него? Жажда удовлетворена; струи жизни бьют в вас, и жизнь под благодатью Христа процветает? Не подвергнетесь ли вы двойному осуждению за то, что знали, где истина и сила жизни, и пренебрегли ими? Не подвергаетесь ли вы осуждению и за то, что ваше бесплодное сидение у колодца бросает тень и на жизненность Святой Церкви, что из-за вашего небрежения к Церкви будут обращены упреки в ее бессилии? Поэтому пребывание у колодца очень ответственно для вас, прежде всего по отношению к себе самим.

Во-вторых, оно ответственно по отношению к вашим братьям-христианам, еще не утвердившимся в вере. Это — люди, пребывающие в Церкви, но еще обессиленные грехом и поэтому равнодушные, или же это молодежь, еще мало проникнутая знанием и величием веры. Пример вашей бесплодности может ли бесследно пройти для них? Думайте об ответственности за них!

Наконец, ваше пребывание у колодца накладывает на вас ответственность в отношении и самарян. Самаряне — это лица, находящиеся вне Церкви. Случается, они подходят к вам, как самарянка подошла ко Христу. Они жаждут напиться той водой жизни, которую знаете вы. Что вы ответите им?

Одни из самарян, полагая, что вы сами уже приобщились к источнику жизни, будут умолять вас подвести их к живительным струям, так как у них нет сил черпать из безводных источников, и они не хотят возврата к ним.

Другие придут как испытующие. Они признают, что гонялись за миражами и их поиски жизни были бесплодны, но они захотят увериться, что вы действительно дадите им жизнь. Они захотят не только услышать ваши слова о жизни, но своими глазами увидеть в вас жизнь, ведущую в вечность. Что вы ответите им? Что покажете?

Не ясно ли, что ответ может быть дан только в том случае, когда вы сами напоены из колодца жизни и когда жизнь вечности пребывает в вас. Только тогда вы сможете сказать самарянам слова, сказанные Христом женщине, беседовавшей с Ним: «Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся...» ([Ин.4:22](#))

Это правильно, что вы пришли сюда и ищете воды в древнем колодце, воды жизни. Доселе вы гонялись за миражами, хотели напиться там, где пустота. Ваши колодцы — безводны, а между тем истина только в Божием учении. Вода жизни — только в колодце Иакова. Черпайте из него и будете живы и забудьте о безводных миражных колодцах!

Это — достойный ответ, но на него надо иметь право. Надо сначала напиться самому, надо самому вобрать в себя воду жизни. Вот насколько ответственно сидение у колодца.

Братия, вы сами-то пьете? Вы живы или вы сидите у колодца, а истомлены жаждой у воды без воды, у благодати без благодати? У источника жизни, а сами — мертвые? Напились ли вы? Ведь «колодец глубок» и надо уметь добраться до воды, а для этого иметь «почерпало».

Братия, как же это сделать? Как напиться воды жизни, чтобы не оказалось бесплодным ваше сидение у древнего колодца? Рассказ о беседе Христа с самарянской указывает, как можно напиться.

Прежде всего надо, чтобы у колодца был Христос. Одно наличие древнего колодца еще не гарантирует приятие жизни. И про колодец Иакова Господь говорит самарянке: «Всякий, пьющий воду сию, возраждет опять» (ст.13). Это значит, что можно быть при Церкви и как будто черпать Ее благодать, но оставаться «праздным», не напоенным, а жаждущим.

Разве вы не знаете, что так бывает? Конечно, знаете. К нашему великому сожалению, стало повседневным явлением, что мы у воды, как без воды, у источника жизни, а как мертвые.

Почему же это происходит? Да потому, что Церковь не есть спасающий автомат. Надо каждому встретить в Церкви живого Бога. Конечно, Господь, по Его слову, — всегда в Своей Церкви, но Христа надо встретить, почувствовать, как бы осязать, для этого необходимо обращение к Церкви сделать живым, как обращение к Самому Христу, невидимо присутствующему в Ней. Ведь обращение к Церкви сделалось теперь какой-то бездушной формальностью. Думают, что раз человек пришел в храм и крестится, и кланяется, то он все уже сделал, и Бог обязан слышать его и сделать по его желанию. Если человек принял таинство, он уже уверен, что гарантировал себе обязательную помощь Христа. Это ошибка, братия.

«Не всякий, говорящий Мне: “Господи, Господи!”, войдет в Царство Небесное». Можно быть в Церкви — и остаться без Христа. Можно молиться и креститься — и ничего не получить. Можно принять в себя таинство — и навлечь на себя еще большее осуждение.

Повторяю, Церковь не есть спасающий автомат. В Церкви — живой Бог, и когда ты послужишь Ему живою душою, тогда будешь услышан и соприкоснешься с источником Жизни, и тебе подадутся благодатные силы.

Значит, надо, чтобы твое соприкосновение с Церковью было не только пространственным нахождением в Ней, а чтобы ты осязал в Ней присутствие живого Бога, и не только совершал телом известные действия: кресты, поклоны, а вкладывал в служенье Христу живую душу. Когда твое служенье будет таким, то не сомневайся: у колодца Церкви сядет Христос, и через

Него ты почерпнешь воду жизни, свое освящение.

Так обеспечивается доступ к воде жизни. Путь к ней — только через Христа. Этот путь освящения через Христа был указан Господом самарянке. Он и есть то «почерпало», которым черпается вода жизни.

Так и должно быть, иного «почерпала» нет. Источник живой воды — Сам Господь, а Церковь — только раздавательница даров Христа. Если же источник воды живой — Сам Господь, то естественно, что получить воду можно, только приблизясь к Господу. Чем теснее у человека общение с Господом, тем более он будет обеспечен водой жизни. Так как Бог есть Дух, то и приближение к Нему совершается служением в духе. Так было указано и самарянке: «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему (и ищущие общения с Ним) должны поклоняться в духе и истине» (ст.24).

Таково «почерпало». Таков путь к живой воде, или — что то же — к Богу. Если ты хочешь войти в стихию Бога, в стихию Духа и прикоснуться к роднику вечности, который влил бы в тебя вечно зеленеющую жизнь, ты должен природниться этой стихии.

В словах о поклонении Богу духом, сказанных самарянке, снова утверждается истина, что достать воду жизни нельзя одними внешними действиями, например, поклоном, а в поклон надо включить элемент духа и тогда поклон будет так глубок, что ты зачерпнешь воды из колодца Иакова и соединишься с божественной обновляющей стихией. Надо сказать, что все внешние действия в Церкви, включая и таинства, будут бессильны подвести человека ко Христу, если человек сам не наполнит духом это внешнее и не пойдет душой навстречу Христу. Таково «почерпало» живой воды. Это — служение Богу духом, и оно должно быть, по слову Христа, служением в истине.

Это значит, что служение духа не должно направляться по ложным, самоизмышленным путям, которые подскажет тебе твой умишко или твоё самомнение, или твои обманные мысли. Служенье духа пусть указано будет самой Истиной, у которой ты сидишь. Истина эта хранится в Откровении и святоотеческих писаниях. Сообразуйся с этой Истиной и следуй Ей в своем служении!

Во-вторых, следование Истине должно быть полным, не однобоким, т.е. нельзя принимать Истину только теоретически, а по жизни идти избитой тропой греховных привычек и компромиссов. Такая двойственность души обессиливает ее и не приводит к цели. «Человек с двоящимися мыслями нетверд во всех путях своих» ([Иак.1:8](#)). Если человек колеблется, уклоняется на земную житейскую дорогу, то ему, конечно, не подойти к Богу, ничего не получить от Церкви и христианства, не достать воды жизни.

Братия! Теперь вы знаете, как почерпнуть живую воду из колодца Иакова. Так пейте же ее! Христос сидит у колодца... Почерпайте благодатную влагу жизни. Через Церковь ее раздает Сам Господь, и доселе звучит Его зовущий голос: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей».

Почерпайте же благодатную влагу! Не сидите бесплодно у воды без воды, у колодца жизни как мертвые. Берегитесь подпасть под осуждение за то, что вы обесплодили христианство, сами не напились и своим дурным примером отвратили других жаждущих. Берегитесь остаться безответственными перед самарянами, которые спросят вас: где ваша истинная жизнь? Что вы ответите им — покажете им свои обветренные губы как знак неутоленной жажды? Смотрите же, чтобы вам не подпасть под двойное осуждение!

Потому насыщайтесь, братия, водою жизни, подойдите ко Христу — ее источнику — и подойдите в «духе и истине». Все ваше пребывание в Церкви, участие в Ее таинствах пронизайте участием в них духа, чтобы ваши поклоны и кресты не оставались только пустой формой, чтобы они глубоко опускались в колодец жизни и доставали до воды живой.

И заискрится жизнь в ваших глазах, раскроются уста, уныние сменится песнью радости и

хвалы, и тогда самаряне подхватят вместе с вами ликующую песнь Богу: «Господи! Жаждущую душу мою благочестия напой водами». Аминь.

Слово на Вознесение Господне

Возлюбленные братья! В Вознесении Господа, как и во всяком событии земной жизни, можно видеть две стороны.

Одна сторона — вероучительная, догматическая, через нее верующему человеку открывается Христово дело искупления человека. Вознесение — это завершение дела искупления, восход Христа с обновленной человеческой плотью на небо, в царство вечной славы. Дело искупления завершилось и обетованием послать верующим Святого Духа — как Силы, изливающей дары и искупления.

Есть и другая сторона — нравственная. В этом событии приоткрывается образ нашего воскресения, нашего подъема от земли на Небо к Небесному Богу и Отцу.

Сегодня мы с вами и коснемся именно этой нравственной стороны праздника Вознесения.

Итак, этот праздник — образ вознесения человеческой души. Об этом вознесении человеческих душ во время Вознесения Господа повествует Евангелие. Свидетелями Вознесения были апостолы, ставшие таким образом первыми его участниками. Факт вознесения апостольских душ отмечен в Евангелии короткой заметкой: «Они (апостолы) поклонились Ему (Христу) и возвратились в Иерусалим с великою радостью» ([Лк.24:52](#)).

Откуда радость? Почему радость? Апостолы теряют Христа, своего любимого Учителя и Бога... Теряют Его тогда, когда едва раскрылись их глаза, и они поняли, как велик их Учитель. И вдруг, в час потери — радость! Непостижимая радость!

При этом надо помнить, что совсем недавно настроение их было крайне подавленное, — им казалось, что со смертью Христа рухнет все Его дело. Еще недавно они проявили полную неуверенность в Христе, — слова мироносиц о Его Воскресении казались им просто пустыми ([Лк.24:11](#)), а апостол Петр только дивился пустому гробу. Им требовались доказательства осязания Его и еды Его ([Лк.24:38-43](#)), за что они заслужили упрек Христа в неверии и жестокосердии ([Мк.16:14](#)). Если учесть еще и то, что «малое стадо» их было ничтожно и слабо, то кажется совсем непостижимой радость учеников в момент ухода от них Господа. Теперь, когда только что открылись их глаза, они еще так слабы и их так мало, уходит с земли вся их опора, их надежда, их радость. И все же «они поклонились Ему и возвратились в Иерусалим с великою радостью».

Что случилось? Объяснение может быть только одно — совершилось вознесение их душ. Очевидно, души апостолов поднялись выше земли, совершилось внутреннее срастание их душ с духом Учителя, отчего Его телесный уход уже не переживался ими болезненно. Они знали, что отныне Учитель будет в их душах, и они с Ним вовеки, и потому возликовали. Вот что случилось!

Как это произошло? Об этом рассказывает евангелист: «И вывел их (Господь учеников) вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их. И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо» ([Лк.24:50-51](#)). Рассказ символичен. Он символизирует путь подъема христианской души и имеет с этой стороны глубочайший смысл.

В рассказе отмечены три момента вознесения души христианина: а) вывод учеников из города, б) прохождение ими пути в Вифанию и в) подъем на Елеонскую гору, о чем упоминается и Деяниях апостолов (1:12). Каков смысл этих моментов?

Дорога вознесения начинается уходом из города. Город — это заслоняющий горизонт пыльный и шумный мир земли. Вознесение души совершается вне земного мира. Надо вывести душу с запутанных улиц — путей земли, чтобы не был загроможден ее горизонт нагромождением земных целей, чтобы не развлекались глаза ее пестротой маленьких интересов

и не пачкалась чистота души в пыли греха. Надо вывести душу из обволакивающей ее пыли суеты и греха, чтобы перед ней открылся горизонт и дорога к Богу.

Надо вывести душу за город. Надо разрубить веревки, связывающие душу с греховною землею, с заботами о службе, о семье, о квартире и кастрюлях, об удовольствиях. Надо разорвать веревки даже мелких забот, дрызг, пересудов, взаимных обид, мелкого самолюбия и мелкого тщеславия, не говоря уже о преступлениях и пороках. Все это и есть пыльный город, город как темница души. Уведи же оттуда душу, если хочешь ее подъема!

Увести душу из города вовсе не означает, что надо полностью отрешиться от земных забот. Пока мы в миру, заботы о мирском неминуемы. Но не надо из этих забот плести сети, затягивающие душу без остатка. Пусть заботы о необходимом останутся, но душа должна быть свободна в главном — в своей постоянной внутренней устремленности к Богу. Только тогда у нас будет сила и способность подняться. А это может случиться лишь тогда, когда устремленность к небу не парализуется, не расслабляется второстепенными привязанностями.

Выведя учеников из города, Христос повел их по пути в Вифанию. И христианской душе, выйдя из города греха, надо пойти в Вифанию. Дорога в Вифанию — часть крестного пути Господа, и на этот путь несения своего креста надо встать душе. Каков же этот путь?

Как для Христа он был путем оправдания Его посланничества, так и для христианина — это путь оправдания своей жизни. Жизнь христианина серьезна, ответственна и играть ею нельзя. Каждый человек имеет в жизни свое назначение, и долг каждого — свое назначение найти и оправдать его. Так было и так будет до конца мира. И если люди редко стремятся понять свое назначение и оправдать его, то жизнь тотчас платит им никчемностью и страданиями.

Выходит, как бы человек ни забивал себе голову надуманными целями жизни, путь правды жизни всегда остается один. Это и есть путь креста, потому что стремление к правде всегда сольется с требованиями совести, Христова закона и борьбой с грехом, а борьба с грехом и осуществление Христова закона всегда требуют насилия над собой, т.е. всегда ставят человека на путь страдания и креста.

Когда душа станет на путь своего креста, тогда начнется ее рост, развитие жизни духа. Тогда душа очищается от пыли греха и дает ростки новой жизни. Таков второй этап пути приготовления к вознесению, который завершается третьим и последним.

Этот последний этап — подъем на Елеон. Подъем на Елеонскую гору символизирует отрыв от низины — греха — и духовный подъем человеческой души. Конечно, он является следствием первых двух этапов пути: уход из города обеспечивает движение души, а путь креста обеспечивает правильность ее роста. Все это совокупно обеспечивает отрыв души от земляности и ее подъем на крыльях духа вверх, в гору, к небу.

Так завершается приготовление к вознесению. Теперь душа, оторвавшаяся от земли, очищенная на пути креста и устремленная ввысь, к Богу, встанет пред невидимым лицом Божиим, и Господь явится ей, как явился ученикам. Господь волеет тогда в душу через силу Духа Утешителя живое чувство близости к ней и пребывания в ней ([Лк.24:49](#)).

Не сиротство и оставленность ([Ин.14:18](#)) зальют душу, а чувство сорастворения с Господом, по слову Его: «Приду к вам... и узнаете (познаете) вы, что... вы во Мне, и Я в вас» ([Ин.14:18-20](#)). Совершится слияние души с духом Учителя и Господа, и зальет душу ликование, как оно залило души апостолов на Елеоне. И ликование это будет неизгладимой печатью приобщения Духу Христову. Хотите ли вы этого? Хотите ли своего вознесения?

Конечно, хотите! Так идите же путем Вознесения, взойдите на свой Елеон и застыньте там с лицом, устремленным к Небесному Отцу, как застыли апостолы с лицами, устремленными к небу ([Деян.1:1-11](#)), и улыбка радости о Христе осветит вас как отпечаток вашей ожившей и

поднявшейся ввысь души. Аминь.

Слово в Неделю Всех святых

Возлюбленные братья, по случаю сегодняшнего праздника предлагаю вашему вниманию простую беседу.

Неделю назад, в Троицын день, мы вспоминали ниспослание Духа Святого ученикам Христа — апостолам, а через них — на всю Церковь. Вы молились о том, чтобы животворящая и созидающая жизнь сила Святого Духа наполнила бы и вас, и вы стали бы людьми, насыщенными благодатью. Этим мы завершили круг церковных воспоминаний, посвященных делу спасения человека.

В течение всего года Церковь вспоминает события, связанные с делом спасения человека. Церковный год начинается с сентября, с праздника Рождества Божией Матери. Церковь вспоминает рождение Той, Которая таинственным образом послужила делу спасения человека. Затем идет Введение Богоматери во Храм, Боговоплощение — Рождество Христово, Обрезание и Крещение; далее следуют разные события из жизни Христа, вплоть до недели Его Страстей — воспоминания о страданиях Христа, Его Воскресение и Пятидесятница — день Святого Духа.

Пятидесятницей завершается круг. Господь освятил землю, на которой Он учил, страдал, творил чудеса и воскрес, а по Вознесении послал Утешителя — Духа Святого, чтобы закрепить дело Божие. Поэтому Господь сказал ученикам: «Ничего, что Я ушел. Я пошлю Утешителя». Он послал Его в день Пятидесятницы. Эта сила положила конец разложению жизни. Теперь живите, Святой Дух с вами! Почему же ваши души не воспринимают Духа Божия? Оттого, что даже порывы к Его восприятию, которые у вас есть, — не истинны, ибо люди стали слишком плотскими.

Сегодняшний праздник говорит о том, что священный огонь должен быть во всех ваших душах. Почему же ваши души, осиянные Духом Святым, не веют в поднебесье? Почему ваша жизнь влачится только на земле? Почему люди потеряли божественный огонь и нет в них веры? Сегодняшний праздник отвечает на эти вопросы и шлет нам укор. В вас погас огонь. Закрыты двери, души влачатся во мраке...

Вы — материалисты. Вам нужны факты. Так вот: ликующая Церковь Святых — разве это не факт, укоряющий вас? Сегодня праздник всех, рожденных от Пятидесятницы. Праздник не только прославленных святых угодников: затворников, мучеников, блаженных; сегодня праздник всех сынов Пятидесятницы — ваших усопших. Это и их праздник.

Но мрак ваших душ не способен заглушить свет. Сегодня — Собор святых всей земли, всего мира, прославленных и непрославленных. Этот день являет собой загоревшуюся от Пятидесятницы жизнь. А вы, дети Пятидесятницы, где вы? Это вам упрек! В своем послании апостол Павел делает этот упрек еще резче, доводя его до стыда.

Деваться некуда. Краснейте же! Перед вашим мысленным взором должны всегда быть мириады душ святых, вызванных к жизни Пятидесятницей. Апостол Павел в своем послании говорит о ветхозаветных праведниках, которые верою побеждали царства, творили правду, хотя у них была вера только во что-то туманное, чего они не видели. Несмотря на это, вера их была так сильна, что они ради нее были побиваемы камнями, скитались, терпели недостатки и скорби. Те, кого весь мир был недостоин, скитались по пещерам и горам. Вот каковы были эти души! А ваши души хилые, безжизненные, хотя вы уже видели и осязали Священный огонь, хотя вы уже знаете его. Отчего же ваши души унылы, холодны, почему вы не на небесах?

Апостол Павел в своем послании говорит, какую должна быть жизнь объятого огнем, который не осязаем: «Ты спишь, встань, воскресни от мертвых». Ты мертв, но не в христианском смысле, а мертв безнадежно — труп смердящий. Ты — во сне летаргическом. Как

же живой огонь может прикоснуться к тебе и что-то сделать? Восстань, если хочешь палящего огня. Открой сонные глаза, растолкай дремлющую душу, обернись лицом к этому огню, хотя в бессилии, но в порыве, чтобы огонь пришел к тебе. Встань! Тогда освятит тебя этот огонь. «Восстани, спяй, и освятит тя Христос».

В сегодняшнем спасительном чтении указывается: ты мертв, потому что ты связан. У тебя сзади бремя, отчего ты шагу не можешь ступить. Это, братия, грех, он — сила разрушения, твоя смерть. Вы все знаете, что грех вас обескрыливает, обессиливает и мешает идти. Куда уж там парить!

Сбрось же с себя это бремя и будь как боец на арене, который бежит, чтобы получить приз, а если и падает, то снова встает и бежит. Так и вы, если уж вышли на борьбу, так стремитесь к цели изо всех сил. Единственное условие, которое должен при том каждый помнить: вы все — дети Пятидесятницы, и все вы призываетесь прикоснуться к божественному огню, чтобы освятить и оживотворить свою душу и войти во «тьмы тем» праведников, рожденных от Пятидесятницы. Аминь.

Слово во 2-ю Неделю по Пятидесятнице

Возлюбленные братия!

Как много великих священных воспоминаний мы пережили за последние недели: Вознесение Господа, обетование ниспослания Святого Духа, великий трепетный день огненной Пятидесятницы и, наконец, новое устройство жизни на земле в обоснование созидательной Церкви Христа. Призванная в Пятидесятницу к творческой жизни, Святая Церковь начала свою созидательную работу. В прошлое воскресенье она объявила основной девиз своей жизни, девиз ваших жизней: вы — члены Церкви и в ваших жизнях идет жизнь Церкви.

В прошлое воскресенье был объявлен краеугольный камень нашего пути. Объявлен заветом Христа: «Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» ([Мф.10:38](#)). Сегодня вам предлагается Евангелие о призвании Господом Своих первых учеников.

Когда Господь проходил берегом Галилейского озера, Он увидел братьев: Симона — Петра и Андрея, закидывающих сети в море, и позвал их следовать за Ним. Братья-рыбаки тотчас оставили сети и пошли за Христом. Несколько поодаль Господь увидел Иакова и Иоанна Зеведеевых. Они, сидя в лодке со своим отцом Зеведеем, чинили сети. И их позвал Господь. Братья, «тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним» ([Мф.4:22](#)).

Почему предлагается этот рассказ? Он стоит в неразрывной связи со всеми священными воспоминаниями и с прошлым воскресным Евангелием. Там чтилось основание Церкви, освящающей человека, и был намечен ваш путь в Церкви, путь следования за Христом.

Сегодня в евангельском рассказе о призвании учеников к вам образно обращается Сам Господь, зовущий за Собой: «Идите, Я все сделал для вас. Я пришел в вашу бедную жизнь, жил вместе с вами и нес все тяготы ограниченности. Я собрал все ваши страдания в зле мира и Сам страдал за вас до креста и смерти. Я погубил вашего мучителя — грех и зло. Я не только дал победу вашим душам и восстановил их от разложения. Я прославил и ваше немощное тело, в обновленном виде вознес его на небеса. Я открыл вам небо и послал помогающую силу Святого Духа, чтобы и вы восходили сюда, к Богу и Отцу. Идите же, идите. Я все сделал для вас».

Вот сколь значительно сегодняшнее евангельское слово, казалось бы, такое простое — в нем голос Христа, зовущего за Собою. Этот Божий зов, когда-то призвавший учеников, непереставая звучит во все века. Он всех зовет стать Божиими учениками. Сегодня Он вас зовет. Идите, бросьте сети и лодки. Идите!

Как же теперь совершается Божий зов? Если Господь по Вознесении не покинул земли и людей, а, по Его слову, «пребывает с ними до скончания века», то Он Сам зовет за Собою. Он зовет за Собой через Свое земное тело, через Святую Церковь, где Он невидимо пребывает и где ныне и во веки веков будет раздаваться Его Божественный голос. Вы и слышите его в Евангелии — это голос Бога, слово Христа, и человечество ответит за пренебрежение им.

Сам Господь сказал об этой ответственности: «Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха: а теперь (когда слова Моего призыва сказаны и говорят) не имеют извинения во грехе своем» ([Ин.15:22](#)). О той же ответственности за пренебрежение Евангелием говорится в Апокалипсисе святого Иоанна Богослова. По Апокалипсису, суд над человечеством открывается появлением на небе «вечного Евангелия» как грозного обличителя людского нерадения и отступничества ([Откр.14:6-7](#)).

Голос Бога зовет далее через людскую совесть. В людской совести, чистой и чуткой, загрязненной и заглушенной, открывается Бог и звучит Его слово. Вы, конечно, знаете этот голос Бога как недоступного Судии жизни. Его слышат даже преступники, у которых поругана совесть.

Наконец, голос и веления Бога открываются в обстоятельствах жизни. Во всех событиях жизни, в больших и малых, в скорбных и радостных, в личных и соприкасающихся с человеком, во всех них присутствует невидимая рука Бога и через них раздается Его голос. Только далеко, далеко не все слышат Его.

Господь доныне Сам говорит нам и зовет за Собой. Если же Божий призыв быть Его учениками и следовать за Ним звучит до сих пор, а сегодня явно обращен к нам, то как нам откликнуться на него? Как нам обеспечить для себя Божии зовы и как нам всегда слышать их? Как Божии зовы сделать бесплодными для себя?

Святое Евангелие не без значения рассказывает, в каких условиях, в какой жизненной обстановке происходит призыв Господа, и ученики слышат Его. В обоих случаях призыва Божие слово точно описывает, как, что делали призываемые в час призыва. Оно передает, что Петр и Андрей призываются во время лова рыбы, закидывания сетей, а Иаков и Иоанн — во время починки сетей. К чему нужна такая, как будто мелочная подробность? Нет, это не мелочь. Здесь-то и кроется объяснение того, когда бывает зов и когда он слышится? Господь этой подробностью указывает, что Его призыв обращен к бодрственным жизням и Его голос слышится душами в моменты жизненного делания и духовной бодрственности.

Зовутся деятельные души! Они живут, стремятся, ищут. Они ищут правды и стремятся к ее достижению. Это — не души, которые плывут по воле стихий и принимают все их отражения. Это — не души внутреннего безразличия и апатии, живущие капризом настроений и позывов. Не души, со дня на день бесцельно в духовной спячке пропускающие через себя хаос случайных остатков. Это — живые и духовно-бодрственные души, ищущие, стремящиеся, ищущие света и борющиеся за правду. К таким обращены Божии зовы, и они слышат голос Бога. Вот неперемное условие, обеспечивающее обращение к душе Господа и слышание душою Его зова.

Если нет этого условия, если душа витает по распутьям и ветер жизни заглушает всякие звуки, если поры души забиты путаными и шумными криками жизни или залеплены духовной сонливостью, то как быть услышанным тихому веянию Бога?

Второе: как Божии зовы сделать бесплодными для себя? Опять дает нам ответ евангельское повествование. Оно с пунктуальной точностью, не избегая даже одинаковых выражений, записывает, что последовало за призывом и как он стал бесплодным. В обоих случаях Евангелие только рисует поведение призванных: «И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним»; и далее: «И они (Иаков и Иоанн) тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним» ([Мф.4:20-22](#)).

Просто, сжато, ярко: «Тотчас... тотчас; оставив сети... лодку». Вот секрет успеха зова — немедленно последовать призыву. Простое правило духовного успеха: позвал Господь — иди и оставь все прочее! Иди, т.е. сделай Божие первым делом своей жизни, на которое и отдай всю твою устремленность. «Сети», «лодку», даже и отца оставь позади, чтобы Божие не загоразивалось земным. Пусть Божие будет всепоглощающим центром и движет жизнь и определяет все твое внутреннее, а «сети и лодка», земное, несет только служебную роль для этой первой цели, будет на втором плане как второстепенное и незначущее само по себе.

Вот как велики Божии Слова! Вот сколь многое в малом!

Будешь ли, человек, противиться Божию зову — «за Собой»? Или ты не хочешь быть «учеником Христовым»? Что же? Знаешь что-нибудь более дорогое и ценное? Нет такого! Брось же дырявые сети: что за радость всю жизнь штопать гнилое? И брось утлую качливую лодку... Иди за Начальником лова: Он зовет. Его сети крепки, корабль надежен и руль верен в Его руках. Иди! Аминь.

О Промысле Божиим

Братия! Сегодня от евангельских слов веет особенной нежностью; на них сегодня яркий отпечаток души Христа. С ласковой любовью Христос говорит о неопишуемой красоте полевого цветка, о завидном просторе жизни небесных птиц, купающихся в лазоревом океане.

«Взгляните на птиц небесных... Посмотрите на полевые лилии... говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» ([Мф.6:26, 28-29](#)). Эти нежные слова любви Господь вкладывает в Свою речь о Божьем Промысле.

Речь Господа проста и понятна. Ее можно кратко передать так: любовь Господа, заботливо опекающего мир, разлита по всей вселенной. Не она ли движет крылья птиц? Не она ли украшает полевые цветы? Человек, неужели ты в глазах Божиих хуже бездушной твари? Отдайся же в руки Бота, ищи Божия Царства, и всю твою жизнь управит Сам Бог.

Эти слова любви предлагаются вам. Почему Церковь читает их ныне? Для понимания надо установить их связь с прошлыми чтениями. Вы знаете, что в Евангелиях первых двух воскресений после Пятидесятницы Церковь от имени Господа провозгласила зов ко всем идти за Христом и стать Его учениками ([Мф.10:32-35](#); 19:20—30; 4:18—23).

С сегодняшнего воскресения Церковь начинает раскрывать призванным, каков этот путь к Богу. Она указывает, что на этом пути призванный должен прежде всего целиком отдать себя Богу, вручить Ему душу и тело, всю свою жизнь без остатка отдать мудрому и любящему Богу. Столь значителен смысл услышанных слов Христа.

Отдайтесь Богу, отдайтесь Его Промыслительному попечению! Но почему требуется безраздельная самоотдача Богу? Почему необходимо приятие Промысла?

Божественный Промысл — это непрерывное и вездесущее Божие попечение о мире, которым Бог направляет как отдельную жизнь, так и всю вселенную к конечной цели существования — оправданию жизни и ее влитию в бессмертную вечность. Над мировой жизнью и жизнью одного человека царит премудрая и благая воля Божия.

Не явствует ли из этого, что нашей задачей будет понять волю Божию о себе и согласовать свою волю с Божией. Надо понять Божию волю и согласоваться с ней, чтобы не мешать Богу творить благое дело жизни. Для достижения этого есть один правильный путь — отказаться совсем от себя, от своей самочинной и греховной воли, отказаться от своей заблудшей в пути природы и влить свою жизнь в русло божественного хотения.

Братия! Почему человек так неразумен? Почему, признавая Промысл, живет, как ему вздумается, не считаясь с Промыслительной волей?

Человек, однако, никак не может вырваться из заколдованного круга своей самости и опоры на себя. Даже когда появляется готовность принять Промысл, и тогда все сводится к попыткам какого-то содействия, т.е. одновременной опоры на Божию волю и на свою собственную.

Конечно, для Христа была очевидна эта немощь — цепляние за человеческое, и потому Он раскрыл истину Промысла разными доводами и облек их в ласковую музыку слов. Доводы Христа — не метафизические измышления, а простые слова, апеллирующие к обыденной человеческой жизни.

Доказывая необходимость безоговорочного предания себя Богу, Господь обнажает всю бедность человеческой природы и всю негодность попыток основать на ней свой жизненный путь. Человек в своем греховном состоянии — бедное, бессильное существо, а человеческая природа — одно внутреннее нищенство — таковы основные положения Христа, обосновывающие необходимость подчинения Промыслу.

Господь начинает изложение Своих мыслей с выяснения причин обнищания человека. «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» ([Мф.6:22-23](#))

Господь приводит аналогию из телесной жизни человека. Глаз является как бы светильником, освещающим человеку мир, и потому глаз руководит внешней жизнью человека. Если глаз человека здоров, то и путь его прям, и труд человека успешен. Если же глаз болен, то непременно скривится человеческий путь.

Как для правильной жизни тела светильник — это глаз, так для правильной жизни души светильник — это сердце. Душа живет правильной жизнью только при непорочном сердце. Утратив непорочность, сердце уже не может руководить жизнью души, и жизнь человека сбивается с пути.

Людские сердца испорчены грехом и лишены непорочности, и они, конечно, уже негодны для управления жизнью. Вошла в человеческую жизнь двойственность... Слабые позымы совести тянут к Отцу и Спасителю, а дурные привычки ставят на заманчивый путь служения земле и греху. Человек и Бога признает, и в храм ходит, но одновременно бредет своей, совсем не Божьей тропкой, путями человеческой испорченности. Эта двойственность мысли и жизни до того стала обычной, что мы уже не видим в этом кричащей несообразности.

Результат этой ужасающей двойственности один — бессилие жизни. Господь называет двойственность служением двум господам: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» ([Мф.6:24](#))

Господь не останавливается на анализе этой двойственности. Он видит, как человек глубоко врос в землю и весь в плену своих земных устремлений. Чтобы вытащить человека из замкнутого круга земной суеты, Господь еще раз обнажает всю бесплодность человеческой деятельности. «Да и кто из вас, — говорит Он, — заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?» (ст.27) В этих словах Христос показывает безнадежность усилий человека что-то создать и устроить вне предначертанного для человека круга Божия пути.

Да, человек живет в бесконечной суете; от пеленок до гроба вертится колесо этой суеты. Он хлопочет, стремится, добивается, одна цель сменяет другую в нескончаемой цепи человеческих усилий... Однако многие усилия совсем не нужны и можно только улыбнуться горькой улыбкой на слепую нашу и бестолковую возню.

Взгляните на наружную декорацию жизни и вы ужаснетесь человеческой нищете. Вы увидите, как человек, который цепляется за свой маленький умишко, этот «разумник» оказывается совсем беспомощным перед всем, что его окружает, и не способен ориентировать свою жизнь даже в мелочных заботах каждого дня.

Братия, это нищенство — не выдумка, оно — сама правда жизни. Приглядитесь, посмотрите, всюду вы подметите самовлюбленность человеческого умишки и все его нищенство. Та же безотрадная картина человеческой нищеты царит и в явлениях чувств, желаний и стремлений человека.

За декорацией высоких чувств и великих целей видны ежедневное валанданье в мелочах жизни из-за неумения подчинить их себе, ежедневное жалкое рабство быта, моральная дряблость, волевая распушенность и бесконечный круг мелкой суеты. Словом, человек — раб, раб своих привычек, раб условностей, раб мнения других людей и, наконец, — и это главное, — он раб своего греха и своей страсти, которые смеются над человеком и валят его с ног, едва он покичится своими высокими чувствами и желаниями.

Каков же выход? Какой же может быть выход, кроме вздоха сокрушения, произносимого с

поникшей головой. Кто из вас, заботясь, может прибавить росту себе хоть на один локоть? А человек барахтается и пытается создать какой-то «свой» мнимо разумный порядок жизни, пытается даже влиять на окружающую жизнь в целом. Жалкий самообман! Где же человеку изменить предначертанный порядок, если он не может прибавить себе и росту на сантиметр.

И, конечно, один выход есть у человека — бросить свое нищенство и безраздельно отдаться Богу, влиться своей жизнью в круг, предначертанный мудрой и всемогущей рукой, не выдумывать свои самочинные пути, а подчиниться вековечным законам развития жизни и войти в жизнь по правде Божией. Это и значит принять Божий Промысл и подчиниться Божественному руководству.

Но Господь знает, как трудно человеку перестать заботиться о себе и во всей жизни положиться на волю Божию, и потому Он снова простыми словами убеждает человека отдаться Ему без боязни за свою судьбу. Предвидя человеческую боязливость, Он устраняет ее двумя доводами.

Первое. Господь говорит о предпочтительности перед Его глазами души человеческой всему остальному. И если Господь обещает спасение души, то как может человек колебаться — спасти ли душу или обосновать земное благополучие? «Душа не больше ли пищи, и тело одежды?» — спрашивает с мягким упреком Господь ([Мф.6:25](#)). Неужели человек поэтому пренебрежет душою ради большей надежности куска хлеба?

Второе. Отец Небесный, знающий, что вы имеете нужду в земном, даст вам все потребное земное и обеспечит им вас лучше вас самих. Заботится же Господь о подаче всего необходимого всем тварям земным: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» ([Мф.6:26](#)).

Попечение Божие о вас видно из простого примера. Сколько усилий прилагает человек, чтобы красивее обставить свою жизнь. Сколько трактатов написано о красоте; сколько гениев создавало, творило красоту! И все же простой полевой цветок — создание Божие — не прекраснее ли всего человеческого искусства?

«Посмотрите на полевые лилии, как они растут; не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» ([Мф.6:28-29](#)). И опять звучит тот же вывод: «Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!» ([Мф.6:30](#))

Так, братия, бесхитростными словами и житейскими сравнениями Господь раскрывает и утверждает великую истину Божия Промысла. Проникнитесь этой истиной и отдайтесь всей душой в Божии промыслительные руки.

Осознать свое ничтожество, отшатнуться от него и опереться в жизни на Божию силу — это, братия, центральное дело и отправной пункт всей нашей жизни, нашего пути к Богу. Аминь.

Слово на день свв.апостолов Петра и Павла

Братия, сегодня я обращаюсь к вам с прощальным словом и скажу вам словами апостола Павла: «Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение» ([Рим.10:1](#)). И мое желание, и моя молитва о вас к Богу, чтобы все было во спасение ваших душ.

Много мыслей появляется у меня, но сейчас моя мысль остановилась на том празднике, на тех лицах, которые мы прославляем, на вере святых апостолов Петра и Павла. Желание моего сердца, чтобы у вас не было иных мыслей и чувствований кроме мысли о подражании этим апостолам, сторожам вашего храма и града.

Спасение человека состоит из двух слагаемых: Бога и человека. Как человек не может спастись без помощи Божией, так и Бог не может спасти человека без него самого. Едва нарушается одно из этих слагаемых, нарушается правильность спасения человека. Посмотрим, в чем у вас нарушено это единство слагаемых и в чем это выражается.

Во-первых, Бог стоит у вас на заднем плане. Правда, у вас вера еще не пропала, вы не забыли Бога, ходите в церковь, но чисто по трафарету — нет у вас ощущения живого Бога. Бог не ушел еще из жизни, но Он стоит позади. Пока у человека все благополучно, пока его не «стукнет» то ли потеря близких, то ли материальные лишения, он не обратится к Богу с мольбой о помощи. Утрачено чувство близости Бога, Его постоянного присутствия, Его попечения о вас — всего того, что было у простого мирянина в былое время. Тогда, что бы он ни делал, что бы ни начинал, он всегда призывал Бога.

В чем же проявляется потеря ощущения живого Бога?

В том, что вы стыдитесь креститься, стыдитесь иметь большие иконы в домах, а заменяете их маленькими, чуть заметными.

Сняли кресты с шеи. Посмотрите, многие ли носят кресты открыто?

Это еще ничего. Все это восполняется угрызениями совести, молитвой, вздыханиями. Но будет еще хуже... Не подумайте, что я хочу вас обличать. Нет, примите это как отеческое назидание, как мой последний завет вам. Я начал с похвалы вашей веры и пусть она в моих воспоминаниях останется такой, какой я увидел ее у вас впервые.

Братия, когда я был в первый раз здесь, четыре года тому назад, то я видел у вас огромный подъем веры, который ясно ощутил. Теперь я чувствую, что вера ваша охладела, ослабла. У одних появилось какое-то охлаждение, бесчувствие, равнодушие, а у других хотя и есть подъем, но он носит какой-то болезненный характер. Отчего это?

Вы, конечно, помните рассказ о гадаринском бесноватом, которого исцелил Господь, и бесы из коего, по Божию повелению, вошли в стадо свиней, которые ринулись в море и утонули. Об этом услышали жители той страны, и они после этого все, конечно, пошли к Иисусу Христу.

Что сделали бы вы, если бы среди вас появился хотя бы ангел с неба или пророк, творящий чудеса? Как бы вы его встретили? Вы, наверное, припали бы к его ногам с просьбой исцелить вас. А как встретили Господа гадаринцы, пришедшие к Нему? Они сказали: «Уйди от нас». И ваши души, потеряв живое ощущение Бога, приходят в такое состояние, что говорят Богу: «Уйди от нас», и даже всякое напоминание о Нем возбуждает злобу. Мы не раз слышали фразы: «Загаси лампадку» или «Что ты вяжешься с попами?» Эти фразы — показатель того, как этим людям одно упоминание о Боге стало ненавистно.

Подумаем, однако, о том последнем времени, когда все мы предстанем на суд, когда затворятся двери, и на наш зов, что мы тоже призывали имя Господне, последует ответ: «Не вем вас», а это значит, что призывающий имя Божие по трафарету, по привычке, потерявший живое

ощущение Бога, не войдет в Царствие Божие.

Будем же молить святого апостола Петра, чтобы он отворил нам врата Царствия Божия, а апостол Павел вознес бы нас с собою до третьего неба. Аминь.

г.Гатчина, собор ап. Павла, 28 июня/11 июля 1928 г.

Слово в день свв.апостолов Петра и Павла

Братия, сегодня мне хочется сказать вам свое последнее прощальное слово. И мне хочется, чтобы Гатчина в моем воспоминании осталась такою, какой я видел ее в первый раз.

Повторяю вчерашнее апостольское обращение: братия, желание сердца моего и молитва моя к Богу о вас во спасение. Примите это как мой последний завет к вам.

Во-первых, храните веру. Вера — якорь в жизни государственной, общественной, семейной и в жизни каждого отдельного человека. Храните храм — это утешение, данное Богом нам на земле. Храните семью — она есть основа государства, от ее целостности и крепости зависит благосостояние государства.

Храните детей! Сегодня для меня утешением была масса причащающихся детей. Ребенку можно внушить все что угодно, но не он будет отвечать, а вы. Так прилагайте все усилия, чтобы воспитать ребенка здоровым не только телом, но и душою.

Еще, братия, я повторю вчерашнее обращение апостола и объясню вам, что оно означает. В нем говорится о таком состоянии души, когда человек осознает, что он — полный банкрот, что он не в состоянии ничего сделать, что все плохо и нет сил даже пошевелиться. Такое состояние правильно, ибо человек понял, что сам сделать ничего не может, бессилен. Когда он это понял, ему остается одно: обратиться с воплем к Богу: «Я — ничто, все во мне плохо, нет сил, приди и Сам помоги!»

Тут-то и появляется соотношение двух сил — Бога и человека, о которых я вчера говорил, и начинает действовать Бог. В человека вселяется благодать и дивно восполняет все. В сегодняшнем апостольском чтении из Посланий к Коринфянам апостол Павел поэтому говорит: я могу хвалиться только немощами, так как благодаря им я ощущаю благодать, которая начинает действовать, когда человек осознает свою полную немощь, свое бессилие.

Когда придет в такое состояние человек, то не уныние и отчаяние должны овладевать им, а радость, что благодаря этому в него вселится сила Божия. Но при этом необходимо одно условие: живое ощущение Бога. Только человек, имеющий это ощущение, может в состоянии полного бессилия, призвав Бога, ощутить воспламеняющую все благодать.

Пусть это ощущение Бога будет всегда в вашей жизни: проснулись — первая мысль о Боге, начинаете дело — испросите благословения и помощи. Все мысли, чувства и желания пусть будут полны Богом, чтобы в каждом шаге вашей жизни вы ощущали и осязали близость Бога и Его попечение о вас. Не помяните моей немощи и помолитесь обо мне. Аминь.

г.Гатчина, собор ап. Павла, 29 июня/12 июля 1928 г.

Слово на день Казанской иконы Божией Матери

«Ныне отпускаеши раба Твоего...» Сими словами я хочу сказать вам свое последнее прощальное слово. «С миром...», когда же я могу уехать отсюда с миром, со спокойной душой? Только тогда, когда я буду знать, что вас не обуревают сомнения, что паства моя неуклонно идет по пути к спасению. Вот что может доставить пастырю мир, ибо между паствою и пастырем есть связь, и настроения и чувства одних передаются другому. Если вы будете твердо и неуклонно идти по пути, указанному вашими пастырями, то я буду покоен.

Идите неуклонно по этому пути, под покровом Царицы Небесной, и храните сокровище веры.

В Евангелии, читаемом часто перед чтимым вашим образом, говорится о Марии, которая избрала благую часть, что не отнимется у нее никогда. Вы тоже, пребывая в храме, избрали эту благую часть, которую ничто не может у вас отнять.

Это и есть единственное сокровище в жизни, и я думаю, что все вы, достигшие 30 лет, убедитесь в том, что все остальное прах. Так берегите же это сокровище!

Мне хотелось бы указать на существенную ошибку, которую делают хорошие христиане, к каковым я и обращаюсь. Эта ошибка — нарушение закона спасения, ведущее за собой нарушение правильности пути. Вот отчего все бывают унылы, отчего у вас все потеряно, все исчезло, надо начинать сначала.

Все происходит от нарушения основного закона спасения человека: непрерывности напряжения душевных сил на пути спасения. Напряженная устремленность должна быть все время. Не может быть так: я устал, отдохну немного, а потом продолжу дело спасения.

Возьмем для примера любовь, чистую и целомудренную любовь девушки и юноши. Разве знает она усталость, разве бывает она, ну, скажем, часов в 12, а потом нет, разве можно сказать что любишь только в этот час? Нет, любовь непрерывна, она наполняет человека, он весь ею охвачен. Так и в деле спасения должна быть непрерывность напряжения.

Не может быть так — определенное время я посвящаю Богу молюсь, творю добрые дела, хожу в церковь, а затем могу и отдохнуть. В церкви глубоко переживаю общение с Богом, а пришел домой — жизнь начинается другая. Здесь нет истины, здесь — ложь и кривизна. Какая у меня была бы истинная любовь, если бы я мог любить кого-либо только в определенные часы? Остановок в деле спасения не может быть.

Вы часто жалуетесь духовникам на топтание на одном месте, на то, что в деле спасения ничего не выходит. Происходит это вот отчего — вы поднимаетесь в духовной жизни на три ступеньки и думаете: отдохну немного, а потом буду подниматься дальше. Нет, запомните, что в деле спасения сие невозможно. Едва вы остановитесь, сказав себе: я человек мирской, мне можно немножко и разрешить себе, так сразу спуститесь не на одну ступеньку вниз, а на все три сразу, так как едва грех войдет в душу, он ее тотчас же опустошает. Душа становится пустой, и она тотчас же теряет все, что приобрела.

Вот отчего апостол Павел в своем послании говорит, что если ты согрешишь в одном, то ты повинен во всех грехах. В духовной жизни не бывает так, чтобы мы опускались постепенно, с одной ступеньки на другую. Нет, происходит то, что вы падаете сразу на три ступеньки и опять оказываетесь на первой ступеньке, и опять надо начинать сначала. Запомните это, и пусть в ваших маленьких жизнях в миру будет хоть и медленный, но непрерывный подъем и духовный рост под покровом Царицы Небесной. Аминь.

Детское (Царское) Село, 28.7.1928 г.

Слово в 5-ю Неделю по Пятидесятнице

Возлюбленные братия! Вникните умом и вложите в свое сердце только что выслушанное Евангелие. «И когда Он (Господь) прибыл на другой берег...» — так начинается сегодняшний рассказ ([Мф.8:28](#)).

Человеческая жизнь — как река, и у нее два берега. Мы были с Господом на одном берегу. Господь указал нам этот правый берег жизни, берег правды жизни. Эта зеленеющая вера — сила. Вера-сила как живительный исток жизни, отдающейся Промыслу и питающейся от Божией стихии вечности.

Вам должно быть понятно пребывание на зеленеющем берегу жизни. О нем Господь говорил два прошлых воскресения в Своих возвышенных словах о Промысле и о вере-силе. Теперь Он переправился «на другой берег» и взял нас с Собой для наученья. Как только Господь прибыл на другой берег, «Его встретили два бесноватые, вышедшие из гробов» ([Мф.8:28](#)); или, как говорит евангелист Марк, «тотчас встретил Его вышедший из гробов человек» ([Мк.5:2](#)).

Господь показывает нам другой берег реки. Тот, оставленный, был берег жизни, а этот, видимо, берег смерти. Его обитатели живут среди гробов. Тут вся земля, не часть ее, — одно кладбище. Потому евангелист и говорит: «И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек». «Тотчас» — как будто здесь живут одни гробные обитатели, а других и не встретишь. Очевидно, это — сплошная земля смерти.

Ее обитатели, как оказалось, были рабы смерти, рабы зла: они были бесноватыми; хозяином и распорядителем их жизни был бес, было зло. Значит, другой берег жизни — это царство зла, а его насельники — люди, продавшие себя в рабство злу или греху. Грех и зло — это же одно и то же. Сегодня Господь показывает нам это царство.

Очевидно, Христос непосредственным сопоставлением обоих берегов жизни, сопоставлением царства Бога и царства зла хотел запечатлеть в наших душах образы обоих царств, чтобы побудить нас, непробудных, оставаться всегда на зеленеющем берегу жизни.

Чтобы склонить нас навсегда остаться на зеленеющем берегу жизни, Господь показывает нам ужасающую и отталкивающую картину зла. Он изображает царство смерти в ярком образе его обитателя — бесноватого. Это царство отсутствия жизни. Бесноватый — человек зла, живет среди мертвецов: он вышел из пещеры с гробами покойников. Он живет среди скалистых гор, «в горах и гробах, кричал он», как пишет о нем евангелист Марк ([Мк.5:5](#)).

Мир смерти... Какая жизнь на скалистых вершинах? Ни деревца, ни травки, ни цветочка! Туда не ступает нога зверя, и порханье птиц не смягчает картину безжизненности. Безлюдие пустыни... Тишина могил... Угрюмье мертвости... Царство смерти!

Это царство смерти на кручах гор олицетворяет вздыбленную человеческую самость, которая, как гора, заслоняет небо. Сам человек — единственный хозяин своей жизни, и сам пробивает свой путь. Он сам громоздит свою жизнь; вавилонской башней самости он хочет опереться на землю, подмять ее под себя и подчинить себе самое небо. Кручи гор — это вздыбленная человеческая самость. А вокруг голые скалы всеразрушающего кругом себя себялюбия, утесы эгоистической замкнутости, ложбины греха, ущелья одной лжи и неправды, пропасти смертных падений.

Таков берег зла — земля безжизненности, уничтожения, где человек теряет человеческое и в эгоистически-животном цеплянии за жизнь обращается в животное, борющееся за себя и уничтожающее соперника. Господь в таком виде и показывает людей другого берега, людей зла. Они вышли «весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путем» ([Мф.8:28](#)).

Разве не правда, что жизнь вне Бога есть беспощадная борьба эгоизма? На безжизненной

дороге зла — одно разрушение: гибнет сам человек, разрушается все человеческое. Евангелист Марк обозначает это разрушение жизни: «И никто не мог его (гадаринского бесноватого) связать даже цепями; потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы» ([Мк.5:3-4](#)).

Человек-себялюбец не выносит ничего, что противно его пути. Отбрасывает и уничтожает все, что не подходит к миру зла. Все, чуждое этому миру, вызывает в нем бешеную ненависть, и человек, как одержимый, рвет все связи жизни добра. Он разбивает законы чести, совести, долга. Он рвет семейные связи, уничтожает общественные связи и, наконец, добравшись до Бога, рвет Его святые веления, твердые, как оковы, веления Божиего закона. Таков разрушительный путь зла. Но, быть может, на нем хорошо человеку, предавшемуся злу? Ничуть. Об этом свидетельствует тот же евангелист Марк: «Всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни» ([Мк.5:5](#)).

Постоянная тревога за прочность своих эгоистических построек, постоянное недовольство достигнутым и имеющимся, постоянная погоня за неуловимым, «нужным» для жизни. Бесконечный круг неудовлетворенности, ненаполненности жизни и какая-то неистребимая пустота крутом при всех усилиях загрузить жизнь непрерывной возней. И, конечно, крик пустоты, крик без устали, днем и ночью, как печать отверженности и свидетельство безрадостности и отсутствия покоя.

Братия! Поразмыслите, сколь ярки эти короткие евангельские слова, обрисовывающие жизнь зла, жизнь другого берега. По Евангелию, это жизнь разрушения, истребления самого человека, бесконечная борьба эгоизмов, разрушение законных связей человеческого общества и жизнь гнетущей пустоты при всей неутомимой хлопотливости что-то создать и чем-то отгородиться в жизни.

Если эта яркая характеристика недостаточно волнует вас, или вы, приведенные Богом на другой берег реки жизни, не разобрались в смысле этого Божия дела и не разобрались в значимости открывшегося на этом берегу, и если вас недостаточно волнует его мрачная картина, то я придвину ее поближе.

Как вам думается, далеко ли от вас лежит царство зла? Как вам думается, на каком неведомом материке стелется ужасающая тропа разложения и смерти? Ваш глаз покоен? Ему не видны скалы мертвости? Ваше ухо не беспокоят животные крики борьбы, и оно не слышит стонов людей, бьющихся об острые камни? О, вы были бы счастливы, если бы все это было далеко, далеко от вас!

Братия! А ведь оно близко, совсем, совсем рядом. Не каждый ли миг мы, как слепые, безотчетно ступаем на берег зла? Всякий грех, как бы он ни считался нами ничтожным, перебрасывает нас в землю зла, потому что грех и есть зло, и с каждым грехом мы становимся подданными царства зла. Даже малым грехом мы ставим себя под удар гибели и смерти.

Если вы вспомните, что в нас силен элемент разложения («семя тли») и что грех, как злокачественная опухоль, имеет тенденцию быстрого ускорения и распространения, а с другой стороны, если вы не забудете, что в царстве зла, хотя бы при малейшем сопротивлении ему, на вас навалится десятками своих агентов повелитель этого царства, чтобы вы отравились его ядовитыми туманами и заблудились, окутанные их пеленою, то вы поймете, что не напрасно предупреждает апостол: «Смотрите, как вы опасно ходите».

Вы поймете, что мир зла — рядом с вами, что вам ежеминутно грозит опасность стать данником этого мира, а потом и пленником его. Вы поймете, что царство зла со всеми его безжизненными тропами гибели, гниения, со всеми его пропастями падений, со своим леденящим дыханием смерти — бок о бок с вами, и что вы ходите на острие ножа, можете при своей духовной неустойчивости каждый миг свалиться в его объятия.

Вы тогда ощутите, что вы сами кружитесь у могилы жизни, что мертвые скалы и угрюмые камни в конце концов стеснят и задавят и вашу жизнь. Тогда вы ощутите, что такое «одержимость», когда почва ускользает из-под человеческих ног и люди влекутся чьей-то чужой и злой волей как ее орудия и жалкие рабы. Тогда вы почувствуете, что «одержимость» (бесноватость) вовсе не такое редкое явление жизни. И тогда-то стоны пленников зла откроют ваши нечуткие уши, и кошмарные вздохи зла не дадут вам самим покоя ни днем, ни ночью. Над ними повиснет давящее злорадство властителя зла о том, что на его берегу смерти завязла еще одна человеческая душа. Так что берег смерти совсем не далек и никак невозможно равнодушно пройти мимо него.

Поймите же, что Господь повел вас на другую сторону реки жизни затем, чтобы вы увидели истинное лицо того пути, около которого постоянно вы вьетесь, как будто и не замечая его смертельной опасности. Господь хочет, чтобы вы, увидавши истинное лицо пути смерти и ощутивши близость его смертельного дыхания, с содроганием оттолкнулись от мертвящих камней, бросились бы ухватиться за Божию руку, чтобы она вновь поставила вас и укрепила на зеленеющем берегу жизни.

И Господь в сегодняшнем Евангелии внушает, что Он силен утвердить человека на правом пути жизни, потому что, как ни страшно зло, Господь остается единственным Властителем и Распорядителем жизни. Эта мысль о Господе как Распорядителе жизни открывается из одной подробности рассказа о бесноватом, который, «увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему» ([Мк.5:6](#)). Здесь очевидное признание, что сила зла подчинена Богу. Она видит Его, признает за верховного Властелина жизни и трепещет, повергаясь пред Ним поклоном.

Евангелист Матфей выражает ту же мысль о подчинении зла Христу, когда приводит слова бесноватых, обращенные к Господу: «И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас» ([Мф.8:29](#)). И тут исповедание Христа Божьим Сыном и признание, что Он властен потребовать от агентов зла отчета и подвергнуть их мучению, как расплате за зло. Сила Бога очевидна: Христос дает приказание злу оставить его пленников и совершает исцеление бесноватых ([Мф.8:31-33](#)).

Таков сегодняшний евангельский рассказ. Снова и снова подивитесь, как глубоко и проникновенно Божие слово! Два берега реки жизни... Берег Бога и берег зла...

Братия, вы видели эти скалистые утесы мертвящего пути зла. Пусть не напрасно они показаны вам. Содрогнитесь пленяющего и истребляющего зла. Содрогнитесь «одержимости», когда человек раб и влечется чужою волей. Содрогнитесь! Земля зла рядом с вами!

Остерегитесь! Не ходите слепыми, не ходите равнодушными, не ходите наивными. Земля зла покрыта пленяющими сетями, и на ней никому нет пощады. Пожалейте себя, поберегите себя! Не только не перебросьтесь с берега жизни на берег смерти, но даже не оступитесь на него.

Братия, даже не оступитесь! Земля зла покрыта сетями. А если по слабости своих сил, по искусительному влиянию зла, вы оступитесь, то берегитесь задержаться на берегу смерти. Ищите Божией поддержки! Хватайтесь за руку Бога, хватайтесь за любящую промыслительную руку! Отдайтесь ей всей верою-силой, и она вырвет вас с ледящей тропы смерти и опять поставит на цветущем берегу жизни.

Не отпускайте этой крепкой всемогущей руки! И, если Господь по Своему предведению и по вашей слабости не укажет вам навсегда остаться при Нем, как Он не позволил остаться с Ним исцеленному бесноватому ([Мк.5:18-19](#)), то вы, пребывая в миру, в своей земной обстановке, никогда все-таки не забывайте повеления, указанного Господом тому же исцеленному. Храните в душах, чтобы вновь не соскользнуть на берег зла, безграничную преданность Христу за то, «что Он сотворил с вами и как помиловал вас».

Возненавидьте самый предлог к новым падениям! Возненавидьте, и полюбите душою всегда милующего и всегда спасающего вас Христа! Аминь.

Слово в 7-ю Неделю по Пятидесятнице

Братия! Сегодня снова чудо веры. Возвращение Господом нашей мысли к делу веры так понятно — уж очень значительно это дело и очень всеобъемлюще.

Чудо со слепыми, исцеление Господом двух слепых. Была ли здесь, в обращении ко Христу слепцов, та вера-сила, которой научаемся мы из истории капернаумского сотника? Был ли здесь отрыв от греха и осуждение неправды? Был ли здесь порыв к Богу? Были, были! Вот это было.

Знаменательно само обращение слепых ко Христу: «Помилуй нас, Иисус, Сын Давидов!» ([Мф.9:27](#)) Они не просят о здоровье, о зрении. Они просят помиловать их. Помилования просит тот, кто сознает свою ошибку и вину. Слепые, очевидно, отворачиваются от своей неправды, осуждают ее и ищут оправдания. Они ищут оправдания не по своим заслугам — их нет. Какие заслуги человеческого нищества? Оправдания только милостию Бога: «Помилуй нас, Иисус...»

Слепые исповедуют, что Божия сила даст им эту милость, к которой они стремятся. Господь спрашивает их: «Веруете ли, что Я могу это сделать?», и они отвечают Ему: «Ей, Господи!» ([Мф.9:28](#)) Ясно, что вера и здесь налицо. Та вера, на которую откликается Бог. Не без основания же Господь откликнулся на просьбу слепых, совершил их исцеление ([Мф.9:29-30](#)), и открылись глаза их.

В этом рассказе о вере слепых и их исцелении проясняется евангелистом не сам факт веры, а особенная черта обнаружения веры. Эта черта — настойчивость до упорства в обнаружении веры, неотступность, постоянство в ее обращенности к Богу.

Не напрасно, совсем не напрасно святой евангелист выдвигает эту особенность веры слепых. Перед нами люди, лишенные зрения, скованные слепотой, люди с ограниченным крутом жизненных восприятий и жизненных действий. Они не свободны в выборе пути, они беспомощны на дороге, куда поставлены. Их жизненные процессы урезаны: ни свободно пойти, ни посмотреть, ни сделать, что хотелось бы. Пред ними только узкая тропа, да и на ней почти полная беспомощность. Весь мир — одна непроглядная тьма. Лишь один кусочек света и жизни бьется для них — собственная мысль и свое волнующееся сердце. В них вобралась вся жизнь...

И вот в этих урезанных полужизнях развивается какой-то непостижимый смерч. Как будто невидящие глаза захватились какой-то лучезарной точкой, и человеческая ограниченность забыта. Узость жизни отброшена, тропинка расширилась в необъятность, кусочек света раскрылся в беспредельность. Блеснувшая светлая точка разбудила стихию. И она, всколыхнувшись, перешла в захватный смерч. Кончилась узость жизни, кончилась слепота — слепые опередили зрячих.

Так случилось со слепыми Евангелия. Светлой точкой, разбудившей глохнувшую урезанную жизнь, был Христос. Всколыхнулась стихия веры, запольхала вера. Она оторвала от пленности земель и понесла. И слепых не стало: «Когда Иисус шел оттуда (по исцелении дочери Иаира), за Ним следовали двое слепых» ([Мф.9:27](#)). Одно спокойное слово Евангелия рассказывает, как забились огненная жизнь: «За Ним следовали»... И какой вихрь силы скрыт за этим бесстрастным эпическим спокойствием!

В переливчатой волне народа, следующего за Учителем-Чудотворцем, — волнение моря. Толпа то прильнет, то отхлынет. Ревность восторга, воспламеняемость природы, суэта любопытства колышат людские волны, и они, нестройные, мятежные, гулко заливают дорогу беспорядочным, теснящим движением.

И в этой капризной стихии — две беспомощные, урезанные жизни, ничего не видящие: ни камня под ногами, ни встречного дерева, ни ложбинки пути. Две беспомощные жизни, натякающиеся, падающие, мешающие другим, и в свою очередь — теснимые, заталкиваемые,

отбрасываемые. Толпа тоже не видит, толпа не разбирает. Так не момент, не мгновение, не минуты встречи, прохода. Так долгие, долгие минуты, быть может, часы. Так все время следования в беспокойной толпе.

Они, эти две урезанные жизни, идут, идут — они «следовали за Ним» неотступно. Как замороженные, как захваченные своим внутренним вихрем, не замечающие ничего, как поднявшиеся над жизнью. Они видят. О да, теперь они видят! Сияние жизни... Они осязают ее дыхание и влекутся к Нему, сбросив свою ограниченную слепоту. Они влекутся упорно, не считаясь с препонами, не зная усталости, не щадя себя, презрев свою человеческую ограниченность. Влекутся, презрев толчки, людское ворчанье, ушибы и свое изнеможенье.

Они оторвались от своей земной неправды, ими движет вихрь, влекущий в правду и силу Бога. И в напряженном порыве веры слепцы стали как безумные. Они следовали, следовали за Ним и «кричали», добавляет евангелист. Вдохновение веры опрокинуло человеческое.

Слепцы — это забитые жизнью люди, обездоленные из-за своей земной ограниченности и своей зависимости от окружающего. Люди, чаще всего — смиренные, тихие, незаметные и робкие, они не хотят считаться даже с толпой. Они «кричат», чтобы перебороть давящую толпу и пробиться к Силе, которая одна только им и нужна. Очевидно, их крик был неугомонным — «следовали и кричали», говорит евангелист.

Порыв веры слепых и их вопли не останавливают ни длительность дороги, ни естественная утомительность крика, ни возможные отговорки окружающих (как было с иерихонскими слепыми). И наконец — верх дерзости! Слепые не только не угомонились, не только не обессилели, не только не в унынии, что их вопли не достигают цели и Христос по-прежнему недоступен для них. Они, оказывается, удесятятряют усилия и опережают зрячих.

Христос в доме... Быть может, Он хочет отдохнуть от народа и укрыться от него, а слепцы обгоняют толпу, втискиваются в дверь; они — у Христа, рядом с Ним. Теперь-то Он услышит их. Настойчивость до упорства победила. «Они приступили к Нему», — записывает евангелист. Они стали лицом к Лицу с Господом.

Господь требует обнаружения веры и спрашивает подошедших: «Веруете ли, что Я могу это сделать?» Слепые отвечают Ему: «Ей, Господи!» ([Мф.9:28](#)) Вера оправдывается и Божественная сила подается. Слепые включаются в стихию Духа и Бога. Очищается внутреннее зрение души и открываются глаза тела. Чудо совершается... Да, братия, евангельский рассказ об исцелении Господом слепых открывает нам новую черту, присущую природе веры как силы, — ее постоянство, неуклонность ее дерзания.

Размыслим, почему постоянство, открываемое сегодня Божиим словом, должно быть в нашей вере? Если вера есть признание ограниченности, слабости человеческой природы и искание силы вне себя, если вера должна быть отрывом от человеческой бедности и погружением себя в потоки могучего, сверхземного, то не ясно ли, что вера как определенное душевное состояние, как отрыв и погружение, должна быть постоянной. Как только они (отрыв и погружение) исчезают, так исчезает и это душевное состояние, т.е. исчезает самая вера как уход в Божие.

Совершенно ясно, что если в обнаружение веры мы введем непостоянство, если следование вере будем рассматривать как перемежающееся душевное состояние, когда отрыв от земного и искание Бога чередуется с отдыхом и возвращением к земному, то мы тем самым также уничтожаем самую веру. Всякий мнимый отдых, всякие возвращения в земную ограниченность не являются ли новым погружением в то, от чего мы только что оторвались в порыве веры? Не показывает ли такое погружение, что мы отбрасываем от себя сверхземное, так как оно мешает нам, выходим из него и снова бросаемся на землю.

Тогда замирает, конечно, порыв, истребляется Божие, и опять в душе водворяется земля, т.е.

душа возвращается к своему исходному состоянию. Лежание на земле и есть безверие, потому что вера, как мы знаем, есть отрыв и осуждение земли и уход в небо. Всякое отступление в порыве или — что то же — отступление в вере, измена постоянству веры, ведет за собой истребление веры.

Человеку и человеческой душе надо выбирать что-то одно. Если она довольствуется землей, то пусть в земном и остается. Если она осудила бедность земли, осудила честно и оторвалась от нее, то надо уйти от своего бессилия без оглядки, искать опоры в Божием и завоевывать Божие верой, т.е. уходом в мир Бога.

Всякое иное состояние, когда происходит то отрыв от человеческой слабости и порыв в мир Бога, то новое возвращение в слабость, всегда будет истреблением мира Бога, потому что всякое возвращение к земле равносильно вытеснению из души Бога, так как земля и Бог — это две неместимые стихии, и принятие одной из них исключает другую. Почему и сказал Господь: «Всякий, делающий грех, есть раб греха» ([Ин.8:34](#)), т.е. согрешающий погружается в стихию греха и зла и делается данником (рабом) этой стихии, и не может быть одновременно носителем света и членом мира Бога.

Сама природа веры как ухода от человеческой немощности и греха предполагает постоянное осуждение своего нищенства и постоянный отрыв от него. Иначе какая же это вера, когда человек ежечасно или ежеминутно, вслед за порывом утвердиться в Боге, снова и снова возвращается к земле и истребляет в себе малейшее дуновение Божия мира? Это — обманная вера и обманное осуждение себя, обманный уход от себя к Богу. В действительности в человеке остается прежняя опора на привычное земное и предание себя греховной сладости.

Есть еще одна сторона необходимости постоянства в вере. Она касается ухода души, осудившей землю, в мир Бога. Может ли быть отсрочен этот уход в мир Бога? Или может ли он совершаться с промежутками, чтобы дать человеку возможность отдыха, т.е. возможно ли душе, оторвавшейся от греха, делать отдых при восхождении к Богу и в такие периоды не ниспадать в грех, а оставаться в стихии Бога? Возможны ли перерывы, непостоянство при восхождении к Богу?

Нет и нет! Не может быть отсрочки при вступлении на путь Бога после ухода от греха и не может быть интервалов в следовании по этому пути. Душевная жизнь целостна. В ней не может быть незаполненности, и, если человек действительно вырывает из себя немощное, то он сейчас же должен вводить в себя «сильное», Божие. Душа не терпит пустоты. Если, оторвавшись от зла, человек не позаботится тотчас же заполнить душу Божиим, то при душевной пустоте рецидив зла, возвращение зла будет более сильным, чем прежнее состояние во зле.

Именно о таком состоянии душевной протрации сказано Господом поразительное слово: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убраным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, — и бывает для человека того последнее хуже первого» ([Лк.11:24-26](#)).

Введя Божие, человек не может допустить отдыха и успокоиться, ибо жизнь души есть движение. Душа все время находится в движении: она или развивается и растет, или идет к своему упадку. Какой-то стабилизации добра при последующем отдыхе души нет! Если стал укреплять душу, так и укрепляй, возвращай, умножай, собирай ее богатство. Едва остановился, и душа может двинуться вниз, почему и сказано Господом: «Кто не собирает го Мною, тот расточает».

Таково психологическое обоснование постоянства веры, как бы ее упорства, с отказом от обанкротившегося человеческого, при стремлении получить новую силу от Бога.

Братия, поглубже запечатлейте в себе евангельский рассказ об исцелении Господом слепых

и заложите в душе новую, углубленную опору для спасающей веры-силы. Требуйте теперь от себя, чтобы непрменным свойством вашей живой веры было ее постоянство. Усвойте это неизгладимо. Разве мы не слепые? Но мы, конечно, хотим быть зрячими. О, как хотим быть зрячими! Хотим до болезненной скорби: «Ей, Господи! Хочу прозреть!»

И мы готовы идти за Христом, а иногда и идем, молим Его о прозрении и становимся на дорогу прозревших слепых. Но мы забываем путь слепых. Где наше неотступное следование за Христом? Где упорство отказа от себя и ухода от себя? Где непрерывное приближение к Богу?

Мы видели у слепых полную устремленность и видели, что настойчивость их веры не знает препятствий. Препятствия как будто даже крепят их веру и умножают усилия. «Помилуй» не сходит с их уст. Оно становится криком. Расстояние до Бога укорачивается, а напряженность не ослабевает. Наконец, Бог рядом, и обращение к Нему услышано. Темная узкая тропка у бредущих слепых перешла в необъятный простор бытия рядом с Богом.

У нас картина иная. Толкаемые разумом, сердцем и всей несуразностью своей обнаженной жизни без Бога, задыхающиеся в своей слепой безвыходности, мы делаем попытку стать на путь Бога, чуть-чуть приоткрываем глаза, а потом, через мгновенье, опять погружаемся в слепоту. Собьемся с пути, разобьемся о грех, нанесем себе глубокие раны, опомнимся на мгновенье, а затем опять, опять отступаем в беспросветность земли и еще больнее разбиваемся во тьме греха. И так без конца, без конца! Какой-то роковой круг из попыток открыть глаза и новых погружений во тьму.

Если некогда постоянство и настойчивость в вере выводили слепых в безграничное соединение с Богом, то мы, наоборот, из этой необъятности уходим в ограниченность, забиваемся в щель греха и из простора жизни в Боге уходим на узкую, мрачную и смрадную тропку гниения.

Наша вера при этом бесплодна. Бога нет и чуда нет! Вера гаснет, вера истребляется... Нет веры. Истребляется вера — и не может быть с нами Бога! Отсутствие упорства, настойчивости, постоянства в вере истребляет самую веру. У нас же нет постоянства. В нас — бесплодные метания туда-сюда.

Приглядитесь к наиболее типичным среди нас обнаружениям веры.

Нам опротивела собственная ограниченность и опротивел, стал невыносим пленяющий нас грех. Мы довольно пострадали от бесконечных падений и робко порвали с поработавшим грехом, сделали шаг в сторону Бога, один шаг. Немного молитвы, немного бодрости, немного желанья стать лучше в поступках. Один шаг.. А потом нам уже скучно. Бог осязательно не пришел. Если нет захватывающих внешних впечатлений и нового толчка для ума и сердца, то мы сдаемся, апатично озираемся кругом, склонные мириться с каким угодно компромиссом. Осуждение греха забыто! Отрыва от него не чувствуется. Грех снова у ворот сердца и в каждый момент может стать хозяином жизни. Где же постоянство веры, отрывающей от зла и толкающей нас в свет Бога?

Бывает, что мы сделаем два шага вперед, решительно порвем со злом, и с увлечением будем служить Богу неделю и месяц. А потом придет как бы усталость — захочется сойти с высоты, спуститься вниз и отдохнуть. Погружение в земное кажется таким необходимо нужным и успокоительно заманчивым, что обойтись без него невозможно.

И мы позволим себе отдохнуть, отдохнуть с уступкой земному. Конечно, за эту уступку очень скоро приходит горькая расплата, потому что всякая уступка есть измена вере и истребление веры, как выбрасывание из себя неба и погружение в землю. В таком душевном состоянии, как будто поначалу и возвышенном, вера хромает и не способна непрерывно вести к Богу, ибо нет в нем обязательного пространства веры.

Или бывает, — это более типичное состояние, — что человек, не задаваясь большими

задачами, желает ровненько жить по-Божиему, как это возможно, по его мнению, на земле. Он отчетливо представляет грех как свое зло, изолирует себя от греха и как бы тихо бредет по Божиему пути. Но пройдет день, два и приходит господин души — грех — и властно командует ею. Бедный человек почти без сопротивления оставляет Божие и влечется как раб, скованный цепью. Это хилая, непостоянная вера с поверхностным осуждением греха и поверхностным отрывом от него, и потому быстро ускользает Божие — зло водворяется в душе как законный распорядитель жизни.

Наконец, есть еще одно состояние веры — самое обыденное и самое распространенное. Вере мы отводим свое место в жизни, а рассудку и знанию — свое. Вера у нас как бы заведует всем Божиим, всем, что касается религии и Церкви: пойти в храм, дома помолиться, принять таинства, потолковать о возвышенном, Божиим... А во всем прочем, в жизни в целом, люди живут, руководствуясь своими чувствами и рассудком. Тут нет не только постоянства веры, тут вообще никакой веры нет! Нет никакого Божиего пути, а лишь постоянство слепоты, безнадежная слепота.

Таковы обнаружения веры без плода. Это немощная бессильная вера и за ней не приходит Бог.

Братия, теперь сделайте последний вывод. Если вы увидели в себе одно из названных состояний веры, то уразумейте, чего не хватает вам. В этом выводе вас, зрячих, пусть поведут слепые. Не постыдитесь двинуться за слепыми! Это — верная дорога, которая привела к Богу. На ней не отставайте от слепых! Переймите от них бурную устремленность, настойчивость, упорство и постоянство веры.

Уж если вы отпустили грех, то, подобно евангельским слепым, осудите его навсегда, без остатка. Если вы оторвались от него — так без возврата. Если ринулись к Богу — так без оглядки назад, без измены душе, небу, Богу. Без возврата ко греху. Стремитесь вперед и вперед! Бегите и кричите: «Помилуй, помилуй...»

Вперед и ввысь! Вместо брошенного — новое, чтобы душа наполнялась им. И новое придет. Божие придет, потому что путь постоянства поставит вас пред Богом.

Тогда скажите Ему со слепыми: «Ей, Господи, хочу прозреть». И будет вам по вере вашей — прозрение в стихии Бога. Ничто уже не оторвет вас, прозревших, от радости жизни блаженных, видящих Бога, которой да сподобимся ныне и вовеки. Аминь.

Слово в 9-ю Неделю по Пятидесятнице

Возлюбленные братия! Сегодня — изумительный евангельский рассказ. Слушаешь, и поражаешься его глубине. Изумительно в Евангелии то, что в нем Откровение — на все времена, жизнь человеческая и душа человеческая всех времен и народов как на ладони, как в зеркале. Вникай в Евангелие, смотри на себя, учись и выправляйся!

В одну из бархатных ночей знойного юга, когда в сонной дреме отдыхала природа, изнемогшая в ласках жаркого солнца, Христос молился на одной из гор Палестины. Ученики Его остались внизу на озере и плыли. И было мирно... Будто молитва Божьего Сына распростерла благодатный покров над этим уголком жизни. Сын Бога был так близко, и могущественное покровительство Его ощущалось в тишине благоговеино застывшего воздуха.

Вдруг налетел шквал — внезапный, порывистый южный шквал. Будто тысячи врагов, подкарауливавших ночью свою добычу, с дерзким криком, по какому-то сигналу, сразу набросились на нее. Со свистом кидались и рвались порывы ветра. Зигзаги молний были ослепительны и дерзки в непроглядной тьме. Заревели волны, бешено понеслись туда и сюда. Поднялась какая-то бесшабашная пляска стихий. И было жутко. Земля не могла сопротивляться, она плакала и металась. Растерянная, подавленная грандиозностью напора, она была жалка и беспомощна. То был хаос! Где же Учитель? Разве Он отошел от земли и бросил ее, разве покровительство Его бессильно?

Учитель молился и бодрствовал. Маленькая кучка учеников, захваченная стремительным напором стихии, поддалась малодушию и растерялась, совсем растерялась. Они — одни среди моря, беспомощные, в руках капризных волн, во власти враждебной стихии. Учитель уже знал о буре и бросил их... Они погибнут. Только в поздний час ночи, когда человеческие надежды на спасение уже истощились, когда малодушие готово было перейти в панику и отчаяние было близко, на бушующих волнах моря появляется Христос. Он идет как всегда, кротко покойный, полный внутренней силы. Идет в фосфорическом блеске молний, окруженный сиянием неба, как небожитель, как призрак. Ученики не узнают Его — они в полном страхе.

Вместо помощи — новый ужас. Наряду со стихиями земли на них поднимается мир призраков. Горе им, горе им! Ученики, в ужасе пред смертью, начинают кричать. «Возопиша», — говорит про них евангелист. Тогда Христос открывает себя: «Ободритесь», будьте мужественны, «это Я, не бойтесь» ([Мф.14:27](#)). Настроение учеников разом переменялось. При виде Христа как Бога, как властного распорядителя стихий у Петра зажглась пламенная и дерзновенная вера. Он просит у Господа позволения подойти к Нему. Христос просто отвечает: «Иди», и Петр выходит из корабля, послушный голосу веры, твердый как гранит, фанатично отдавшийся вере, как зачарованный, как загипнотизированный. Вода осталась водою, и человеческое тело осталось телом, но Господин и Творец стихий и законов материи, конечно, выше их условности, и когда Петр ушел в мир Бога, он как бы освободился от подчинения миру стихий и стал вне его и выше его.

Петр пошел по воде, — простой смертный человек пошел по бушующей стихии. Но уровень пламенной веры скоро понизился, безраздельность волевого захвата прошла. Проступило человеческое, просочилось немогущее. Стихия бушевала, лицо обдавало брызгами. Под ногами была страшная глубина. Ветер по-прежнему рвал одежду, и молнии слепили глаза. Все это было реальностью!

С человеческой точки зрения дерзание Петра было безумием, неслыханным безумием. Ведь он сейчас пойдет ко дну... Стихия беспощадна. Кто он? Кусок тяжелого тела! Что он захотел? Под ним же открытая могила. Сумасшедший! И как только мимолетным зигзагом мелькнула эта

мысль о себе, как только Петр свое положение на воде и прочность отдал под опеку человеческого, так сразу человеческое и материальное вступило в свои права — Петр пошел ко дну. Его спасает Христос. Он берет его за руку и поддерживает с мягким упреком: малодушный, малoverный. Зачем ты дал место сомнению? Ведь Моя сила уже была проявлена, а ты на себя захотел положиться. Вот твои стихии и похоронили бы тебя.

Эта евангельская история с Петром есть вечно живая и действительная история, бессмертно повторяющаяся в каждый момент жизни Церкви. История Петра — это и наша история, история отдельной души.

И ты — человек в море жизни, и ты — пловец, и на тебя налетает шквал, стихийный и безудержный. Тишина опрокинута, клокочет и рвет разгул человеческих страстей. Волны жизненного шквала бьются о тебя, перевертывают твою жизнь, опрокидывают сложившуюся устойчивость, опрокидывают понятия, привычки, семейные отношения. Ты выбит из колеи, взбудоражен и сам опрокинут этим напором страстей. Появляется сначала робкая, а потом дерзкая мысль: да что же там пусто? Где Бог? Почему Он не видит моих страданий и моей гибели?

Помни: Христос бодрствовал; Он в это время молился на горе и был на страже. Он видит все совершающееся и бодрствует. А твои страдания — результат налетевших страстей, они попущены и не сразу снимаются Богом, так как в них выковывается твоя душа. В скорби куется терпение и вера. Скорбь бывает длительной, чтобы закалить душу в терпении. Христос приходит к ученикам только в конце ночи, потому и твои скорби продолжаются дни, недели, месяцы и годы.

Будь бодр! Мужайся! Пусть не будет ни слова ропота, ни ноты уныния, ни упадка настроения. Так куется терпение, и в терпении растет и закаляется вера. За месяцы и годы налетевшей скорби ты перепробуешь много земных рецептов освободиться от нее, а освобождения нет, длительность скорби обращается в новую пользу. Расчеты на земное рушатся, и тогда освобождается от земных пут и растет вера в освобождение только от Бога.

Как в апостолах с каждым часом скорбной ночи исчезала надежда на избавление своими силами или человеческой помощью, так надо, чтобы и в тебе выветрилась всякая мысль о своих силах и о земной помощи. Мысль о том, что ты сам можешь устроить свою жизнь или люди могут устроить твою судьбу. Надо, чтобы вся твоя душа повернулась в сторону Бога, чтобы были отброшены все человеческие расчеты, чтобы все напряжение воли устремилось ко Христу, как единственному выходу из безотрадности и одному избавлению, и чтобы вся твоя мысль вылилась в обращение к Нему: все от Тебя, прииди и спаси!

Вот что нужно — терпение, и в нем крепость души и безраздельная вера. Вот для чего — длительность скорби и отсутствие Божьей подмоги. Мало того, как на озере Галилейском, когда в человеческих возможностях спасения уж не могло быть, Христос не сразу открывает себя, и появление Его, неузнанного, вызывает чувство панического страха. Так бывает и в человеческой жизни, что после полосы скорбей тяжких, непосильных испытаний вдруг приходит новая скорбь, тяжелейшая, смертельная.

Бодрствуй! Это значит, что помощь близка, Христос с тобой. Бывает, что Господь, когда хочет прекратить бедствия, посылает другие, тягчайшие, с той же целью воспитания души. Как Господом подается помощь? Христос не прекращает бедствия сразу, не усмиряет бури, а подает помощь, избавляя от гибели.

Не думай, что если скорби не сразу проходят, то Господа нет. Скорби оставлены, чтобы продолжала гореть твоя вера и обращение к Богу, а то, быть может, ты опять бы духовно заснул. Потому и оставляются скорби. Но и в скорбях Господня рука заботится о том, чтобы ты спас свою душу и исправлял свою жизнь. Такова задача Бога.

Вот Господь подошел вплотную к ученикам, Его Божественная сила очевидна. Она властвует над жизнью и подчиняет ее, она покоряет себе земную стихию. Господь явно управляет жизнью, и Его вмешательство отменяет Им же установленный порядок бытия. Господь творит чудо как наглядное обнаружение Своей силы — [Петр](#), смертный человек, ходит по воде.

Казалось бы, Бог теперь безраздельно властвует и все человеческое устранено. Божеская сила царит, а человеческая природа оставляется в стороне. Человеку, казалось бы, обеспечена полная помощь Бога, и спасение человека тоже обеспечено. Однако в действительности дело было не так.

Петр пошел по воде и Божественною силою совсем приблизился ко Христу. Но проходит мгновение и, хотя Христос стоит совсем-совсем рядом с апостолом, Петр тонет, погружается в воду. Что же случилось? Отступил Бог или прекратилось изливание Божественной силы? Нисколько. Бог стоит рядом, и Божественная сила действует. Присутствие Бога и одно соприкосновение с Божественной силой, очевидно, не обеспечивает человеку влитие в него Божественной силы и спасение человека. Из истории бурной ночи ясно, что даже будь Бог рядом с человеком, для спасения человека необходим контакт самого человека с Божественной силой. Контакт веры живой, огненной, напряженной, стремительно, как ток, включенной в стихию Бога.

Когда апостол Петр огнем своей веры, не раздумывая, как зачарованный, включился в стихию Бога, она вошла в него и освободила его от действия низшей материальной стихии, подняла и поставила выше ее, и апостол пошел по воде. Но в тот миг, когда в нем проявился материальный порядок, волевое напряжение веры, включившее его в стихию Духа и Бога, оборвалось, и контакт с Божественной силой прекратился, то в тот же миг вступили в силу законы материальной жизни и изолировали человека от Божественной силы. Таков закон восприятия человеком Божественной помощи.

Бог приходит на помощь человеку, и Его Божественное воздействие разлито вокруг человека, но сам человек, — употребляя сравнение, взятое из материальной природы, — должен сделать свою жизнь чутким, верным и открытым приемником, улавливающим волны Божественного воздействия, как электрический приемник улавливает радиоволны, или человеческая душа должна послать свой напряженный ток веры навстречу разлитой Божественной силе, — тогда произойдет ее контакт с нею и подастся Божия помощь. Этот контакт с Божественной силой достигается силою веры человека.

Если же человеческая душа порывом веры не включается в стихию Бога, или, включившись, потом снова вернется назад и будет искать опоры в мире ограниченного, то вступает в силу ограниченное, материальное и греховное, и душа изолируется от воздействия на нее Божественной силы и помощи. Значит, Божественное действие приостанавливается, когда в душе на первый план выступает тот или иной недостаток, парализующий веру и устремленность к Богу. Таков закон Божией помощи человеку. Помните о нем! Помните, о чем говорит хождение Петра по воде и его погружение в воду.

Если вам думается, что Господь забыл вас и не приходит со Своей помогающей силой, то проверьте себя: не вы ли причина того? Не разлагающее ли сомнение, как червь, подтачивает ваше внутреннее и обессиливает его, снижает и закрывает душу от влияния Божественной силы? Поэтому смотрите больше на себя, выравнивайте душу, заряжайте ее силою веры и направляйте эту силу навстречу силе Божией, и тогда встреча этих сил спасет вас. Помните, что близость Христа сама по себе не спасает.

Когда вы, хромая в своей вере, то идете навстречу Богу и отдаетесь Ему, то опять отступаете назад и отдаетесь человеческому расчету, успеха не ждите. Вы хотите опереться на

человеческий расчет? Пусть он вас и спасает. С этим расчетом вы и идете ко дну, и ничего не выходит из вашего обращения к Богу. Вы топчетесь на одном месте, колеблясь между слабыми потугами веры и расчетами на человеческое, и от расчетов на человеческое — опять к потугам веры. И ничего не выходит из такого строительства души и жизни, кроме тягости, тоски и разочарования.

Тогда вы не ищите виновника своей тягости, потому что виновник — вы сами, и не забудьте тогда укора Петру, обращенного и к вам: «Малoverный! зачем ты усомнился?» Отдайся Мне всей безраздельной верой, и Я поставлю тебя твердо на волнах моря жизни и Сам управлю тебя. Аминь.

Слово в 10-ю Неделю по Пятидесятнице

Братия, сегодня у нас будет слово о вере, и строгое слово. Строгое потому, что в нем Господь как бы подводит итог всем Своим призывам к человеку. Итог оказывается очень печальным.

Господь правдиво и жестоко говорит о том, как род людской откликнулся на Его зов: «О, род неверный и развращенный!.. доколе буду терпеть вас?» ([Мф.17:17](#)) Несмотря на это, Господь не уменьшает Своих требований в отношении веры, а вводит еще новое требование, которое завершает характеристику веры как силы души.

Сегодняшнее Божие слово состоит из двух частей. В первой части, в рассказе об исцелении бесноватого глухонемого, содержится наименование рода людского — «неверный и развращенный» за его глухоту к вере. Во второй части, в беседе с учениками, мы находим углубленное требование Христа к людям в отношении веры. Поэтому и наше слово назидания будет посвящено двум темам.

Божие учение без устали зовет к вере и к Небесному Царству, и для подтверждения истинности Своего учения Господь творит бесчисленные чудеса. Обращение к вере сейчас же венчается дарованием благодатной силы. Но и после всех бесчисленных по вере чудотворений картина тупой, ограниченной человеческой жизни не меняется.

У человека тяжело болен единственный сын. Этот человек слышал о Христе и Его чудотворениях и, испытав бесплодно все земные средства для спасения сына, он приводит сына ко Христу. Приводит, конечно, не потому, что верит во Христа, а по безвыходной нужде — он все испытал, идти больше некуда... а, может быть, поможешь... Ради «пробы», поскольку Христа среди учеников не оказалось (Он был на горе Преображения), показывает сына ученикам: вы учите чему-то новому и исцеляете, попробуйте исцелить. Это земное обращение нужды, в котором нет никакой веры.

Когда к собравшейся около учеников толпе народа подходит Христос, и этот человек падает перед Ним на колени, умоляя исцелить сына, даже тогда у него нет веры. Об этом говорит сама форма обращения к Христу: «Если что можешь... помоги нам» ([Мк.9:22](#)). Кто глубоко верит, тот не скажет словами неверного бессилия: «Если что можешь, помоги».

Господь справедливо вознегодовал — пришел человек, загнанный жизнью в тупик, знающий, что перед ним — Небо, что он призывает силу Бога, что путь к Богу — беспредельная вера — и лепечет: я показывал сына Твоим ученикам, они не помогли. Если Ты что можешь, помоги...

В лице этого человека Господь обличает весь род человеческий: «О, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?» ([Мф.17:17](#)) «О, род неверный! Вот Я с вами, а вы бесчувственны. Вы по-прежнему копошитесь в земле; в ней ищете утешения для себя. Вы так развращены своими земными обманами. О, род развращенный!» — вот какие жестокие слова были обращены к косному в своей слепоте отцу.

Только потом, когда приоткрылись глаза ослепшей души, когда человек увидел свою обнаженность и отвернулся от нее, он с ужасом воскликнул: «Господи! Верую, верую, помоги моей нищете». Теперь он просит не о сыне, а о себе, слепом и обнаженном. Лишь тогда снисходит Бог к человеку и свершает исцеление больного ([Мф.17:18](#)).

Братия, эти суровые слова Христа обращены и к нам. Не правда ли? Насторожитесь! Проверьте себя: есть ли в вас настроение отца, вызвавшее гнев Господа?

Призывы Бога стучатся в душу нашу от самого нашего рождения. Призывы к вере, к спасению... И нас, и детей наших мучит дух зла, бросающий их и нас во все стихии земли

(больной кидается «в огонь и в воду» ([Мк.9:22](#)). Дух зла парализует слух души и делает ее неспособной являть добро и правду («дух немой» [Мк.9:17](#)).

Когда мы загнаны в тупик и мечемся в поисках помощи, мы вспоминаем о Боге, властно хотим подойти к Нему.

Это обращение, братия, еще не есть вера. Это обращение нужды, некуда деться. И повторяются нами слова евангельского отца: «Ведь Ты же Бог, помоги нам!»

Это жалкое обращение рабской души, которая в своем ничтожестве еще посылает упрек Богу: «Что же Ты молчишь и не помогаешь? Я верую, оправдай мою веру, помоги!»

Братия, признайте, что сказанное есть жуткая правда каждого дня. И как жизненно звучит до сих пор негодование Бога: «О, род неверный и развращенный!.. Доколе буду терпеть вас?» Пусть это справедливое негодование Бога коснется каждого уха. Усвойте, что эти жесткие слова обращены именно к вам. Вы только без лукавства подойдите к себе и взвесьте свою веру и свое обращение к Богу. Окажется ли оно выше неверия евангельского человека?

Вам известно, что вера есть прежде всего осуждение греха в себе, отрыв от греха и устремленность в стихию Бога. Из истории расслабленного вам известно, что лишь при наличии этих условий приходит Бог, освобождает от греха и ведет к царству возрождения.

Наконец, незабываемое чудо спасения апостола Петра наглядно показывает, что вы сами, в своих руках, держите ключ к спасению, и если вы не выполните сами указанных условий прихода Бога, то вера ваша — пуста и ничего вам не даст. Если вы не проявите своей устремленности к Богу, Бог не может спасти, хотя бы и стоял рядом, как с апостолом Петром.

Взвесьте все — есть ли у вас все условия для прихода Бога? Нет, нет, нет! О, род неверный и развращенный, запутавшийся в своих обманных путях!

Это надо осознать, братия! Надо осознать, чтобы увидеть свою обнаженность, свои лохмотья души и умолять о себе: «Господи! Спаси, укрой от моей нищеты, помоги, подними как расслабленного. Дай прозреть, как слепому! Поддержи, как Петра, дай руку! Зажги веру как огонь жизни. Помоги моему неверию...»

Господь милосерд. Как только отец осознал свое нищенство и ринулся в мир Бога, Бог тотчас откликнулся. Так будет и с вами. Только соблюдайте условия — осудить себя, оторваться от греха и броситься с постоянством в мир Бога так, чтобы вас не держали никакие цепи, вы бы поднялись и легко парили над стихией земли.

Конечно, мы бессильны. Но Господь милостив и сегодня указывает нам средства воспитания веры-силы.

Эти средства указаны во второй половине евангельского чтения — в беседе с учениками после чуда исцеления глухонемого. Когда по исцелении глухонемого ученики оказались наедине с Господом, они спросили Его, почему же они не могли исцелить больного; ведь наделил же Христос их силой исцеления? Господь отвечает, что они не могли исцелить по недостатку веры.

Изумительный ответ! Как ярко он вскрывает действие веры-силы. Этим ответом Господь подтверждает, что вера как сила есть уход в мир Бога, погружение в поток Божия действия. Тогда только может исполниться то, о чем Христос сказал ученикам: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» ([Мф.17:20](#)).

Поскольку ученики в случае с глухонемым оставались скованными законами земли, то чуда не свершилось. Они не смогли уйти в мир Бога и вызвать действие Его законов. Так как нужно было не только уйти в Божий мир, но и убрать с пути силу зла, связавшую больного, то требовалось особое напряжение веры. Господь разъясняет: для получения этого состояния требовалось упражнение, содействующее вере. Это упражнение — подвиг молитвы и поста.

Вот какое назидание дает Христос! Вера-сила питается подвигом, подвигом молитвы и поста.

Братия, это для нас! Требование веры как бегства от себя и погружения в мир Бога кажется нам столь необычным, что мы не знаем, как к нему и приступить. Теперь на этом пути нам указана опора, опора для освобождения из плена зла. Это подвиг молитвы и поста.

Почему так?

Подвиг нужен для бодрствования души, ибо к спящим человекам приходит враг ([Мф.13:25](#)). Когда душа беспечна, она погружена во внешнее и свое внутреннее зло, и как она может тогда проявить осуждение зла и оторваться от него? Душа может сделать это при полном бодрствовании сознания, а последнее дается только подвигом.

Кроме того, как видно из описания чуда с апостолом Петром, дело спасения требует нашей личной активности. Из истории слепых мы знаем, что вера требует не единичного порыва, а постоянной устремленности в мир Бога. Постоянство устремленности приобретается только подвигом. Почему же из всех подвигов Господь указывает именно на подвиг молитвы и поста?

Вера есть перевод души в мир Бога, а что лучше всего этому способствует как не молитва, которая является беседой души с Богом, т.е. реализацией ее устремленности к Богу. Возьмем одно, но главнейшее, требование к молитве как к подвигу воспитания веры: молитва должна быть уходом от земли к Богу, включением души в надземную сферу, в простор Духа.

Какая высь, братия! Чего же стоит наша обычная молитва, цепляющаяся за острия земных страстей и земных предметов? О, если б нам избежать греха молитвы! Если бы не нанести себе большого осуждения и не приглушить в себе веру. Убейтесь такого состояния и сделайте молитву тем, чем она должна быть — уходом к Богу.

Братия, Господь открыл нам полноту веры и путь к ней — молитва. Теперь перед вами не только цель, но и намечен путь к ней.

Начните с обнажения своего нищенства. Растрясите лохмотья души, прикрывающие ее наготу. Тогда молитесь о вере, как умолял о ней евангельский человек: «Господи! Укрой меня от моей нищеты; она, как невыносимое бремя, давит меня. Помоги, влей в меня веру, как огонь, истребляющий зло. Веру, как силу, открывающую Небо. Дай молитву как крылья, поднимающие туда...

Господи, дай мне прозреть, как слепым! Дарами благодати и милосердия восставь от расслабления, как ты поднял расслабленного. Могучей Рукой Своей удержи меня от новых погружений в бездну, как ты удержал апостола Петра.

И да не услышу я, Спаситель мой, слова негодования: «О род неверный и развращенный!.. доколе буду терпеть вас?» Пусть мне зазвучит голос любви Твоей: «Маловерный! Зачем сомневаешься и колеблешься? Вера — все спасение твое». Аминь.

Слово в 12-ю Неделю по Пятидесятнице

Возлюбленные братия! Сегодняшнее Евангелие уж очень значительно. Богатый юноша спрашивает Христа, что надо делать, чтобы спастись, и Господь ему отвечает, что надо. Значит, в сегодняшнем Евангелии затрагивается основной вопрос нашей жизни: как же надо жить?

Братия, разве для всех вас это не главный вопрос жизни? Сознательно живущие, конечно, знают, что это — первый и часто мучительный вопрос. И вот, Сам Господь открывает нам, как нам надо жить, чтобы оправдать жизнь, стать Божиими детьми и войти в Небесное Царство.

Со смиренным умом, с открытым сердцем, с ревностью к правде и жизни, подбежим ко Христу, припадем душою к Его стопам, как подбежал к Нему и пал на колени богатый юноша ([Мк.10:17](#)). И выслушаем Божественные слова. И пусть слова Бога останутся в нас словами жизни.

Господь указывает юноше два этапа жизни. Первый этап — исполнение заповедей: «Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди», — говорит Христос ([Мф.19:17](#)) и перечисляет заповеди закона: «Не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя» ([Мф.19:18-19](#)). Исполнение заповедей, конечно, приблизит к Богу, и об этом свидетельствует евангельский рассказ.

Когда юноша на призыв Христа соблюдать заповеди, ответил Ему: «Все это сохранил я от юности моей» ([Мф.19:20](#)), Господь, передает евангелист Марк, «взглянув на него, полюбил его» ([Мк.10:21](#)). Очевидно, исполнением закона юноша заслужил расположение Господа и даже вошел в любовь Его — Господь, «взглянув... полюбил его».

Но исполнение заповедей — не конец... Понимаете? Исполнение заповедей, даже исполнение всех заповедей — не конец. Не обольщайтесь! Даже если вы исполнили весь закон, — это не обеспечивает спасения. Господь ревнив, Его любовь требует большего. Вы, даже исполнив весь закон, в отношении к Господу еще не сыны, не дети; вы еще, может быть, рабы... Вот почему Господь сказал в другой раз: «Когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» ([Лк.17:10](#)).

Правда, в беседе с юношей Господь не сказал ему прямо, что, исполнив заповеди, он все же не войдет в Небесное Царство, но мысль о недостаточности одних заповедей выражена ясно. Христос определенно указывает юноше: «Еще одного недостает тебе» ([Лк.18:22](#)). «Недостает»... Чего «недостает»? Не очевидно ли, что недостает того, чтобы наследовать жизнь вечную, чем интересуется юноша и о чем он спрашивает. Следовательно, без этого «одного» наследование Божия Царства не обеспечено.

Впрочем, для требующих большего уверения мы приведем еще одно слово Христа, когда Господь высказался по тому же вопросу о значимости исполнения заповедей для наследования спасения. Это было, когда один законник, выслушав ответ Христа о любви к Богу и ближнему, как двух основных заповедей, на которых утверждается весь закон и пророки ([Мф.22:35-40](#)), с горячностью свидетельствовал, как хорош этот ответ Христа, и повторил, что «любить Его (Бога) всем сердцем, и всем умом, и всею душею, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесождений и жертв» ([Мк.12:32-33](#)).

Господь, видя эту стремительность и искренность души законника и даже, может быть, провидя его праведную жизнь по этим заповедям закона, не сказал ему однако: «Поступай так — и ты спасешься», а говорит другое: «Недалеко ты от Царствия Божия» ([Мк.12:34](#)), т.е. исполнением закона ты подошел к Божию Царству, и все же ты — вне его. Значит, для входа в

Царство надо пройти второй этап пути. Его указывает Господь в сегодняшней беседе с юношей.

Второй этап: «Пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» ([Мф.19:21](#)), «взяв крест» ([Мк.10:21](#)). Чтобы понять весь глубокий, исключительно значительный смысл этих слов, надо разобраться: в чем же сущность этого второго этапа пути ко Христу? Какую задачу ставит теперь Христос человеку, идущему к Нему? В чем должен быть центр всех устремлений человека?

Конечно, центральными в ответе Христа являются слова: «Будешь иметь сокровище на небесах». Ради этого и указывается: «Пойди, продай... раздай», дабы только через это иметь «сокровище на небесах».

Вот новая задача, которая ставится юноше и всякому последователю Господа — переместить свою устремленность, бросить заинтересованность одним, — бросить одни ценности и отдаться новым ценностям. Такими ценностями указывается Небо, Бог.

Господь требует, чтобы человеком была оставлена земная устремленность, связывающая человека, и чтобы центром всех стремлений человека стал Бог, Небо. Пусть будут брошены и будут забыты все сокровища, все привязанности земли, и лишь одно сокровище пусть теперь притягивает человека — Небо, Бог!

Так как у евангельского юноши была, очевидно, крепкая связь с земным сокровищем, его богатством, то Господь и повелевает ему: «Пойди, продай... раздай», т.е. оборви связи с землей, цепко держащие тебя за нее, и тогда перенесешь свою устремленность на небо.

Мысль Господа и Его требования понятны. Для большего уточнения надо добавить: само собой разумеется, что Господь, отвечая юноше, имеет в виду не только связи богатства, а любую связь с землей, цепляющую человека за землю. Перед Христом стоял человек, связанный богатством, и Господь говорит ему: отцепись от богатства! Стояли бы пред Ним люди, связанные любым увлечением, сделавшие из него ценность своей жизни, Господь и таковым бы сказал: оставьте земные цепи, имейте свое сокровище только на небесах...

Богатство — не исключение из всего земного. Зачем его делать исключением? Имущество само по себе — не зло, зло — цепи его. Господь именно так уточняет свою мысль о вреде богатства, когда ученикам, недоумевающим, почему же богатый не может спастись, поясняет: «Трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие» ([Мк.10:23](#)), т.е. Он указывает, что осуждает не богатство, а душевное состояние людей, связавших себя богатством. Богатство отрицается, когда оно делается целью, сковавшей душу.

Если злы цепи богатства, то одинаково злы цепи все, связывающие во всяком земном увлечении, в любой страсти и похоти, во всяком даже, казалось бы, безобидном увлечении — нарядами, обстановкой, лошадьми, собачками, театрами, концертами и пр. Любое сковывание души неправильною земною привязанностью, богатством или чем другим, становится злом, препятствующим спасению души. И не может потому богатство осуждаться, а прочие цепи оставаться, как законные.

Вот почему Господь сейчас же по уходе опечаленного юноши, когда стал определять, кто же из Его последователей будет с Ним и наследует Небесное Царство, называет не только оставивших богатство, свое имущество, свои дома, но также оставивших земли, братьев, сестер, отца, мать, жену, детей. «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» ([Мф.19:29](#)).

Не очевидно ли, что заповедуется оставлять не только дома и имущество, но оборвать все связи, связывавшие душу земным; не только греховные связи, но самые, казалось бы, естественные, природные: связи с родством и даже со своей семьей! Кто не порвет таких привязанностей, «тот недостоин Меня».

Невероятное требование! Сверхчеловеческое! Как понятно, что ученики «ужаснулись от слов Его» ([Мк.10:24](#)). Пусть ужаснется и наша душа, она замрет в трепете перед великостью Божьей задачи, возлагаемой на нас! Склоните до земли ваши головы и отдайте Христу ваши мысли и сердце...

Божие слово, как оно ни строго, как ни возвышенно-недоступно, останется одной истиной жизни. Смиренно подклоните ему ваши души и с силой любви примите его: только оно поправит жизнь и оправдает ее. Как же понять это Божие слово? Как понять это требование Господа?

Контекст беседы с юношей объясняет его. Если центром всех стремлений человека должно быть «сокровище на небесах», то всякие другие сокровища, отвлекающие от небесного, должны быть уничтожены. Пусть сами «сокровища», земные ценности не осуждаются: они безгрешны. Осуждается внутренняя спаянность с ними, когда эти «сокровища» — цепи, связывающие душу, — утверждались в жизни как ее обязательный идеал, за которым уже не видно ничего высшего и действительно ценного. Такова мысль Христа. Ею не отрицается ни богатство, ни какая-либо другая земная ценность, как не отрицается почитание отца, матери, связь с семьей, хотя и предлагается оставить отца, и жену, и детей.

Не мог же Христос противоречить Себе! Почитание отца и матери обязательно по прямому повелению Бога: «Чти отца твоего», и отношение к семье благословлено тем же Божиим законом. Не говорил ли Христос про Себя, что Он пришел «не нарушить закон, а исполнить»?

Значит, повелением «оставить» не отрицается ни брак, ни связь с женой и детьми, ни почитание отца, как не отрицается само по себе имущество и другая земная ценность, а осуждается такое отношение к домам, деньгам, имениям, землям, отцам, женам, детям, когда они стали самодовлеющей ценностью жизни, когда отношение к ним загородило в жизни Самого Бога, когда они уж так наполнили собой душу человека, что Бог остается в душе только как хороший придаток, а человек всецело живет своею привязанностью и ценностью, и она заполнила у него буквально все, все: мысли, чувства, волю; дни, ночи, месяцы, годы. Ею он живет, работает, вдохновляется, страдает, радуется.

Вот что осуждается и что надо оставить — «нового бога», образовавшегося в душе, спутанной цепями своей неправильной привязанности. При этом требовании Господа как же мыслятся отношения к земному? Человек, конечно, остается на земле и остается земным, весь в своих земных отношениях к отцу, семье, родным, нужным вещам, нужным заботам, отдыху, развлечениям. Совершенно естественно для человека иметь тесную связь с людьми, особенно своими. Естественно чтить отца, мать, любить жену, детей, и совершенно естественно иметь деньги и заботиться о вещах: о квартире, о пище, об одежде. Все это неминуемо нужно, и нет греха иметь все это.

И совершенно естественно для человека заботиться о своих душевных потребностях и дать пищу своим душевным силам в хорошей книге, музыке, хорошем театре. Пусть даже будет у человека своя земная устремленность: любовь ли к другому, увлечение ли трудом или увлечение искусством, книгой, наукой, общественной деятельностью — все это допустимо и совсем не отрицается Господом. Но все это не должно заменить в душе Бога. Пусть Господь и следование за Ним останутся одной единственной и всепоглощающей целью жизни, а все другое, все земное подчинится одному началу жизни, каким должен быть и пусть будет только Бог.

В отношении этого одного начала жизни и одной цели пусть все другое имеет только подчиненную, служебную роль, т.е. все человеческие привязанности, стремления, интересы, занятия, — все они будут не целью жизни сами по себе, а только средством, орудием — в них и через них исполнить Божью волю о жизни, оправдать жизнь, прийти к Богу и стать Его

истинным сыном. Тогда завершится второй этап пути к Богу. Человек станет «своим» Богу. «А тем, которые приняли Его,... дал власть быть чадами Божиими» ([Ин.1:12](#)). Стать «сыном Божиим» по благодати — разве это не светлый венец жизни? Достойный конец достойного пути!

Братия, вы, быть может, в смущении искренней растерянности. Господи, да как же приступить к такому пути и как совершить его? Это же путь отречения от вещей ради Тебя. Очень слаб человек и ничтожны его душевные силы. И очень он обмотался вещами и интересами земли и запутался в них. Как ему выйти из круга вещей и жить не земным, а только Тобою, наш Господь?

Да, да, путь строг и ответственен! Не будем обольщать себя — только таков путь к Богу.

Апостолы, когда им открылся смысл слов Христа, были в полной растерянности и полном недоумении. Евангелист не скрывает их человеческих чувств: «Они же чрезвычайно изумлялись», — говорит он ([Мк.10:26](#)), т.е. их изумление, о котором он сказал раньше, теперь достигло крайнего предела. Растерянные ученики, пораженные строгостью требования, недоуменно смотрели друг на друга и только говорили — не Учителю говорили (не решались сказать), а друг другу: «Кто же может спастись?» ([Мк.10:26](#)). И Господь не делает уступки, не указывает какой-нибудь обходной путь, житейский компромисс, возможность половинчатого служения Ему или земле и вещам. Он оставляет в неприкосновенности Свою непреложную истину, беспощадную для учеников, подчеркивает ее жизненную суровость: «Человекам это невозможно» ([Мф.19:26](#)). Для человека, опутанного земным, невозможно порвать с земным и уйти к Богу. Невозможно!

Сказавши это суровое слово, Господь сейчас же утверждает непреложность Своей истины, дополняет ее тут же другим, небесным словом: человек не сам спасает себя, его спасает Бог, Божья сила — «все возможно Богу» ([Мк.10:27](#)).

Братия, это и для нас последнее слово, руководственное и вместе утешительное. Не мы сами спасем себя и приведем свои души ко Христу. Только тогда возможно возрождение бедного человека и поднятие его до Божества, когда ты, человек, признаешь свое ничтожество, отречешься от иллюзорной ценности земли и отдашь Богу. Он спасет! Преклонитесь же до земли Божьей истине, преклоните умы, отдайте ей сердца, не сейчас только, в этот миг. Сохраните ее в себе вечным словом жизни!

И идите к спасению, отдайтесь Богу! Аминь.

Братия, сегодня — притча «о званых». Это глубоко назидательное иносказание о царе, который приготовил брачный пир для своего сына и пригласил на него своих подданных. Когда они не пришли, царь повелел наполнить вечерю всякими людьми, собранными с дорог и распутий. Царь открыл вечерю, сказав о приглашенных: «Званые не были достойны... много званых, а мало избранных» ([Мф.22:2-14](#)).

Первые стихи этой притчи — как дивная поэма любви Бога к людям; последние же ее стихи — жестокая проза о человеческой ограниченности и неблагодарности. Раскроем же эту поэму любви, не встретившей отклика.

Царь неба и земли, Бог и Отец Небесный приготовил пиршество по случаю брака Сына Своего. Брак Божия Сына есть венчание Его с Невестой — Церковью, совершаемое ради спасения Вселенной ([Откр.19:7](#)).

Так, в творчестве Бога Отца спасение человечества является великим радостным делом, как бы браком Его Сына.

Конечно, по поводу такой исключительной радости готовится исключительное торжество. Какое же пиршество может быть пышнее брачного? Не оно ли самое светлое, самое обильное, полное блеска и радости?

Если светло и обильно брачное торжество каждого человека, то торжество царского брака — блистательно.

Отец и Царь, в распоряжении которого постоянно имеются все блага, готовится к нему: из лучшего выбирается лучшее, из изысканного самое изысканное. Все подготавливается к торжественной вечере. «Тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово» ([Мф.22:4](#)).

В трапезе любви Бога и людей это уготованное пиршество есть пиршество спасенных, пиршество радующегося Отца, торжествующего Спасителя-Сына и в общении с Ними торжество всех, просвещенных Святым Духом. Что может быть блистательней этого торжества?

Его видел и описал тайнозритель святой Иоанн Богослов: «Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними... И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло... Побеждающий (он же званный и избранный) наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном» ([Откр.21:3-4,7](#)).

Может ли быть что-нибудь упоительнее этой брачной вечери любви, приготовленной Отцом и Владыкой? Полнота ее сладости еще не открыта бедному взору и слабому языку человеческому: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 [Кор.2:9](#)).

Такова вечеря любви Бога! Не о ней ли должно мечтать всякое христианское сердце? Не ради ли нее берутся кресты и несутся все прискорбности жизни? Не она ли услаждает земные слезы и делает легкими все боренья? Она, она, эта небесная вечеря Божией любви!

На эту вечерю, устроенную с неповторимой царской пышностью, на это торжество недоступно заманчивого мира Царя Небес, зовутся люди. Самые обыкновенные люди, земные, слабенькие и чаще — нехорошо слабенькие. Как же ответят люди на зов любви Бога?

Если человек получает приглашение на обед к лицу вышестоящему, то он, конечно, безоговорочно принимает это приглашение, благодарит, признавая для себя за честь быть на этом обеде, и со всем вниманием готовится к предстоящему торжеству! По этой земной аналогии единственный возможный ответ на зов любви, казалось бы, ясен. Зовет Царь царей, Творец-Вседержитель и Отец жизни. Зовет не для того, чтобы повеличаться, а по любви. Зовет не зависимых от Него подчиненных, а любимых детей, и зовет не к сладостным блюдам, а к

вкушению сладости вечности.

Казалось бы, какой же может быть иной ответ, как не тот, что дается по аналогии земного порядка? Не тут-то было!

Удивительно странно распоряжается человеком его греховная ограниченность. В вопросах материальной жизни человек разбирается в своей выгоде и всегда старается достичь ее, а в области нравственного порядка, когда нравственная выгода открыта ему со всей наглядностью, поступки человека чаще всего противоположны его очевидным интересам и чаще всего вредят ему.

Так и в данном случае. Заинтересованность человека, или, грубо говоря, его выгода последовать зову Божией любви — непререкаема. В условиях земных поступков человек и не задумался бы принять приглашение. А в зове Бога не тут-то было! Ответ получен и до сих пор получается один и тот же: «И не хотели прийти». Лаконичны слова Евангелия. И сколько за ними горькой житейской правды. Бог избрал. Бог уготовал лучшее и блистательное. Бог зовет и собирает, как Отец, детей ради их же счастья и блаженства. Собирает от горечи жизни, а ответ дается все тот же. Ответ ограниченности и греха: «И не хотели прийти».

Поэма любви Бога не кончается этим неразумным отказом любимых. Бог, как верный Себе и совершенный в любви, не прекращает зова и при явно неразумном отказе. По притче о званых, царь опять послал других рабов с повторным зовом. Теперь уже не приглашения рассылает царь; он уже просит, убеждает прийти и насладиться его торжеством.

Как любовь не считается с размолвками и забывает обиды, так и царь в своей любви не считает отказ оскорблением. Для любящего одна цель — благо любимого, и царь ради этого блага любимых убеждает их прийти: «Вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово: приходите на брачный пир». Неустанно идет этот Божий зов как просьба к душе человека: идите, приходите, вам уготовано все идеально лучшее, о чем ваш ум не может и помыслить, идите от скорбности ограниченной жизни греха. Идите!

Так, при всем неразумении человека, при всех уходах его от Бога, продолжается зов Божьей любви. Он идет всякими путями, всякими средствами воздействия на душу. Однако человек в своей ограниченности и неразумении самостен и потому упорен. Опять остаются без отклика повторные зовы любви, и горькой правдой продолжает звучать Божие слово: «И не хотели прийти».

Дальше притча переходит к обрисовке человеческого неразумения. Она указывает причину, почему званые не пошли на царскую вечерю. Может быть, их отказ был вызван, действительно, очень вескими причинами? Притча говорит, что нет, конечно, никакого всерьез извинительного мотива отказа. Причина одна, уже названная нами — человеческое греховное неразумение: «Но они (званые), пренебрегши то (приглашение), пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою» ([Мф.22:5](#)).

Евангелист Лука добавляет еще некоторые бытовые подробности: «И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю, и мне нужно пойти посмотреть ее... Другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их... Третий сказал: я женился и потому не могу прийти» ([Лк. 14:18-20](#)). Такова ужасающая иллюстрация человеческого греховного неразумения!

Человеку надо сделать выбор между великим и ничтожным, между высоким торжеством и нудным копошеньем, между праздником и буднями, между небом и землей. Кажется, без колебаний бери лучшее! Человек, однако, в делах души не делает правильного выбора, даже тогда, когда он очевиден и совершенно очевидно для него выгоден. Человека тянет на худшее.

Так и в притче. Званным предлагается праздник, торжество, они же выбирают будни и хлопоты. Их зовут в свет, они же остаются в тусклости каждого дня. Им предлагают убранные

чертоги, их же тянет в грязную землю. Их зовут к радости и блаженству, они же предпочитают житейскую возню и удовольствие приобретений. Перед ними разворачивается необъятность духа, их же поглощают заботы о земном и животном. Перед ними открытое Небо, их же не оторвать от земли. Станные, бедные люди! Ложные мысли, узкие взгляды, ничтожные желания, испорченные вкусы... И это — званые! К ним обращена любовь, помогающая отклика, любовь всепокрывающая, всепрощающая, ничего не видящая, кроме искомой цели.

Отвертываются «маленькие» званые и на призыв Бога к Свету, к чистой радости, к блаженству. Они с непостижимым упорством тянут свое скучное: «Я купил землю... я иду приобретать». Непрерывной чередой идет все то же копошенье в земле и верченье у приобретений. С настойчивостью узких упрямец суетятся люди около своей добычи, своих волов, и не оторвать их от земли и навоза. Удивительная верность грязи и нудным заботам! И так кругом, и так всегда, и не нужно деталей.

Только слепой не видит узости нудных забот о земном, которые предпочитаются небесным радостям. Это все слишком броско, хоть и прикрывается оправданьем: «А как же иначе? Ведь этого требует жизнь»... О, эта засасывающая жизнь, истребляющая в душе свет и самый разум!

Так отвергается Божие призвание, и человек замыкается в своей земле. Истинно, человек есть земля, и как упорно он вязнет во всем земном! Но человеческое существо — не только земля; в нем есть и отблеск Божественного Духа — живая душа, отчего исключительная привязанность человека к земле есть ненормальность, извращение его природы, и это не может пройти безнаказанным.

Притча раскрывает эти последствия. Их два: истребление душою в себе Бога, а второе — снятие с души Божьего покровительства и в результате — ее гибель. Оба последствия притча рисует очень образно: «Прочие же, схватив рабов его (царя), оскорбили и убили их». Краткими словами «оскорбили и убили» обозначается большой процесс ожесточения души, отвергающей зовы Бога. Этот процесс заканчивается полным отмежеванием души от всего Божия и как бы убийством в себе Бога.

Наступает односторонность жизни души — ложной жизни во зле и грехе. Истребляются человеческие души, отвернувшиеся от Бога. Это — обычная картина человечества. Оспаривать ее — оспаривать очевидность.

Вслед за этим приходит и второе следствие отвержения Бога — снятие с души Божия покровительства и гибель души. Об том притча рассказывает опять-таки образно: «Услышав о сем (об убийстве своих слуг), царь разгневался, и, послав войска Свои, истребил убийц оных и сжег город их» ([Мф.22:7](#)). Этот рассказ говорит нам о том, что Господь разгневался на человеческую ожесточенность, отвергнувшую Его любовь и Его бесконечные зовы.

Гнев Бога есть естественное следствие человеческого неразумения и злой воли. Если отвергнуты все бесконечные призывы Бога, то что же Ему остается, как не отказаться от человека, уйти от его души, предоставив ее самой себе. Этот момент Божия действия обозначен словами: «Сжег город их». Господь уничтожает ограждение души, окончательно отвернувшейся от Него. Он снимает Свое покровительство и предоставляет душу самой себе, и душа, лишенная Божией защиты, как ветка, оторванная от своего корня и питания, обрекается на быструю гибель.

«Сжег город их», «истребил убийц оных». Так и должно быть. Зло по своей природе есть отрицание жизни, ее разрушение и истребление. И когда с души снята Божия защита, тогда господство зла закончится истреблением души, ее смертью. Неразумная, греховная жизнь накладывает тень на поэтическую картину помогающей Божией любви, и несоответствие неотступности Божия зова человеческому к нему пренебрежению становится еще разительнее. Беспредельна Божия любовь, и нет также предела человеческой черной неблагодарности!

И справедливо возмездие: «И как они (люди) не заботились иметь Бога в разуме (не позаботились откликнуться на вечерю любви, чтоб быть с Богом), то предал их Бог превратному уму делать непотребства» ([Рим.1:28](#)). Предоставил им Бог копошиться в земле и оставил им дела, от которых им не оторваться, а делающие «такие дела достойны смерти» ([Рим.1:32](#)). И достойно приходит смерть!

«Ибо живущие по плоти о плотском помышляют... Помышления плотские суть смерть... потому что плотские помышления суть вражда против Бога, ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут» ([Рим.8:5-8](#)). «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление» ([Гал.6:8](#)).

Сладкая речь о любви закончилась горечью — человек до бился того, что закрыл для себя Свет и Божию любовь, прикончил праздник, затушил огни Неба и остался со своей землей и волами. Этот грустный конец и об нас! Разве вы не знаете, что и вы каждый день делаете этот выбор, как и званые притчи? Разве вы не видите, что и перед вами каждый день — свет и тьма, праздник и будни, свобода и плен, лазурь неба и чернота земли? Подумайте же, что выберете вы?

Может, и вы, пренебрегши возвышенным зовом, предпочтет ему зов тела и страстей? Не избрали ли вы участь остаться (земной добычей, пренебрегая нужным и ценнейшим? Не окажется ли, что у вас и земля, и волы, и добыча заслонили все, и вы безрассудно откидываете Бога и с упрямством маленьких слепых кротов толчетесь у своих нор, не видя ничего другого. Пусть же нас охватит стыд! Хоть остатки чисто земного стыда за свою ограниченность и уродство искаженной природы, тянущей нас в землю и в нечисть.

Тогда с омерзением осудите себя и вздохните о Божьих чертогах, о пире любви, о свете и радости, о чистоте и блаженстве. И вспомните, что зов любви идет и теперь, и теперь вас ждет милосердие Отца: идите, чертоги открыты и все уже готово, трапеза обильна и сладость ее неизменна. Вы поспешите на зов любви! Сделайте, наконец, выбор, достойный призывающего вас Бога и не постыдный для вас самих! Торопитесь делать выбор, пока еще говорит в вас совесть, и вы различаете свет и тьму, добро и зло. Торопитесь обеспечить себе место на вечере Бога!

И когда настанет час, вы насладитесь сладостью блаженной вечности в единстве любящего и радующегося Отца, торжествующего Сына и всенаполняющего Духа Святого на бесконечные веки веков. Аминь.

Слово в 16-ю Неделю по Пятидесятнице

Братия! Притчи Господа раскрывают путь в Божественное Царство. Раскрывая путь, некоторые из них затрагивают какую-нибудь одну сторону этого пути, другие же охватывают весь путь человеческой жизни, ведущий к тому же Царству Небесному. К последним притчам относится и сегодняшняя притча о талантах.

Это — редкое иносказание по широте мысли. Оно определяет основу, на которой должна быть построена человеческая жизнь, если она хочет достигнуть вечного царства. Братия! Усугубите свое внимание и проверьте себя: правильно ли у вас идет построение жизни для достижения блаженной вечности?

Содержание притчи вам хорошо известно. «Человек... призвал рабов своих и поручил им имение свое», — начинает свой рассказ Евангелие ([Мф.25:14](#)).

Господь наделяет людей Своих — Он раздает им «имение Свое». «Имение», раздаваемое Богом, есть дары Бога. Это — дары Божественного Духа, и на человеке, одаряемом этими дарами, отображается Божественный образ. Ведь человек создан по образу Божию, и человеческая душа поэтому отображает Божественные черты.

Эти черты — как разбрызганные по всей вселенной блики Божественного естества. В каждой отдельной душе они отражают тот же сверкающий луч Божества, в призме которого видны черты Божественного Духа. Черты Божественного Духа, отраженные в человеческой душе, мы и называем способностями души. Это и есть «таланты» притчи. При этом Бог оделяет души своими дарами, т.е. способностями души, по силе душ.

Притча далее рассказывает: «И одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе» ([Мф.25:15](#)). Наделение души талантами по ее силе означает, что Господь по Своему предвидению дает душе такое количество даров, какое она при нормальном развитии может вместить, т.е. выявить, осуществить.

При таком одаривании Господь руководствуется любовью ко всем разумным тварям. В разнообразии наделения вовсе не выражается предпочтение одних другим, а одинаковость снисхождения любви. Всякий получает максимум того, что он окажется способным выявить. Здесь нет несправедливости и неравенства наделяемых. Их неравенство только кажущееся и внешнее: один получает два, а другой — пять талантов. Так как таланты даются «по силе», то каждый имеет для себя максимум — всю полноту наделения дарований, т.е., переводя на язык обыденной жизни, каждый имеет всю полноту своего счастья и полноту довольства жизнью.

Итак, распределение Богом «Своего имения», или Божественных даров, или способностей души, происходит в пределах их возможной реализации человеком. Отсюда ясна задача человеческой жизни — свободное раскрытие всех сил духа, чтобы полнее и ярче выявить в себе отблеск Божественного естества и тем обеспечить душе ее влитие в Божественное. Чем полнее душа раскроет свои силы и способности, тем будет больше гарантия ее влития в Божественное. Идеальным раскрытием души будет такое ее состояние, когда все ее силы получат полное развитие, когда раскрытое душой будет равно заложенному.

Притча указывает на этот идеал, когда «получивший пять талантов... приобрел другие пять талантов... так же и получивший; два таланта приобрел другие два» ([Мф.25:16-17](#)).

Божий дар, или «таланты», в человеке остаются всегда самодовлеющими, но сам человек, свободно раскрывая свою личность по Божественному образу, может и должен приумножить данные ему таланты. При этом идеальное приумножение талантов будет только в пределах заложенного Богом — не больше, не меньше — ибо приобретение есть только выявление заложенного Богом. Человек не может стать выше Творящего Бога и создать больше того, что

дано в Его творческом акте.

Вот, братия, как должна душа растить свои таланты для влития в Божественную стихию. В этом и заключается смысл и завершение человеческой жизни. В этом — предел человеческих исканий и полнота человеческого счастья — блаженства.

Теперь обратимся к нашей грустной земле. Что делается здесь? Как раскрываются Божии дары и как приумножаются данные Богом таланты? Разве не один ответ на эти вопросы: «Горе нам... Горе нам... Горе нам!»

Все извращено, все перетасовано до неузнаваемости, забыто и брошено Божие! Свои цели, свои пути... Кто помнит о Божиих талантах? Где возвращение их? Вместо торжества вечного идет жалкая гонка за пустым и обманным, и банкротством иллюзий кончается жизнь!

Первая и коренная ошибка нашей жизни в том, что человек отрывает свою душу и жизнь от своего центра и источника сил — от Бога. Человеческая душа питается Божиим «имением», и поэтому все корни жизни души уходят в Бога. Однако, по греховной самости, человек сделал самого себя центром жизни, и в человеческом понятии жизнь стала только — «моя», душа — «моя», силы и способности души — «мои». Полное кружение самости! Жизнь кружится вокруг ложной оси, становится абсурдной и кончается кошмаром.

За этой роковой ошибкой, как ее логическое следствие, приходит и вторая. Раз были оборваны нити, связующие с Богом, то сейчас же была извращена задача жизни. Не только извращена, но и брошено выявление Божественного образа в раскрытии сил души.

Мысль о Божественном образе человеческой души стала теперь чем-то совсем отвлеченным. Никто не реализует ее практически. Кто думает об этом? Поищите. Трудная задача. При самостном верчении жизни «все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу» ([Флп.2:21](#)).

За второй ошибкой жизни, когда поставлены ложные цели жизни, тянется и третья. Извращение жизненной задачи ведет «а собой извращение самого наполнения жизни. Если задача жизни — выявление Божественного образа, то жизнь должна наполняться заботой о душе, о ее правильном развитии и избежании ее порчи. А когда задачей жизни ставится получше обставить свою жизнь, тогда центр усилий перемещается с забот «о себе», т.е. о своем внутреннем, о душе, на заботы «для себя», т.е. заботы о внешнем.

Разве в воспитании детей ставится задача формирования души, воспитания личности в ее Богоуподоблении, в сознании ответственности жизни пред всемогущим Творцом? Нисколько. Ставится задача (чаще вовсе никакой задачи не ставится) лишь «в люди вывести», а для этого развить в ребенке соответствующие способности. Ребенка готовят «на инженера», «на доктора», «на агронома», но не «на человека».

В жизни уже взрослых людей разве преследуются цели роста души и выявления в ней Божия образа? Разве все устремления жизни не направлены на внешнее: «пробить дорогу», «завоевать положение», «обеспечит и обставить себя» и т.д. Конечно, так! Вся жизнь в этом! На это, казалось бы, толкает беспощадная логика жизни. Развиваются, если так можно выразиться, прикладные способности души, нужные для внешней жизни, а самая основа души глохнет, парализуется и искажается.

И, наконец, совершается последняя ошибка человека, как результат ложного наполнения жизни. Это — жизненная однобокость. Развивается лишь одна из сторон жизни души и нет полноты ее расцвета.

В душе культивируется ориентировка на земное: знание вещи, погоня за вещью, удовлетворение чувственно-приятного, ловкость житейского жонглирования вещами и прочие качества человека, устраивающего свою жизнь. Никому даже в голову не приходит привить душе жажду истины, порыв в свет, поиски правды, радости чистоты души, силу ответственности

и долга, остро-чуткую совесть и длинный ряд перлов здоровой души, таких как мягкость, ласковость, чуткость, нежность, скромность, верность.

Где они? Кто растит и поливает их? Где души, сияющие их многогранным блеском? Нет их, нет их! Души загнаны в круг вещей и стремятся к их обладанию. Сами души овеществились и стали частью вещи. И вне вещей вы не ищите души. Ничего не найдете! Жалкая метаморфоза!

Создалась однобокость душ: эгоистично-вещно-узких, грубо-расчетливых, грязно-чувственных и до ужаса тупых, ограниченных, пляшущих свою пляску услаждения вещью и не видящих за ней ровно ничего.

То же и в жизни в целом. И здесь поглощение вещами! Эта однобокость так разительна, что вне практики жизни и, значит, вне вещи, люди не представляют себе жизни вообще. Дело доходит до того, что всякая попытка отказаться от наполнения жизни вещами объявляется манией, кликушеством и т.п. Отсюда — узость жизни, вихлянье ее по узкой стежке вещизма: «Мое, мне, для меня!» Все это приводит к полному искажению души, сбившейся с широкого, светлого пути.

Братия, таковы основные ошибки человеческой жизни. Если мы оценим их с точки зрения притчи о талантах, с точки зрения выявления в душе Божественного образа, то разве не вырвется у нас вздох скорби, как и ранее: «Горе нам... Горе нам... Горе нам!» Все у нас извращено; Божие забыто и брошено!

Божии таланты... Какие Божии таланты? Кто думает о них? Кто их возвращает и приумножает? Кто помнит об ответственности жизни пред Домовладькой? Кто собирается к ответу? Кто подсчитывает, как идет его жизненная «купля» и наращивается ли богатство души, которое неминуемо надо будет отдать по принадлежности? Горе нам... Горе нам!

А приговор нам готов. Он уже произнесен: «Возьмите у него талант... у неимеющего отнимется и то, что имеет. А негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» ([Мф.25:28-30](#)).

Приговор входит в силу. «Возьмите у него талант... у неимеющего отнимется и то, что имеет...» Так отнимаются у нас Дары Духа. Человек затмевает в себе образ Бога, лишается Его силы, и жизнь обрекается на жалкое нищенство.

Приговор входит в силу. Разве души, лишённые даров Духа, не нищи, не оголены? Разве они не трепыхаются в безрадостной пустоте? «У неимеющего отнимается...». Лишённый талантов — даров Духа — скользит вниз, в самоуничтожение. Это — факт жизни! Это — исполнение приговора!

И вторая часть его: «Негодного раба выбросьте во тьму внешнюю...» Ее исполнение наступает теперь, и с трепетом ощущается ее завершение. Души, лишённые даров Света и окутанные стихией тьмы, уже и теперь не имеют внутреннего светлого довольства. Вечно тревожные, ищущие непрерывного внешнего движения, чередования впечатлений, в ненасытной погоне за удовлетворением своих желаний, они уже, как обреченные, остаются в какой-то внутренней бездомности, оголенности, оторванности от фундамента жизни, и крыло тьмы набрасывает на них свою тень. Вот почему эти души лишены радости, и печать опустошенности ложится на них как клеймо тьмы.

Лучшие из этих душ видят надвигающееся на них царство тьмы, свою невозможность слиться со Светом, и холод отчаяния леденит их. Отсюда — жалобы на неподготовленность к смерти. Они есть признание того, что жизнь прошла в иной стихии, чуждой Божия Света. Что же готовится душе? Конечно, тьма, рабству которой была отдана жизнь. Предощущается справедливый приговор: «А негодного раба выбросьте во тьму внешнюю». Так завершается ниспровержение Божия закона!

Братия! Вот как значительна притча о талантах. Она — программа жизни. Хочешь полноты

жизни, хочешь внутреннего довольства и радости? Хочешь быть в радостной вечности? Так не отрывай своей жизни от ее источника — Бога. Приими от Него таланты — Божии дары! Выяви и усугубь их своим возделыванием! Раскрывай и упрочивай в себе Божеское!

Если же ты забыл об ответственности и о назначении твоём в жизни, если ты топчешь свою самостную тропку, и доволен, что ты сам — строитель своей жизни, так сам и расплачивайся за это греховное искривление. Расплата горька: «плач и скрежет зубов» в темной вечности. Убойтесь же, братия! Бросьте кривые пути! Они бесплодны, ведут к смерти, в вечную тьму.

Возделывайте душу! Растите таланты! Откройте в себе Божий образ! Умножайте таланты! И когда придет час правосудия и откроются двери блаженной вечности, вы услышите голос Домовладыки: «...Рабе благий и верный!.. Вниди в радость Господа твоего...» ([Мф.25:21](#)). Стремитесь же! Войдите! Аминь.

Слово в 17-ю Неделю по Пятидесятнице

Возлюбленные, сегодня нас учит язычница-хананеянка, которая просит Христа о своей больной дочери. Рассказ о ней вы только что выслушали ([Мф.15:22-28](#)). Он — укор для нас, и Церковь обращает его к нам как последний предел Божия милосердия.

Господь зовет вас в жизнь вечную Своим словом, Своими великими делами. Неужели вы все еще глухи? Неужели все еще бесчувственны? Так посмотрите на язычницу, посмотрите и устыдитесь. За себя устыдитесь.

Растолкаем же свое холодное сердце, хоть стыдом растолкаем! Язычница учит, она опережает нас. Мы же сползли к уровню язычников. Это — горькая правда! Есть ли у нас живая вера во Христа? Нет. Дела по Христе есть у нас? Нет. Исправление, очищение жизни Христом? Нет. Ревность броситься за Христом и быть с Ним навеки есть ли в нас? Нет.

Какие же мы тогда Христовы? Язычники? Конечно, язычники! Да еще как бы нам не оказаться ниже и хуже язычников. Как же нам не стыдиться и не учиться у хананеянки?

Разберите, как мыслит хананеянка и что она делает. У хананеянки, как у язычницы, были свои боги и был свой путь жизни, как у людей бывают свои боги и свои обманные пути жизни. Когда же хананеянка столкнулась воочию с силами зла («дочь беснуется») и когда убедилась в бессилии своего прежнего пути, она становится на путь Христа и идет по нему. Вот первый укор язычницы!

В нашей жизни разве нет разгула зла? И разве не обанкротились все наши обманные пути? А кто из нас ищет выхода? Кто жаждет Бога? Единицы. Масса крутится в своей бестолочи; иногда вздыхает и охает, а нет, чтобы вырваться из неправды и опереться на Бога.

Хананеянка сознает свое бессилие, ищет Бога и идет к Нему. Как идет? Она прежде всего просит о милости: «Помилуй, меня, Господи, Сын Давидов!» ([Мф.15:22](#)) Она не просит: сделай, дай, исполни, а просит: «Помилуй меня», меня помилуй...

Очевидно, у женщины на первом месте сознание, как она далека от Бога, как ничтожна, как ничем она не заслужила Божиего отклика, как не способна принять Его дары. Она сознает, как велика пропасть между Богом и ее заблудившейся жизнью. Поэтому первая просьба о себе: «Помилуй меня», меня помилуй...

Не вмени моей неправды, не отвернись от меня из-за моей греховности и помилуй, помилуй. Значит, первая забота хананеянки — осудить себя и тем приблизить к себе Бога, чтобы получить Его милость. Только после этого она просит о дочери: «Дочь моя жестоко беснуется». Вот каково было настроение хананеянки при обращении ее к Богу!

Есть ли у нас такая настроенность? Есть ли у нас чувства ничтожности своей и недостойности перед Богом? Есть ли у нас стремление убежать от своей смрадности, осудить ее и лишь тогда взывать о Божией помощи, когда убрана преграда, отделяющая душу от Бога?

Такого сознания и настроения у нас, конечно, нет. У нас на первое место выдвигается: дай, сделай, помоги, устрой, освободи, сохрани! Это — наши основные моления. Забота о своей негодности стоит среди них особняком и выдвигается (да не формально ли только?) лишь в особые моменты церковного покаяния. Таков второй укор язычницы.

Осудив себя и моля о помиловании, хананеянка пошла за Христом. Евангельская история знает много примеров следования за Христом. Таковы апостолы, слепой, расслабленный... Но рассказ о следовании за Христом хананеянки оставляет далеко позади все эти примеры.

Евангелист сжато и ярко передает этот эпизод. Покорная силе неудержимой веры, хананеянка влечется к своему Спасителю — она презрела все, стала вне себя; она вся — в порыве к Богу, весь пульс ее жизни затрепетал в этом порыве. Она «кричала Ему», кратко

описывает Евангелие. Кричала, не говорила, не шептала, не тихо взывала, умоляя. Она во весь голос кричала: «Помилуй!» Это — верх подъема души, захваченной верой, когда душа уже пренебрегает рамками обычного и принятого.

Женщина идет за Христом и кричит как исступленная. Этот крик сердца продолжается не мгновение, не минуту; он был, очевидно, непрестанным. Идет и кричит, идет и кричит! Этого крика не ослабляет и этого порыва не снижает полное молчание Бога. Как будто Бога и нет, или как будто Он ничего и не слышит.

«Но Он не отвечал ей ни слова» ([Мф.15:23](#)). Бог не отвечает. Как будто Его нет, а она идет и кричит. Идет и кричит. Так настойчив, так неослабевающ был этот крик, что наконец ученики Христа не выдержали и, обычно покорные Учителю, они на этот раз вмешиваются в поведение Бога и вступаются за женщину. «И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами».

Вот, значит, насколько силен и настойчив был ее крик, что он покорил даже сторонние человеческие сердца. «Отпусти ее», — без устали кричит она и не отстает, потому что «идет и кричит за нами». И она добьется своего своей неотступностью. Ученики были уверены, что она добьется у милосердного Бога, потому и просят только об ускорении милости: «Отпусти», сейчас отпусти. Рассказывал же Сам Учитель, что даже неправедный судья исполнил просьбу бедной вдовы, неотступно просившей о защите ([Лк.18:1-8](#)).

Вот какой силы был крик и какой устремленности был порыв души, что они склоняли к кричащей даже человеческое сердце и как бы вынуждали Бога откликнуться. Это третий укор хананеянки: сила и постоянство ее обращенности к Богу.

В силе устремления к Богу эта язычница не выше ли нас? Разве нашим измятым душам по плечу такой неудержимый порыв, и разве они, будучи расслабленными, знают такую устремленность? Нет и нет! Мы способны лишь на короткую вспышку порыва, и нам посильна только мгновенная обращенность к Богу. Нам не выдержать долгого и тем более постоянного отрыва от земли, и полный уход сердца к Богу нам недоступен.

Поэтому мы так малодушны, что если Бог не отвечает сразу на нашу просьбу, мы уже в смятении и унынии, и поползут и расслабление, и ожесточение, и чуть ли не укоры Богу. Рассудите сами, где же нам, в своей бедности, меряться с силой души хананеянки? Но и этим третьим укором еще не кончается пристыжение нас язычницей.

Дальнейшее поведение женщины обнаруживает едва ли не самое покоряющее во всем рассказе. Женщина выявляет главную черту своей веры — смирение. Смирение — неотрывная часть истинной веры. Вера есть отказ от опоры на себя. Как же отказаться от себя, если не смиренным сознанием, что ты — ничто — и можешь спастись только зачеркнув себя?

Однако далеко не всякая христианская душа способна на такое смирение веры, которое проявила хананеянка. И снова наставляет она нас.

Ученики Господа своей просьбой о женщине задержали Христа. В это время подошла сама кричащая и продолжала просить: «Господи! Помоги мне» ([Мф.15:25](#)). Христос только что объяснил ученикам, почему крики женщины остаются как бы вне Его внимания. Он объяснил ученикам, что его миссия предназначена для евреев: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева». В согласии со Своей миссией Христос отвечает отказом: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Миссия Господа — забота об избранном народе, и не будет ли отвлечение Его на другое отнятием хлеба у детей?

Итак, Господь сначала молчит, как бы не достаивая Своим вниманием хананеянку, а потом, когда за нее вступаются ученики, Христос отвечает ей, но отвечает полным отказом. Отказ, казалось бы, исключал всякую надежду на исполнение просьбы: кто же отнимет хлеб у детей? После этого отказа женщина не только не оставляет Бога, но проявляет такую силу веры

и при вере — такую силу смирения, что как бы обезоруживает Бога, и Он изменяет свое решение, подавая ей просимое.

Отказ был решительным, и он был облечен в обидную форму: просящая женщина уподобилась псам, которых не сажают за стол питаться наравне с детьми. Однако в женщине нет и тени обиды, недовольства или упадка устремленности и отхода от Бога. В ней — прежняя вера, упорная и непоколебимая. Эта вера, расцвеченная безграничным смирением, принимает ответ Господа как Божественную справедливость и, конечно, от всей души подчиняется Ему.

«Так, Господи, — говорит женщина, исповедуя мудрость и справедливость Божией воли. — Да, Господи, Ты пришел ради избранных детей и Твоя сила изливается на них, а я не принадлежу к детям и я не смею думать о Твоем покровительстве в меру детей. Я, недостойная, истинно, как пес хочу ползать у Твоих ног».

Опять слышится неослабевающая молитва веры, и на этот раз она усиливается дерзновением смирения: «Так, Господи, я, как ползающий пес, недостойна полноты Твоей милости, того, что Ты изливаешь детям, но вот когда питаются дети, от них падают крошки, и псы под столом подбирают их». «И псы едят крохи, которые падают со стола господ их» ([Мф.15:27](#)).

«Господи! Вот я, как пес, тянусь за этими крошками. Дети не будут обижены, а мне будет довольно хоть крошки Твоей любви. Как пес, я ползаю у ног Твоих и не мечтаю и не прошу пищи детей. Дай мне подобрать малую крошку, которая скатится со стола! Не прогоняют же псов, подбирающих крохи, а я верю, что и крошка Твоей любви и силы вернет к жизни мою дочь». Такова исключительная сила ее веры и смирения в вере. Мы не найдем в Евангелии рассказа о вере большей силы.

Эта смиренная вера и заставляет Бога откликнуться. Растроганный силой ее веры, Господь выполняет ее просьбу — исцеляет дочь — и хвалит при этом исключительность веры этой женщины: «О, женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час» ([Мф.15:28](#)).

Братия! Этот акт веры хананейки, увенчанный Божьим откликом, — разве не укор для нас? Разве этим проявлением веры язычница не поднялась на недостижимую высоту? Трудно нам сравнивать себя с нею. Мы в своей слабой вере настолько самоуверенны, что если не бываем скоро услышаны, то быстро охлаждаем, принимая молчание Бога чуть ли не за личное оскорбление для себя. Бывает даже, что мы ожесточаемся, замыкаемся в себе и готовы отшатнуться от Бога. Живое сознание своей негодности нам недоступно! Видимость смирения поверхностно скользит по нашей душе, и мы не способны перейти к подлинному самоотрицанию.

И потому практически для нас невозможно уничтожить себя до того, чтобы смотреть на себя как на последнего пса и недостижимо считать для себя величайшим счастьем, если за всю нашу веру и преданность Богу нам когда-то, где-то упадет крошка Его благодати. Вот отчего порывы нашей веры чужды и остаются бесплодными.

Смиренная вера язычницы становится идеалом для нас, христиан. Ее вера и смирение вынудили Бога на отклик. Такова их сила, и она поставила эту чужеродную женщину впереди верных.

Братия, теперь сделайте вывод. Вы, наученные вере как силе души и узнавшие, что вера должна быть непрерывным горением к Богу; вы, которым открыто, что вера обеспечивает приближение Бога, и увидевшие, что вера переводит в сферу Божия и освобождает от подчинения земле, — теперь на примере хананейки вы еще раз научитесь тому, какая должна быть вера. Как неистребима была ее настойчивость и как полна ее отдача себя Богу при полном самоуничтожении! И пусть пример язычницы хананейки больно стыдит нас. Нам все открыто и

пути веры ясны, а мы все еще безжизненны, идем уныло и вяло, скользим по поверхности веры, и нет ухода от себя и своей негодности, нет настойчивого искания Бога, как единого центра жизни.

В то же время пусть пример этой язычницы-хананеянки бодрит нас. Если она, чужая и неверная, привлекла к себе милосердие Бога, то тем более близок Он своим детям, и его отклик вам обеспечен. Если вы потеряетесь и собьетесь с пути, если потеряете свое сыновство, то пусть этот же пример поднимет вас.

Не поддавайтесь тогда злу и не коснейте в неправде, а молитесь как хананеянка: помилуй, помилуй! И не ослабевайте, если Господь будет молчать, и вы долго, долго не будете услышаны. Смирятье себя! Скажите себе, что Бог занят детьми, преданными и послушными, а вы неверны Богу и недостойны быстрого отклика. Смирятье себя и считайте за последнего пса Божия Дома.

И в неослабевающей преданности Домовладыке вы ползайте у Его ног и ловите Его взгляд, и стерегите Его желание, чтобы только угодить Ему. Считайте себя достойными получить только малую крупицу Божия дара, не больше, одну только крупицу. Желайте и ищите, чтобы такая крупица от стола Божиих даров упала к вам. И крупица спасет, ибо Божий дар могуч!

Как дочь хананеянки, ваша больная душа «исцелится в тот час», и останетесь вы с любящим Богом своим, уж не как ползающие псы, а как Его любимые дети на веки веков. Аминь.

Братия! Ныне опять предлагается нам поучение о любви, о любви к ближним. Вы только что выслушали это поучение как бы от Самого Христа — были прочитаны подлинные Христовы слова ([Лк.6:21-36](#)).

Эти слова о любви дополняют Божию заповедь, преподанную нам в Евангелии от Матфея (22:35—40), в которой Господь указал природу любви. Она — сама Божественная природа. Был уяснен путь любви. Это — путь к Богу. Тогда же открылось наполнение этого пути в отвержении себя и поставлении брата вместо себя: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». И еще: «Больша сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» ([Ин.15:13](#)). Сегодня Господь, раскрывая нам понимание истинной любви, очищает его от наносных людских представлений.

Братия! Человек, запутавшись в жизни, внес свои извращения во все ее явления. Самость человека стала центром жизни и вошла во все жизненные отношения людей, в том числе и в мнимую любовь. Любовь стала служить утверждением самости и была тоже извращена. Господь на это и указывает: «Вы любите любящих вас, вы делаете добро тем, кто вам делает добро». Иначе говоря, мысль Господа такова: вам оказывали внимание, признали ваши достоинства, и вы довольны. Утверждая себя в самодовольстве, вы делаете ответное добро и тем самым как бы подкупаете других на дальнейшее обожание вас. Конечно, Господь отвергает такое искаженное понимание любви. Вы ведь оказываете ее ради себя же — «и грешники то же делают».

Это Господне слово о мнимой человеческой любви разве потеряло свою силу теперь? Ничуть! Человеческое самоутверждение растет от поколения к поколению и достигает своего апогея. Где же тут любовь самоотречения? Не случилось ли так, что от поколения к поколению стало истребляться и понятие подлинной любви и самое дело любви? Не исполнилось ли Господне пророчество, что «за умножение беззакония оскудеет любовь?» Не задыхается ли наша жизнь в тисках безлюбия?

При отсутствии подлинной любви стали взамен ее появляться суррогаты. Самый чудовищный суррогат, в корне извративший всю природу любви, — это общепринятое человеческое понимание любви. Любовью называют животное влечение. А чтобы уж не так бросалась в глаза эта оголенность, чтобы польстить человеческой ограниченности, стали говорить, что любовь эта духовна, возвышенна; стали драпировать влечение всякими прикрасами: сродством душ, тяготением к идеалу и пр. Но все эти жалкие прикрасы до времени забавляют человека, а когда влечение удовлетворено, тогда мнимая любовь разлетается в прах и с ней бесследно исчезают обманные драпировки. Что в этом влечении общего с требованиями христианской любви? Любовь к Богу и это тяготение несопоставимы как небо и земля, как дух и плоть.

На втором месте по распространенности можно назвать суррогат любви, основанный на гуманности. Люди, несмотря на всю свою земляность, считают себя существами духовными и не прочь покичиться своими высокими качествами, среди которых на первое место выставляется гуманность, т.е. человеческое отношение к подобным себе, а также ко всему миру живых существ. На гуманности основана вся людская филантропия, которую считают украшением жизни. Ее даже противопоставляют иногда служению Богу, указывая, что Богослужение — это убаюкивание себя отрывом от земли и жизни, а служение человеку куда нужнее теоретического служения Богу. Это служение человеку и есть действительная любовь.

Братия! И эта любовь гуманности — обман и суррогат любви. Эта любовь основана на

признании достоинств человека, прежде всего — своих собственных достоинств. Эта любовь будет всегда самоутверждением. Всегда она будет любовью к любящим меня. Всегда будет самосвидетельствовать: вот какой я хороший. Видите, как я добр к вам. Признайте это и отвечайте мне благосклонностью. Какая же любовь может вырасти на таком самолюбовании, если любовь есть плод самоотречения?

Гуманность — это карточный домик любви. Он непрочен и иллюзорен, как иллюзорны самые достоинства человека. Как только рушатся мнимые опоры гуманистической любви, так филантропия повисает в воздухе и держится исключительно как необходимый формальный придаток всякого «культурного» общества, которое по принятому порядку должно быть гуманным.

Что любовь-гуманность иллюзорна, видно по ее плодам. Укажите пример, когда гуманная любовь сияла бы очистительным огнем как в самом гуманисте, так и в благодетельствованном им? За единичными исключениями, когда любовь имеет основанием не одну гуманность, вы не найдете таких примеров. Любовь гуманности — это холодный свет, огонь, который никого не зажигает. Это — мнимая любовь, и она бессильна создать тепло и жизнь.

Наконец, к суррогатам любви надо отнести все обыденные людские отношения, якобы окрашенные (так думают люди) любовью. Это отношения семейности, родства, дружбы, приятельства, знакомства, зависимости, подчиненности и т.д. У людей, не погрязших во зле, эти отношения чаще бывают добрыми, и люди называют их любовью, хотя подобное название ошибочно. В подавляющем большинстве в этих добрых отношениях нет христианской любви. В семейных и родственных отношениях нет христианской любви. В семейных и родственных отношениях лежит в основе единство крови, привычка и требования быта. Во всем разнообразии жизненных взаимоотношений, обозначаемых любовью, людьми руководит обычно воспитание, особенности характера и среды и, наконец, просто стереотипы.

Братия! Не изумляйтесь этому неприглядному обнажению жизни. Рассмотрите жизнь и убедитесь, что это обнажение — сама истина.

Возьмем, к примеру, семейные и родственные отношения. Если бы они имели своим связующим цементом христианскую любовь, разве бы они рассыпались бы с такой легкостью, как мы наблюдаем каждый день? Взаимные отношения супругов, детей и родителей, которые вчера еще считались отношениями любви, сегодня перешли в отношения жестокой неприязни и полного разрыва. Не ясно ли, что в таких отношениях, если и была любовь, то особая любовь, не имеющая ничего общего с подлинной христианской любовью.

Точно так же и в отношениях дружбы, приятельства, знакомства и других, наряду с любовью, утверждаемой, надо сказать, с величайшей легкостью, вы найдете и интригу, и сплетню, и колкое слово по адресу только что называвшихся: «милочка, душечка». И все это — интрига, сплетня и злое слово, а то и злое дело, — связывается с так называемой любовью, волоча по земле и грязи понятие любви.

Вот жизнь и вот ее любовь! Но оговоримся. Мы не хотим утверждать, что христианской любви мы вовсе не найдем в семейных, родственных и бытовых отношениях людей... конечно, это встречается в жизни. Но чаще, к сожалению, людские отношения, привычно называемые любовью, имеют в себе мало элементов подлинной христианской любви. Это чаще всего суррогат любви. Всецело приложимо тут Божье слово: «Если любите любящих вас... делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники то же делают» ([Лк.6:32-33](#)).

В сегодняшнем поучении Господь открывает, какова же должна быть подлинная любовь. Он указывает ту же основу, что и в заповеди о любви к ближнему: «Как хотите, чтобы с вами поступали, так и вы поступайте с ними». При поверхностном рассмотрении этих слов можно

подумать, будто Господь заповедует какое-то уравнение отношений к ближнему с отношением к самому себе. Нет! Здесь иная мысль. Здесь дано такое указание: поставь ближнего вместо себя и делай для него то, что ты бы делал для себя.

Рассудите сами. Ты хочешь, чтобы люди делали тебе добро, следовательно, ты сам должен делать им добро. Когда тебе захочется делать добро другому в таком размере, как самому себе, ты непременно должен поставить его вместо себя, а о себе забыть, потому что иначе добро, делаемое для себя, поглотит и исключит добро к ближнему. Ты будешь делать ему добро как бы от своего добра, и это будет добро в размерах меньших, чем для самого себя. В этом случае заповедь любви опять уничтожается — она переходит в самоутверждение: утверждая себя в добре, я от него милостиво уделю частичку другому.

Господни слова равносильны тому, что, делая что-то для другого, ты забудь о себе, иначе ты неминуемо исказишь свое отношение к другому. Иными словами, в основу любви к ближнему Господь и здесь кладет самоотречение, отчего заповедь любви обращается в заповедь самоотречения. Что именно так надо понимать Христову заповедь, видно и из дальнейшего.

Христос иллюстрирует Свою мысль примером, как должны поступать люди, имеющие подлинную любовь в отношении друг друга. Он говорит: «Любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего» ([Лк.6:35](#)). Или как сказано несколькими стихами ранее: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и, отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» ([Лк.6:27-29](#)).

Из этого видно, что не может быть уравнения в любви к себе и ближнему; нельзя уравнивать заботы о себе и заботы о ближнем.

Какое тут уравнение! Вот твой враг, он делает тебе зло, а ты его полюби; он тебя ненавидит, а ты благотвори ему. Он тебя проклинает, а ты воздай ему благословением. Он тебя гонит, обижает, а ты молись за него! Здесь крайнее самоотречение, отказ от себя и своих земных интересов, чтобы сделать все доброе другому.

Какое тут уравнение, когда указывается: «Давайте, не ожидая ничего»! Какое тут уравнение, когда у тебя отнимают верхнюю одежду, а ты отнимающему еще прибавь последнюю рубашку с себя! Здесь верх забвения себя, последняя грань самоотречения. Здесь любовь как предел самоотречения. Вот какова природа подлинной христианской любви!

Далее Господь объясняет последнее и самое ответственное: как же исполнить эту заповедь о любви? Каков путь любви? Дать указание, как исполнить заповедь любви, — необходимо, так как эта заповедь противоестественна для греховного человека, и ее исполнение немислимо в состоянии греховности. Для жизни греховного человека естественна любовь самоутверждения, а не любовь самоотрицания. Недаром Господь говорит: «Вы любите любящих вас — это вам по силам и для вас естественно; иная любовь вам недоступна. Я же говорю: любите врагов ваших, творите добро ненавидящим вас и молитесь об обижающих вас».

Разве не противоестественно требование полюбить своего врага? Человек делает вам зло, делает его незаслуженно. Как же полюбить его? Враг поносит вас, клеветает. Его ненависть к вам — как отравляющий яд; его незаслуженные на вас обиды — как острые шипы на вашем пути. Как же полюбить его? За что?

Однако, братия, заповедь любви-самоотречения дается как обязательная, как одна из двух главнейших, на которых стоит «весь закон» ([Мф.22:40](#)). Указывая на эту заповедь как обязательную, Господь указывает и путь ее исполнения. По Христу, путь самоотречения требуется от всякого, идущего к Нему: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя...» ([Мк.8:34](#))

Так как стихия любви есть Бог ([1 Ин.4:8](#)), то приращение к этой стихии возможно только через приближение к Богу, через Богоуподобление. А приближение к Богу возможно лишь

только через отказ от тьмы греха, в которую погружен человек, через отречение от греховной человеческой самости, т.е. через самоотречение от греховного человека и возрождение его в Боге. Возрождение в Боге, то есть соединение со стихией любви, обеспечивает человеку вливание в любовь и действия в любви. Такой человек сам начинает излучать любовь.

Верно ли, что путь любви только таков? Верно, и другого пути не может быть. Христос, призывая учеников к исполнению заповеди любви, увлекает их захватывающим состоянием любви: «И будете сынами Всевышнего» ([Лк.6:35](#)). Сфера любви — Богоуподобление, Богосыновство. Оно — единственный путь любви, оно же — венец любви, награда ее.

Процесс внедрения в душу любви, как процесс осияния Богом, — постепенный и длительный. Так о нем и свидетельствует св.апостол: «Молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве» ([Флп.1:9](#)). Таким образом, апостол свидетельствует, что сила любви имеет рост и преобразует все внутреннее естество человека. Она обостряет внутреннее зрение его души, осветляет его душевные чувства, поднимая его от земного к небесному. Тот же апостол, побуждая верующих не ослабевать в пути облечения любовью, пишет: «Достигайте любви».

Концом этого пути будет полнота Богоосияния, когда все силы души будут устремлены ко Христу. Апостол говорит об этом идеале: «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» ([Флп.2:5](#)). Вот как создается подлинная любовь души! И не ясно ли, что будет она, как само дыхание Бога. Апостол и восклицает: «Я люблю всех вас любовью Иисуса Христа» ([Флп.1:8](#)). Таков путь в любовь — только через Бога-любовь.

Теперь понятно, что любовь есть то Божественное начало, которое преобразует человеческую душу, истребив в ней все греховное и внося в нее причастность к Божественному и вечному. Постепенным отмиранием в душе всего ветхого, греховного и внедрением в нее Божественного и творится любовь, та любовь, когда любовь к врагу становится свободным и естественным излиянием души.

Когда душа вся погрузится в стихию любви, она сможет дышать только этой стихией. Свет любви будет ярче там, где больше тьма, где больше греха, зла и ненависти. Конечно, это будет дыхание благодати (на такую любовь естественный человек и неспособен), это будет подлинная любовь ко Христу и Богу, дыхание нового, обновленного человека. Братия, вот какова подлинная христианская любовь!

Преклонитесь же перед ее величием! В ее высь поднимитесь своими сердцами. Любовь ко Христу — это открытое небо. Это — лучи небесной жизни. Это — влияние небесной жизни на земле! К этой небесной выси нас зовет Христос заповедью о любви, и мы должны понять все нищенство нашего земного. Мы должны понять, что все наши потуги осуществить любовь вне Бога есть бледное трепыхание отдаленнейших бликов настоящей любви. Если наше сердце осознает эту глубину нашей немощи и захватит его тоска по просторам подлинной, чистой, возрождающей любви, если наше сердце ужаснется от мысли, что оскудевает любовь, то пусть оно, поверженное в трепет, не забудет, что путь в эту любовь только через Христа и Бога. Будьте же сынами Божиими, и вы исполните дело любви! Аминь.

Слово в 22-ю Неделю по Пятидесятнице

Братия, сегодняшнее Евангелие рассказывает притчу о богатом и Лазаре ([Лк.16:19-31](#)). Главная мысль притчи — люди, жившие на земле праведно, удостоиваются по смерти радостного вечного блаженства, а люди, прошедшие свою земную жизнь в духовной праздности и грехе, обрекаются на тягости вечного мучения. У них нет возможности самим изменить свою безрадостную участь.

Помимо этой большой и назидательной основной мысли, в притче есть и другие мысли, которые служат развитием главной. Они указывают, во-первых, какая праведность и земная правда влечет за собой блаженство в вечности и какая земная неправда лишает его; во-вторых, как происходит, что несправедливо живущий лишается блаженства и не в состоянии уже изменить своей загробной участи.

Итак, какая же земная правда обеспечивает получение вечного блаженства? В притче праведный Авраам так определяет правду жизни: «Чадо! вспомни, что ты получил уже добро твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь» ([Лк.16:25](#)).

Так как богач, по изображению в притче, своим «добрым» в жизни считал то, что «одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно» ([Лк.16:19](#)), то, очевидно, его правдой было — пользоваться земным и получать от него всю утеху, какую земля может дать. В противоположность такой земной правде и такому «доброму» земли, злым будет отсутствие земных утех и земного наслаждения, иначе — земное страдание.

Как земные лишения и страдания и изображается жизнь Лазаря: «...Лежал у ворот его (богача) в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его» ([Лк.16:20-21](#)).

Очевидно, что Божественное Откровение словами праведного Авраама указывает, что человек, живущий только земными утешениями, остается в земном всеми корнями своей души и лишается, конечно, радостей Неба, а человек, оторвавшийся от земного и даже страдающий внешне, уходит нитями души в неземное, нематериальное, Божие, и там обеспечивает свою прочную связанность с небесным. Значит, последний вывод такой: правда богача в масштабе вечности оказалась обманом, неправдой и не обеспечила ему посмертной жизни. Истинная правда, обеспечивающая вечное блаженство, состоит в отрешенности от земли и устремленности души к Богу.

Такое оправдание жизненной правды согласно со всем Божественным Откровением. Вот слова Самого Господа: «Вы не от мира... Я избрал вас от мира...» ([Ин.15:19](#)) и апостолов: «Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру (т.е. всему земному), тот становится врагом Богу» ([Иак.4:4](#)); «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» ([Гал.6:8](#)). Такова мысль сегодняшней притчи о той земной правде, которая открывает блаженное упокоение на «лоне Авраамовом».

Теперь раскроем, почему живущий несправедливо лишается неба и почему лишение неба вечно. Притча объясняет, что живущий не по правде нарушает и искажает жизнь, т.е. поступающий не по истине неминуемо живет в ошибке, в грехе; и ошибка, и грех неминуемо становятся его миром. Богач признает без возражений, что его братья, живущие, как и он жил, прилепившись ко всему земному, пребывают в грехе, и он желает для них покаяния.

Когда в человеке постепенно зреет мир зла, душа все больше и больше уходит в него, и тогда происходит окостенение человека во зле. Сила зла делается природой души. Душа всеми силами начинает работать над утверждением себя в своем, т.е. в зле. Работает ум, хитро плетя паутину зла и с изумительной виртуозностью выискивая обманные обоснования поступков

человека. Ум затемняет простую истину, очевидную для всех, изоцряется в лукавстве, подтасовывает само Божественное слово, чтобы хотя бы самыми «белыми нитками», да сшить свое и не сойти со своей злой ограниченности. Поистине, человек зла становится как бы незрячий. Метко и справедливо характеризует Божие слово его слепоту: «Глаза имеет и не видит».

Даже и то, что увидят глаза, т.е. полную очевидность, обманный ум перетасует по-своему и чудо примет по-своему. Подтасовывается явная чудесная воля Бога, когда она стоит на пути человека и не соответствует его жизни. За обманным умом влечется и воля, и она становится порочной. Жутко смотреть на человека, как он, подгоняемый обманным умом и скованный порочной волей, с непостижимым упорством громоздит свою порочную жизнь.

После окостенения души во зле человека уже ничто — ни голос рассудка, ни голос заглушенной совести, ни авторитет со стороны, ни откровение Божие, ни вмешательство Бога в жизнь человека, — ничто не сдвинет с порочной черты злой закостенелости. Обо всем этом и говорит нам притча о богатом и Лазаре. Она говорит нам о том, что богач попросил Авраама послать Лазаря к своим братьям, чтобы предупредить их и свидетельствовать им о месте мучений, чтобы «и они не пришли в это место мучения» ([Лк.16:27-28](#)). Ответил тогда Авраам богачу: «У них есть Моисей и пророки; пусть слушают их» ([Лк.16:29](#)).

Авраам, следовательно, указывает, что путь правды открыт, что Божье слово учит, как надо жить, и что братья богача, живущие во зле, не хотят, очевидно, внимать Божьему закону. Ни здравый ум, ни совесть, ни слово Бога не руководят их жизнью. Ею распоряжается их злая воля.

Богач не возражает Аврааму — он как бы сожалеет, что его братья живут в грехе и зле; закон Бога пренебрежен ими, их заглушенной совести не разбудить даже Божественным словом. Богач просит поэтому о чрезвычайной мере воздействия. Он просит о чуде, чтобы образумить людей зла и заставить их очнуться, откликнуться на истину. «Нет, отче Аврааме, — просит богач, — но если кто из мертвых придет к ним (братьям), покаются» ([Лк.16:30](#)).

Что же отвечает Авраам? Он говорит, что безнадежно и это чрезвычайное средство: никакие средства, даже явное чудо не в силах изменить линию законченного зла. «Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» ([Лк.16:31](#)).

Значит, и по притче, пребывание во зле есть состояние закостенения, когда безнадежно какое бы то ни было воздействие на злую волю. Потому так и сказал Авраам, что если бы воскрес и мертвец и стал свидетельствовать о неправде человека и Божьей правде, то и ему не поверили бы. Лукавый человеческий ум «перевернет» и самый факт воскресения мертвеца и назовет смерть или летаргией или другой подходящей выдумкой.

Так состояние зла делается замкнутым порочным кругом. С помощью собственных сил он безвыходен для человека, безвыходен потому, что человек не только не делает попытки из него выйти, но употребляет все изоцренные усилия, чтобы в нем утвердиться, потому что это — его мир, и вне этого мира нет для него жизни. Душа стала частью зла.

Отсюда очевидна для такого человека, во-первых, неминуемость оказаться в царстве зла, а во-вторых, немыслимость для такого человека оказаться в царстве света, в царстве Бога. Потому и сказал Авраам про добровольных пленников мрака: «Оттуда (из ада) к нам не переходят» ([Лк.16:26](#)).

Братия! Велики истины сегодняшней притчи. Они точно очерчивают и обосновывают путь к одной заветной цели нашей жизни. Разве не является пределом наших желаний оказаться в «лоне Авраама», в небесном Царстве Бога и Отца? Разве не потрясаются наши мысли и сердца страшною участью вечного пребывания в мучениях мрака? И разве не направлены все наши мольбы на то, чтобы Господь принял нас? Если таково стремление нашего сердца, то путь для

него указан, путь обоснован и открыта опасность, угрожающая человеку, если он уклонится с пути правды.

Путь указан! Это один путь — не вязнуть в мелких устремлениях жизни, их круговорот не нужен для главной задачи жизни, а часто и вреден. Этот круговорот становится пагубным для человека, когда он окружит себя вещным, запутается в нем и прилепится всем сердцем к второстепенному и мелкому.

Как братья богача, запутавшегося в своем усладительном «добром», теряют руководство Божественного Закона, сбиваются с пути и впадают в закоренелость греха, так и наши души обволакиваются греховностью и закореняются во зле. Это и есть истребление жизни. Жизнь духа свертывается, гложет, а потом и истребляется. Человек закореняется в греховной опустошенности и становится жалким невольником греха. И влачится человек в замкнутом кругу порочной «вещности», пока смерть не положит конец этому пустому крутоверчению.

Когда такой человек умирает, от него ничего не остается, потому что он ничего не создал, кроме «вещности». Про богача в притче так и сказано: «Умер и богач, и похоронили его» ([Лк.16:22](#)). Умер, похоронили — и ничего не осталось от человека.

Земля обращается в землю, и все кончается этим. Где не было жизни, там не останется ростков жизни. Умер богач, умер человек земли, похоронили его, и все.

Душа человека зла, как часть мира зла, уходит в царство зла и погребает себя в нем навеки. Она сливается с царством зла, потому что сама — кусочек этого царства и нет ей возврата из мрачной преисподней.

Братия, путь к Аврааму открыт, и правда дороги Лазаря ясна, и виден ужас гибели души при уклонении от этой дороги. Сделайте же себе разумный выход, который подкупающе прост: скажите снова себе, что, конечно, вы хотите блаженного покоя с Авраамом! С содроганием вы отвертываетесь от мучений преисподнего ада, где непрестанный «плач и скрежет зубов», содроганием от осознанного зла и от бессилия уйти от него.

Укрепите же в своих душах правду жизни, не запутывайтесь в вещности земли, не обволакивайтесь тем «добрым», в какое погрузился богач, не отвертывайтесь от очищающего отрицания. Возлюбите земные прискорбности, чтобы душа, не плененная землей, свободно шла спасительным путем Лазаря! Бойтесь засасывающего пути земли — он ведет к смерти души, закореневшей во зле. Вечная ночь души тогда неотвратима.

Всем своим существом содрогнитесь конца, когда от всего богатейшего мира души останется только пыль и когда конец верчения жизни отметят в «книге судеб» словами «и похоронили его». Достигайте пути, в конце которого вы со счастливой улыбкой будете предощущать, как дух ваш отнесен будет «ангелами на лоно Авраамово». Аминь.

Возлюбленные! Сегодня вторично (в первый раз читался в пятое воскресенье по Пятидесятнице) читается евангельский рассказ об исцелении Господом гадаринского бесноватого ([Мк.5:1-20](#)). Главное в этом рассказе — картина власти зла и предостережение ученикам Христа: держаться только правого берега жизни и не уклоняться к берегу смерти. Поскольку мы настолько беспечны, что стараемся не замечать, как на наших глазах погибают в царстве зла тысячи людей, Святая Церковь вторично преподносит нам этот рассказ. В повествовании о гадаринском бесноватом есть также одна очень значительная мысль, которая дается верным для укрепления их в тяжелой борьбе с грехом и злом.

Кажущаяся неистребимость зла в человеке и в окружающем мире создает впечатление какой-то безвыходности в борьбе человека со злом. Вполне естественно, что у малодушного появляется мысль: «Да где же Бог и Его Божественная помощь? Где Его благодать, истребляющая грех? Где победа над грехом, когда зло остается торжествующим?» И ползет в человеческой душе разъедающее расслабление и усиливается в дальнейшем ожесточение: «Бог далеко, и все человеческие измышления о его помощи — вымысел, и потому я принимаю жизнь, как она есть. Зло так зло; значит, так устроена жизнь».

Рассказ о гадаринском бесноватом содержит мысль о действительной роли и силе зла на земле по отношению к спасающемуся. Эта мысль раскрывается через поведение зла в отношении к одержимому и место, которое отводит злу Господь. Евангелист говорит нам, что зло глубоко укоренилось в земле зла и носителям его несть числа. Об этом вопрос Господа бесноватому: «Как тебе имя?» — и его ответ: «Легион», потому что «много бесов вошло в него», — поясняет евангелист Лука.

Эти многочисленные носители зла претендуют на свое право распоряжаться на земле зла и потому просят Христа оставить их в покое — бесноватый, увидев Иисуса, громким голосом кричал: «Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? Умоляю Тебя, не мучь меня» ([Лк.8:28](#)). Евангелист Матфей передает эту просьбу с новым оттенком мысли: «Что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас» ([Мф.8:29](#)).

Здесь выражена мысль, что, хотя Божиему Сыну принадлежит конечная победа над злом, до момента Суда носители зла как бы свободны в своей работе и потому желают, чтобы Христос им не мешал. Они уверены, что до положенного времени они по праву обладают землею зла и ведут свою разрушительную работу. Господь дает согласие на переселение бесов в свиней ([Мф.8:32](#)), что и совершается. Бесы стремятся тут же продемонстрировать свою силу разрушения и губят свиней — те тонут в море.

Таково евангельское повествование о гадаринском бесноватом, указывающее на роль и силу зла на земле. Таково Божественное слово. В его свете мы должны рассмотреть свои земные пути, как они соприкасаются со злом и подчинены ему.

Вдумайтесь... Господь не истребляет бесов, а отправляет их в бездну. Бесы остаются на земле. Здесь проводится мысль о том, что пришествие на землю Божьего Сына не уничтожило самой земли зла. Если бы такое уничтожение последовало, то спасение мира было бы только простым механическим актом, совсем не ценным для разумных существ, свободно определяющих свое бытие. Такое спасение было бы даже не спасением, а актом нового творения земли и человека.

Господь разрушил лишь дела зла, т.е. дал силы и средства бороться со злом и освободиться от его пленения. «Явился Сын Божий, — говорит апостол Иоанн, — чтобы разрушить дела диавола» (1 [Ин.3:8](#)). Самый мир зла остался на земле и после прихода Христа, и

он ведет свою разрушительную работу, так как его внутренняя природа несколько не изменилась. Насажение зла, порча и разрушение жизни, истребление добра — вот его обычная непрекращающаяся деятельность. С приходом Христа эта работа приняла особенно обостренные формы, потому что в Христе мир зла получил явную угрозу победы над ним, угрозу уничтожения.

Об этом говорит апостол Павел, называя дьявола как «князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления» ([Еф.2:2](#)). О том же напоминает апостол Петр: «Противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 [Пет.5:8](#)). Итак, в мире земли и зла зло не истреблено. Легионы дьявола ведут борьбу против добра, против Христа.

Но не впадайте в уныние, прочь расслабление при нападении зла! Эти нападения были, есть и будут — они неизбежны. Более того, чем больше жизнь христианина уходит от соприкосновения с миром зла и чем она святее, тем сильнее нападения зла на этого человека.

Братия, не так ли было со всеми подвижниками и угодниками Божиими? Не так ли бывает с вами, если вы идете вслед за Христом, а не на компромисс с миром зла? Потому ликуйте, спасающиеся, когда вы терпите ради Христа. Значит, вы живы, значит, ваш свет становится таким ярким, что режет глаза сынам тьмы, значит, вы на верном пути с Богом.

Но если царство зла осталось и после Христа на земле, то продолжающаяся работа зла не уничтожает ли плодов искупления? Нисколько! Дело Христа незыблемо. Спасение человека совершено и совершается на каждом человеке в борьбе со старым, «ветхим», греховным человеком. Спасение не совершается механически, а только в борьбе со стихией зла, и душа христианина далеко не сразу освобождается от зла. Благодатные дары сеют в душе христианина лишь «семя Божие», и христианин получает лишь «начаток Духа», полное слияние с Которым может быть достигнуто только в царстве Духа-Бога.

Даже «начаток Духа» делает человека способным побеждать зло. С водворением в душе «Божия семени» кончается рабство зла. Однако земля зла остается, и борьба в душе христианина не прекращается, но постепенно суживается плацдарм зла и расширяется жизнь Духа, крепнет «новый человек».

Евангельский рассказ о гадаринском бесноватом подтверждает мысль о защите человека Божественной силой и о неспособности зла противиться Богу. Господь знал о большом страдании бесноватого и, хотя он и не просит Христа об исцелении, Господь творит дело Своего призвания и любви.

Как только Божия сила заявляет о своем присутствии, зло уже трепещет. В невольном сознании силы Духа и в невольном подчинении ей зло готово уступить поле действия Божественной силе («Умоляю Тебя, не мучь меня...»). Стремление отдалиться поскорее от Божественного вовсе не вызывает во зле желания бороться с Божественной силой, а только удалиться, уступив ей поле действия. Мало того. Сила зла подчиняется Божественной силе, выбирая место своего удаления. Бесы просят разрешения войти им в стадо свиней, чтобы действовать потом в том или ином месте по Божьему попущительству. Господь, щадя Свое творение — человека, попускает бесам вселиться в более низшие организмы — свиней, которые кидаются в море и тонут.

Рассказ о гадаринском бесноватом раскрывает мысль о бессилии зла перед Божественным Духом. В целом же идея сегодняшнего Евангелия может быть выражена так: на земле зла зло остается и при Христе, ведет свою разрушительную работу, и не избегнуть нападений зла даже Божиим святым, но бодрствует Бог, Божия сила вяжет зло и обеспечит полную победу над ним в христианской душе.

Братия, вникните, укрепляйтесь, бодрствуйте! Ты подавляешься злом, зло всюду, всюду, и в

собственной душе. Зло упорное, неистребимое, и в ночи и во дни, в молодости и в старости. Оно просачивается всюду, не щадит даже святых мгновений. Оно отравляет чистоту, наполняет душу унынием. Оно — засасывающее, гордое и захватное, как одна только мнимая правда жизни.

Вы сейчас слышали, что было в Гадарине. Это — царство смерти, царство безжизненных троп и смердящих гробов, среди которых живет пленник зла ([Мк.5:5](#)). И «сему надлежит быть». Но не бойтесь, не колеблитесь, а воспитайте в себе к этому царству отвращение, ужас, а сами стойте твердо, не вступая на берег смерти. Божией силой вы поставлены на берег жизни, а сила эта всемогуща, зло пред ней бессильно. Берегите же в себе начаток этой силы, начаток Духа, и вы будете непобедимы...

Пусть кругом бушует шквал разлившегося зла и всплески его даже тебя достигают, но будь тверд. Не шелохнись в сторону смерти! Если ты выдержишь этот напор зла и сохранишь в себе Божественное семя, то ты обессилишь зло. Как мрачный гад, оно будет извиваться у ног твоих и просить: «Не мучь меня, пощади». Зло бессильно будет против тебя, и тогда ты поймешь слова апостола: «Противостаньте диаволу, и убежит от вас» ([Иак.4:7](#)).

И в радости воскликните со святым апостолом Павлом: «И избавит меня Господь от всякого злого дела и сохранит для Своего Небесного Царства. Ему слава во веки веков. Аминь» ([2 Тим.4:18](#)).

В прочитанном Евангелии вы выслушали разъяснение Господа, как практически выполнить заповедь любви. Оно дополняет более ранние Господни слова о любви к Богу и ближнему, как к самому себе, и о любви к врагам. Это слово Божие особенно впечатляет тем, что вполне приложимо и к нашей жизни.

Один законник, искушая Христа, спросил Его: «Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» ([Лк.10:25](#)) Так и мы, как законники, подходим к Христу и спрашиваем: как же нам спастись? Мы спрашиваем, не искушая, а лукавя. Прикрывая свое малодушие, свою духовную леность, тянущие нас в сторону от Христова пути, мы готовы наивно спрашивать, как же спастись, лукавя и прикрываясь тем, что жизнь сложна и невольно толкает на компромиссы.

Мы знаем Божий закон и его требования, мы знаем, как исполнить его в жизни, но, вступая в сделку с совестью и углубляя пропасть между собой и Богом, мы, успокаивая себя, разводим руками и, ссылаясь на неизбежность, недоуменно спрашиваем: «Как тут исполнить волю Божию и как же возможно спастись?» Это вопрос самооправдания и лукавства.

Господь заставляет законника признать, что ему известно все необходимое для спасения. «В законе что написано? Как читаешь?» — спрашивает Господь законника ([Лк.10:26](#)), и тот должен был назвать хорошо известные ему заповеди закона о любви к Богу и ближнему. Христос просто, без укора указывает ему на его долг: «Так поступай, и будешь жить» ([Лк.10:28](#)).

Это ответ и нам. Что лукавить? Что наивничать, будто не знаем пути спасения для сегодняшнего дня? Божий закон один, и эти две заповеди остаются непреложными и для нас, как два якоря жизни: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею... и ближнего твоего, как самого себя» ([Лк.10:27](#)). Но законник не сдается и начинает выискивать лазейки для самооправдания. Он якобы не понимает, кто же тот ближний, которого он должен любить.

Такое же упорство характеризует и нас. Стремление успокоить себя и самооправдаться так и в нас сильно, что и мы изыскиваем для этого всевозможные лазейки. Такие лазейки находятся очень легко, ибо, действительно, заповеди о любви к Богу и ближнему так широки и глубоки, что невольно поднимают вопросы об их жизненном приложении.

Взять хотя бы любовь к ближнему. Если мы воспримем ее, как заповедал Христос, как излучение стихии Бога-любви, то возникнут многочисленные вопросы. Считать ли человека в состоянии греховного несовершенства совершенно неспособным к христианской любви? Подходить ли к делам любви лишь в процессе нравственного очищения или пытаться творить любовь вне забот о своем совершенствовании? Какие ступени любви соответствуют ступеням совершенствования в Боге? И многие, многие другие... Среди них, конечно, могут быть вопросы лукавые, для самооправдания, но могут быть и искренние вопросы недоумения.

Нисходя к человеческому несовершенству, Господь поэтому дает новое назидание о любви. Он отвечает законнику, кто его ближний, и этим самым дает и нам указание, каково практическое приложение заповеди любви. Господь ответил законнику притчей о милосердном самарянине. Эта притча общеизвестна, и мы не будем ее повторять. Заключительная и вместе с тем центральная мысль притчи изложена в последних словах Господа: «Иди и ты поступай так же», т.е. и ты на своем пути твори добро всякому нуждающемуся в нем, не взирая на происхождение человека, ни на общественное положение, ни на все другое. Пусть он будет близок, дорог тебе, и ты для него станешь ближним.

Значит, близость определяется не степенью внешней взаимной связи — принадлежностью к одной нации, роду, общине, — не служебной и общественной взаимозависимостью и прочим, а способностью откликнуться на чужую жизнь. Чем больше у тебя такой способности, чем больший круг людей она охватит, тем больше у тебя ближних. Так как идеалом твоего внутреннего роста в отношении людей является: «Будьте сынами Всевышнего», то, следовательно, через Богоотцовство все люди, как дети Божии, — твои ближние, включая и врагов, и ненавидящих, и обидящих тебя.

Так определяется ближний притчей о самарянине, которая отвечает и сегодняшнему нашему дню. Ее ответ такой простой и ясный: «Иди и ты поступай так же», т.е. иди и твори добро, и ты исполнишь заповедь любви. Это значит, что, хотя заповедь любви является очень возвышенной, нельзя забывать главного — начального и конечного вместе: делай добро, делай добро от сердца, делай его во имя Бога всем братьям твоим в Боге, и ты будешь исполнять заповедь любви.

Это значит, что хотя и нужно отчетливо разбираться во всех вопросах любви, ты избегай опасности остаться только в тончайших рассуждениях, вне действительного дела любви, и потому твори добро от всего сердца всем, встретившимся на твоём пути.

Хорошо и полезно взвешивать и оценивать каждый шаг на пути любви. Хорошо сознательно идти к своему совершенствованию в Боге, расширяя любовь, но вместе с тем недопустимо одно лишь мелочное копание в себе, оторванное от жизни. Пусть прочным законом жизни станет простое и ясное: «Твори добро», и ты будешь на верном пути исполнения заповеди любви.

Что же, всякое добро, творимое христианином, обернется как дело любви? Да, всякое добро, совершаемое христианином, будет стяжанием любви. Понятно, почему. Из других научений Господа мы знаем, что приближение к Богу только и гарантирует излучение любви. А делание добра не является ли исполнением Божия закона и приближением к Богу? Значит, творящий добро стоит на пути Богосыновства, облекает себя стихией любви, когда становятся для него возможными дела подлинной христианской любви.

Как происходит приближение к Богу через доброделание — это постигается только опытным путем, и постигается, конечно, только душами бодрственными в своем подвиге приближения к Богу. Основная истина — та, что любовь открывается через добро в Боге и доступна для всякой, даже и немощной, души, если она вступила на Божий путь. Душа более способна к делам любви, когда она больше отдается общению с Богом в часы хорошей молитвы, в дни принятия таинств. В такие моменты добро открывается душе, как нечто сродное и через него сквозит осветленная любовь.

В эти моменты немощной душе открывается, что в ней действует иная сила, отличная от человеческой, и эта сила делает ее способной к делам любви. Когда душа снова ниспадает в свою немощь и отходит ее просветление, тогда дела добра и любви ей становятся чуждыми. Добро, сделанное вчера, непонятно и даже порой смешно, и человек готов уже краснеть за него, как за проявленную слабость.

Все эти моменты являются иллюстрацией облечения души Божией силой, когда она, соединившись с Богом, начинает излучать любовь. Если эти отдельные моменты у человека будут непрерывными, то будет происходить постепенное сращивание души с Божией силой, будет уничтожаться разрыв между человеческой волей, добром и любовью. Тогда душа человека будет всегда (кроме моментов падений) пребывать в Боге, добре и любви. Тогда будет естественна любовь к ближним и, венчая ее, любовь к врагам, благословение ненавидящих и молитвы за обидящих.

Братия! Таково жизненное осуществление заповеди любви. Путь любви — это путь добра и

приближения к Богу. Путь ясен... И когда вы на дороге жизни, а эта дорога чаще всего — от высот Бога в низину греха, когда вы на этой дороге будете встречать души отрешенных от Бога и красоты непорочности, души, израненные всеми терзаниями страстей, души, лежащие в греховной грязи, расслабленные и бесчувственные (а вы увидите таких много-много), окажите им помощь, окажите им всякое добро, и вы станете на путь милосердного самарянина и исполните Божий закон: «Иди и поступай так же».

Творите же добро от всего сердца, откликайтесь добром на всякую нужду своих братьев в Боге, и через это вы сами приблизитесь к Богу-любви и достигнете любви, которая и приведет вас ко спасению ныне и во веки веков. Аминь.

Братия! Снова притча «о званых», которая уже читалась 14 недель назад. Снова иносказание, разъясняющее путь в Божие Царство. И опять раздаётся призыв, обращенный к вам: идите, идите, идите в чертоги Отца, где все уготовано вам, о чем и не мечталось человеческому сердцу! Изберите небо и свет, куда зовет Бог, вместо земли и греха, куда вас тянет порочное сердце.

И опять черная тень упрека ложится на нас, потому что мы предпочли горечь вместо сладости, празднику — будни, свету — тьму. Выбрана нами грязь вместо чистоты, плен вместо свободы, нудная возня вместо торжества. Эта черная тень упрека, как печать нашего греха, ограниченности и неразумения, пусть неизгладимо стоит в нашем сознании, и пусть без устали днем и ночью она терзает нашу заглохшую совесть.

Сегодня мы еще углубим этот упрек, получив назидание из второй части названной притчи. Эта половина рассказывает, что когда раб донес своему господину (по евангелисту Матфею — царю) об отказе званых прийти на уготованную вечерю, «тогда, разгневавшись, хозяин дома (царь) сказал рабу своему: пойдя скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых» ([Лк.14:21](#)). Когда после того все еще оставалось место на вечере, господин снова приказывает: «Пойди по дорогам и изгородям и убеди прийти, чтобы наполнился дом мой» ([Лк.14:23](#)).

Евангелист Матфей к сказанному добавляет: «И рабы те (царя)... собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых; и брачный пир наполнился возлежащими. Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: “Друг! Как ты вошел сюда не в брачной одежде?” Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: “Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных”» ([Мф.22:10-14](#)).

За отказом званых, к трапезе Бога собираются с улиц и переулков нищие, увечные, хромые и слепые. После них с дорог и распутий, от изгородей и заборов подбираются последние, уже как бы выброшенные из нормальной жизни остатки человечества.

Братия, это мы и есть! Мы и бездомные, мы и бескровные, с душами как пыльная улица, пустыми и вытоптанными, как площади, где гуляет ветер и нет ни травинки жизни... Мы, запутавшиеся в проулках жизни, застрявшие на распустьях, топчемся беспутно у заборов и опора наша, как дырявая изгородь.

И разве мы не нищие? Нищие из нищих! Совсем прожившие все богатство и оставшиеся в рубашках и лохмотьях. Увечные мы и хромые, беспомощно и жалко колыхающиеся туда и сюда, и совсем, совсем незрячие, как с бельмами на глазах, ничего не видящие, себя не видящие. Мы — как последнее отребье людей. И его собирает Бог!

О бесконечность Божия милосердия! Оно не бросает землю, даже когда кончается сбор с нее здоровых и цельных. В века, когда идет моральное вырождение человечества, милосердие Бога все же выбирает из расселенной по земле гущи людской все, имеющее хоть малейшие признаки жизни.

О бесконечность Божия милосердия! Оно как сеть, брошенная на вселенную. И как сеть, закинутая на дно водоема, не гнушается никакой грязью, так и сеть Божия всех влечет силою Божией любви.

Упорствующие — устыдитесь! Нищие, обнаженные — откликнитесь! Увечные — поднимитесь! Хромые — выпрямитесь! Слепые — прозрейте! Последние остатки человечества — оглядитесь! Поймите свое падение и содрогнитесь, но не поддайтесь малодушию. Не

говорите: «Потеряно все», — встрепетесь под солнцем Божией любви!

И откликнитесь зову! И злые, и добрые, потерявшиеся, отошедшие, равнодушные, забытые, искалеченные, ожесточенные — все, все откликнитесь зову. Домовладыка Господь заботится об одном: пусть дом Мой наполнится возлежащими. Они и будут «избранные».

Так занимайте же места на сладкой вечере брака! Из «последних» вы зоветесь стать рядом с «избранными». Ревнуйте же, встряхнитесь, идите! Неустающий зов любви, не гнушающийся последним отребьем, открывает всем вход на сладкую вечерю Бога.

Собранные, рассказывает притча, вошли без всякого права, без всякой заслуги, по одному зову любви и милосердия, которые все покрыли и сравняли, «нищих» с богатыми и избранными. О величие любви! О беспредельность милосердия Божия!

На этом не останавливается притча, а сообщает еще одну мысль о Божием зове. Мысль о том, что призванный на вечерю Бога должен со своей стороны позаботиться облачиться в одежду вечера-брака. Один из вошедших в чертоги царя изгоняется с вечера Бога, ибо он оказался не в брачной одежде.

Одежда брака давалась. Очевидно, изгоняемый не позаботился даже о том, чтобы надеть ее. И не одетый в ризу брака изгоняется... Царь только справедлив. Изгнание — не месть, не кара за нищету и уродство раздетого. Нет. Нищета всех уравнивается с богатством, и отверженность всех покрыта любовью! Но для Царства Света нужна и одежда Света, чтобы слиться со Светом и насладиться им. Для брачного пира нужна одежда брачного пира, чтобы насладиться полнотой торжества.

Одежда и в обычной жизни всегда соответствует обстановке, занятиям и душевному состоянию человека. Разные одежды для работы и для отдыха, будней и праздника, траура и веселия, и неестественно на празднике радости появиться в одежде скорби. Так точно и с одеждой души: для каждого места пребывания души имеются свои одеяния. Душа грешная имеет одеяние греха, родное ей. Одеяния порока и страсти — пестрые и разнообразные. Души праведности имеют одеяния праведности. И их — много, и они — разнообразны.

Неестественно представить себе объятую страстью в одежде добродетели, чревоугодника — в одежде постника, блудника — в одежде целомудрия, злого и хитрого — в одежде смиренника. Чуждое одеяние будет фальшью, обманом, кричащим о себе ради других людей и невыносимым самому обрядившемуся. Хотя в жизни мы встречаем нередко попытки «обрядиться в чужое платье», но невозможно сделать так, чтобы при этом было легко и удобно самому нарядившемуся. Как неловко чувствует себя человек в чужой одежде, так невыносимо тяжело душе, попавшей в несродное ей, чуждое состояние.

Как можно объединить пьющего с трезвенником, разнузданного — со скромным? Они же взаимно исключаются! И для худшего пребывание с лучшим всегда невыносимо. По этой причине исключается с брачной вечера не одетый в одежду брака. На празднике радости надо быть в одежде радости, это — справедливо. На Божьем торжестве Света надо быть в одежде Света. Это нужно, чтобы принять Свет, наполниться Светом. Только тогда возможно для души блаженство Света.

Душа мрака несродна Царству Бога и Света. Как же она сольется с этим Царством? Пребывание ее в нем будет невыносимо из-за подчеркивания ее темноты. Она, чуждая Свету, будет здесь лишней. Оттого не имущий одежды брака и Света исключается с вечера Света.

Знаменательно, притча указывает на это, что со стороны изгоняемого не было и тени протеста. Когда Царь и Домовладыка спрашивает не одетого: «Друг! Как ты вошел сюда не в брачной одежде?», виновный не оправдывается — «Он же молчал». Как это верно для души, осужденной Богом и лишаемой Его Царства!

«Он же молчал»... Что возражать? Зов был. Нищета, уродство, слепота забывались и

снимались. Пред душой открылись все возможности. Она приравнивалась к лучшим, неповрежденным и вводилась в чертоги избранных. Может ли быть дар богаче и блистательнее? Бог сделал все! Нельзя даже представить себе, чего еще можно было бы пожелать душе от Бога.

И потому нет душе оправдания. Ей только об одном надо было позаботиться — принять дар, а чтобы его принять, надо было оказаться способной к этому приятию. Для участия в браке надо было надеть одежду брака. Для царства Света оказаться способной принять Свет. Об этом должна была позаботиться сама душа. Если она не позаботилась, значит она пренебрегает дарованным и отвергает его. И потому нет оправдания душе!

«Он же молчал!»! Тем более безответна душа, что самая одежда брака, одежда Света выдается тем же Господом. Забота человека только о том, чтобы принять эту одежду и облечься в нее.

Как это происходит, как душа одевается в одежду Света? Притча не раскрывает этого, и мы не будем входить в подробности достойного одеяния души. Лишь скажем, что одеяние души, о котором должен позаботиться человек — это прилепление души к стихии Неба, дабы душа могла хоть какими-то своими точками слиться с этой стихией и стать участницей вечного блаженства.

Облачение человека в одежду Света идет всегда параллельно отклику человека на зов Бога. Ежедневный, ежечасный, ежеминутный отклик на Божий зов и является тем «деланием», которое ткет одежду Света. У изгоняемого с вечери человека, несмотря на его отклик, не последовало облачения в одежды Света, видимо, потому, что самый отклик его на Божий зов был поверхностным и случайным.

Вот при каком условии обеспечивается душе место на вечери Бога — если она запаслась одеянием Света. Если же его нет и душа облечена во тьму, то она и удаляется во тьму. «Бросьте (его) во тьму внешнюю («кромешную» — по славянскому обозначению)», — говорит царь слугам ([Мф.22:13](#)). Куда же иначе? Ведь вне царства Света и Бога что может быть как не тьма? Туда и изгоняется душа тьмы.

«Там будет плач и скрежет зубов» ([Мф.22:13](#)). Этими словами притча указывает на безрадостное состояние души, и она же объясняет причину невыносимой муки изгнанных душ. Казалось бы, если душа тьмы попадает в сродное ей царство тьмы, то она должна найти там все, к чему тяготела, а значит, удовлетворение и довольство. Почему их нет? Отчего «плач и скрежет зубов»?

Две причины указывает нам притча. Первая заключается в том, что душа была уже в чертогах Домовладыки и ее глазам открывалось готовящееся торжество любви. У темной души тоже, в момент определения ее участи, открываются глаза, она прозревает, видит, что такое царство Света, понимает, как негодна она в своем мрачном уборе и как искажена ее жизнь, удаленная от истины и добра. В момент определения своей участи душа переживает то, что святой апостол определяет словами: «Придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения...» (1 [Кор.4:5](#))

Когда душу, понявшую весь ужас своей черноты, отлучат от царства Света, на ее долю только и останется «плач и скрежет зубов». Ей останется только безысходный плач о недоступном счастье, о невозвратной утрате единственно истинного, единственно радостного, единственно блаженного.

Не только плач о недоступном Свете будет уделом темной души. Душу будет раздирать неистребимый огонь своей нечистоты, от которой не убежишь, не скроешься. Греховные нечистоты, как ползучий гад, неотступно будут с душой и в душе. Эта своя, вечно терзающая душу бездна будет куда горше плача о пренебрежении Света. От нее-то в бессильной ярости будет «скрежет зубов», потому что никуда душе не уйти от темного гада и своего собственного

смрада, увиденного теперь в его наготe. Никуда не уйти, потому что выброшенный во тьму кромешную связан по рукам и ногам. «Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю...» ([Мф.22:13](#)) Этими словами притча указывает вторую причину невыносимой муки душ в царстве тьмы.

Связание рук и ног означает невозможность для души изменить свое состояние и приблизиться к Свету. Время «делания» прошло... Воля души определилась — по своему свободному избранию она вся во зле, и теперь связываются руки и ноги ее. Делание кончено. Передвижение души по ее воле уже невозможно. Так приходит последний конец.

Для избранных открылась трапеза Любви, для отверженных — кромешная тьма. Для откликнувшихся Свету — светлость чертогов, для замкнувшихся в мраке — темнота вечной ночи. Для надевших одежду Света — ликование и радость, для окостенелых во зле и нагих — неизбывность горького плача и раздирающего душу «скрежета зубов».

Братия! Таков конец. Упрек в пренебрежении к Божию зову, упрек за тяготение «земле», «волам» и «добыче» разрастается в трепет отчаяния: «Горе отвергшим! Горе нагим! Горе отдавшимся тьме!»

Потому снова и снова спрашиваем мы: «Запаслись ли мы одеждой Света? Что мы выбираем?» Ведь выбор дает каждый день. «Что избрали вы? Всегда ли Свет? Всегда ли верность Небу и Богу?»

Когда же мы видели последний конец, то выбор сделался еще проще: Небо или кромешная тьма? Ризы Света или кромешная тьма? Сладость вечности или неизбывность плача и скрежета зубов? С Богом или вне Бога?

Выбирайте! Аминь.

Братия! Евангелие о десяти прокаженных, конечно, известно вам как благодарственное, обучающее нас воздавать Богу благодарность за Его милости к человеку. Но мысль Евангелия о прокаженных больше и глубже. Это — снова мысль о вере. Да, Евангелие о прокаженных — Евангелие о вере, ибо в последнем обращении к исцеленному Господь ясно говорит: «Встань, иди; вера твоя спасла тебя» ([Лк.17:19](#)).

Это — Евангелие о спасении верой. Здесь новое раскрытие, новое дополнение учения Христова о вере. На этот раз в учение о вере вводится критерий живой веры, когда ею вызвано обращение к Богу. Раз имеется налицо этот критерий веры, то живая вера охватит душу человека и он услышит: «Иди, вера твоя спасла тебя».

Обратимся же к рассказу о прокаженных и познакомимся с критерием подлинной веры. Десять прокаженных встретили Господа при входе в одно селение и громко умоляли Его об исцелении: «Иисус Наставник! Помилуй нас» ([Лк.17:12-13](#)). Господь смотрит на прокаженных, как бы желая убедиться в состоянии их душ, обращающихся к Нему.

Когда Христом была подмечена загорающаяся вера просящих, Он без промедления откликается на просьбу. Но Господь не совершает исцеление непосредственно. Он приказывает прокаженным показаться священникам и, когда больные, исполняя веление Христа, идут к священникам, Господь целительной силой снимает их проказу и они очищаются ([Лк.17:14](#)).

В этом приказе исполнить предписание закона содержится твердое веление Бога о нерушимости на земле Божиих заповедей. Здесь указание на то, что движение зарождающейся веры вовсе не противоречит исполнению закона и не отменяет Божии заповеди, а скорее требует еще большего подчинения Божию закону и точного его выполнения. Это Божие требование понятно. Акт веры не есть признание рассудка и не есть вспышка чувства. Он — завязывание живых связей с Богом, биение новой жизни подле Бога и в Боге, как же можно в этой жизни с Богом пренебречь Его волей?

Дальнейшее развитие истории о прокаженных показывает, что вера должна завязать такой крепкий узел связи с Богом, что Божий закон становится частью человеческой жизни и ее целью. Пренебрежение Божьим законом в таком случае становится невыносимым.

Выздоровевшие возвращаются по домам, а один из них, самарянин, видя себя исцеленным, громким голосом прославляет Бога. Он вновь ищет Иисуса, припадает к Его ногам и благодарит Христа за чудо Его милосердия ([Лк.17:15-16](#)). Господь принимает поклонение, одобряет самарянина и выражает изумление, почему же отсутствуют девять других исцеленных: «Не десять ли очистились? Где же девять?» ([Лк.17:17](#)) И Господь отмечает неестественность этого: «Как они не возвратились воздать славу Богу?» ([Лк.17:18](#)) Эти слова чрезвычайно значительны. Отсутствие исцеленных около Бога было такой потерей для них самих, это вызывает изумление Христа, оказавшего первую милость. Горькое несчастье ушедших поясняют последние слова Господа к самарянину: «Встань, иди; вера твоя спасла тебя» ([Лк.17:19](#)).

Вот этими-то словами и открылось, что завершение веры произошло только в самарянине, и он получил плод веры — спасение. У девяти прочих вера осталась без завершения, и они ушли в свою пустоту. Ушли с клеймом неблагодарности, с грузом всей своей прежней жизни, без возрождения душ, без плода от Христа, без спасения... Ясно, что возвращение ко Христу самарянина было действительно решающим делом. Оно было свидетельством завершения веры и даровало ему спасение.

Что же имел самарянин и чего же недоставало ушедшим? Сам Христос разрешает этот вопрос, обозначая необходимое, чего не было у ушедших, словами: «Как они не возвратились

воздать славу Богу?» ([Лк.17:18](#)) Очевидно, у ушедших не доставало потребности вернуться к Богу. Они получили внешнее — выздоровление тела — и отделились привычной жизни. Бог снова оставлен. Очевидно, зарождавшаяся вера оборвалась, потускнела. Прервано дело спасения и девять человек уходят от Бога бесплодными...

Совсем не то у десятого. Быстрый отклик Бога на мольбу о помощи переводит начавшееся в нем движение веры из внешнего во внутреннее, из поверхностного, мозгового — в глубинное, в сферу чувства, в живое ощущение Бога. В душе самарянина появляется чувство Бога, близкого, милующего, любящего. В ней совершается то, что преподобный Макарий Великий называет «осенением Светом Лица Божиего».

Душа, наполненная ощущением Бога, как близкого и любящего, естественно тянется к Нему. Она теперь видит в Боге открытый источник жизни, из которого потечет струя. Так потянулся к Богу самарянин и, получив исцеление, снова ждет Христа. Господь обозначает это стремление как потребность славить Бога. «Как они (ушедшие) не возвратились воздать славу Богу?»

Конечно, потребность души, тянущейся к Богу, есть прежде всего потребность хвалы. Бог ощущается душою как источник силы и жизни души. Без Него — ничто, и все от Него. Понятно, что душа прежде всего и больше всего хочет славить эту великую силу, поднимающую ее к жизни.

Если взять, к примеру, слабое уподобление этому из земной жизни, то видим же мы, что душа, тяготеющая к другой душе как источнику радости, стремится прежде всего хвалить ее. Любящий живет хвалою любимого. Тем более — в отношениях к Богу: душа, наполненная живым чувством Бога, устремляется к Его прославлению, поэтому и полнота Богообщения в вечности выражается бесконечным прославлением Бога ([Откр.7:9-15](#)).

Эта потребность самарянина славить Бога и была свидетельством развившейся в его душе новой силы жизни — веры, когда Бог введен в душу и сделался источником жизни души. Вера самарянина — уже не потребность ума и не взрыв чувства, а сила души, которая ввела в душу стихию Бога. Душа соприкоснулась с миром Духа-Бога и стала Его частью. Тогда-то совершилось спасение души, так как спасение есть обеспечение души ее истинной жизнью. Ее истинная жизнь состоит во влитии в мир Духа-Бога, лучом которого является душа. Вот почему после вторичного прихода самарянина Господь авторитетно заявил, что спасение его совершилось: «Встань, иди; вера твоя спасла тебя».

При поверхностном взгляде на евангельское событие может показаться непонятным, почему Господь говорит о спасении самарянина. Разве Он нуждался в благодарности исцеленных? И почему эта благодарность самарянина вознаграждается дарованием спасения? Не в благодарности дело, не благодарность самарянина дарует ему спасение, а его вера: «Вера твоя спасла тебя».

Следовательно, благодарность была лишь свидетельством веры, которая и дарует человеку спасение. Она влила душу человека в мир Бога, и этот мир стал миром души, которая будет отныне без конца тянуться славить Бога, потому что стихия Божественная стала и ее стихией. Вот что произошло в душе исцеленного самарянина, в то время как другие девять прокаженных, получив исцеление тела, погасили огонь начинавшейся веры и с бесплодными душами разошлись по домам.

Значит, критерием истинной веры, о которой учит Евангелие, является чувство живого Бога и потребность души уходить в мир Бога в хвале и прославлении Его.

Братия, поучитесь от этой истории прокаженных! С прокаженными душами, с больным телом люди идут к Богу и просят чуда. Как и евангельские прокаженные, они стоят вдали от Бога, но громко плачут и настойчиво просят помощи. Чаще они просят о внешних дарах:

здоровье, своих делах, благополучии.

Есть ли в них вера? Конечно, есть. Хилый зачаток веры. Но Бог милосерд. Зная беднейшую бедность людскую, Господь откликается на обращение человека и в той или иной форме дарит человеку Свою милость. Человеческое сердце, даже испорченное и греховное, знает о Божьих влияниях в жизни, знает о Его ласке и любви. Однако человек чаще всего, получив дар Божией милости, отдается прежней духовной беспечности, и слабый росток веры гибнет.

Сожженная грехом, пустая душа остается по-прежнему оголенной... Человек, довольный изгладившейся нуждой, толкнувшей его на обращение к Богу, возвращается в дом свой и с прежней самонадеянностью бредет по своей привычной греховной дорожке. А в душе прежняя тьма и пустота, и нет намека на след Божиего веяния, на отложившуюся в душе частичку Божественной жизни. Таковы обычные человеческие обращения к Богу.

Человек очень скоро увидит бесплодность своего толчения около Бога. Опять какой-нибудь неприятный толчок в его жизни — и он снова подумает о Боге, и уже обвинит Его в своей беспомощности и во всех своих несчастиях. Бог будет обвинен во всем! Как это Он не обеспечил человеку, в ответ на его хилую просьбу, всю полноту жизненного счастья?

Человек не видит себя, не видит своей жалкой ограниченности, и при ограниченности — величайшей самонадеянности. И винит он Бога, и все, и всех, кроме себя самого.

Пусть же человек посмотрит на десять прокаженных. Это — его прототип. Как и прокаженные, человек в нужде пусть постоит в отдалении от Бога, но позовет Бога и даже горько поплачет. Через мгновение он как ни в чем не бывало вернется и в свою ограниченность, самонадеянность, и в свой грех, во всю свою духовную оголенность. Конечно, нет и не будет у него подлинной веры, подлинной жизни духа, и не кончится спасением его путь. Для истинного спасения пусть он вспомнит об исцеленном самарянине и с укором поймет, что вера в Бога — совсем не то, что он мыслит и что он делает.

Пусть он вспомнит, что Господь потребовал от обратившихся к Нему прокаженных исполнения закона. Человек, обращаясь к Богу, подумал ли, какой он преступник пред Божиим законом? Подумал ли, что он не только презрел Божию волю, выраженную в законе, а даже ставит себя иной раз выше этих предписаний Бога, передаваемых Его Церковью. Человек в самомнении думает, что он сам, без всяких средств, помолится Богу, и Бог должен дать ему все просимое. Отбрасывается Божия воля и пренебрегается Божий закон. А человек хочет близости Бога и думает, что он верит в Него и приближается к Нему.

Пусть научится человек у самарянина тому, что вера в Бога предполагает исполнение Его воли и что она есть огонь, зажигающий в душе новую жизнь. Научится тому, что вера отражается в душе живым чувством Бога и остается в ней силой, которая постоянно соприкасается с миром Божественным. Эта сила устанавливает постоянный союз человека с Богом и повертывает к Богу все мысли, желания и поступки. Эта сила делает Бога самым близким для души, и она, естественно, льнет к Нему, как к своей жизни, радости и блаженству. Так искал Бога исцеленный самарянин, поднявшийся до полноты веры и получивший плод веры — спасение.

Не ропщите же, братия, на Бога и не говорите о Его удаленности, о том, что вы забыты, оставлены и без радости тянется ваша горькая жизнь. Жизнь без вдохновения и просвета, жизнь, полная угнетенных забот и борьбы. Подумайте, где Бог в вашей жизни? Не имеете ли вы только обрывки обращений к Нему в моменты, когда тошно вам жить и горькая нужда заставляет вас вспомнить о Хозяине жизни? Не вернетесь ли вы с беспечностью в свое привычное жизненное ярмо, когда минует нужда?

Где же тут Бог? Где Его место в жизни? Где упорное стремление исполнить Его волю? Где живое, неистребимое чувство живого Бога? Где вера? Все здесь — иллюзии и обман.

Вера — это сила души, которой надо жить. Ее надо всегда ощущать, как ощущается вами сила какого-нибудь своего земного влечения. Это влечение силы-веры надо удовлетворять, дать ему питание, беречь его, растить и лелеять. Когда вера будет сокровищем души, тогда она станет могучей силой. Тогда она, охватив душу и окрасив собой все проявления жизни, станет самым дыханием жизни.

Конечно, вера прежде всего прилепит вашу жизнь к Богу.

Прилепление к Богу будет непрерывной хвалой Ему, хвалой самой жизнью. Оно будет тем прославлением Бога, о котором говорит Христос исцеленному самарянину и о котором говорит апостол: «Прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших...» (1 [Кор.6:20](#))

Братия! Скажите нелицемерно: вы имеете такую веру — силу души? Нет. В своей хилой вере имеете вы живое неистребимое ощущение Бога? Нет. Вы имеете жизнь как непрерывную хвалу Бога?.. Нет. Так не грешите же и не ропщите на Бога! Научитесь вере-жизни от евангельского прокаженного!

И отнимется тогда от вас прокажение душ, снимется расслабление тел, и вы своими одухотворенными святыми душами и всем существом своим потянетесь к сладчайшему источнику жизни — Богу. В преданности поверженному пред Ним будет слышен Его голос, любящий и зовущий: встань, встань от прокажения, вера твоя спасла тебя...

И восстанете оправданными и останетесь со Спасителем своим на веки веков. Аминь.

Возлюбленные братия! Сегодня речь снова пойдет об евангельском юноше (первый раз о нем читалось в 12-ю Неделю по Пятидесятнице). И опять повторяются слова Господа: «Продай, раздай, а потом уже приходи и следуй за Мной». Опять смущается ум и опять замирает сердце. И снова мы готовы спрашивать Господа вместе с изумленными учениками: «Кто же может спастись?» ([Лк.18:26](#))

Помните, мы переживали смущение и трепет, ставили Господу этот вопрос, поняв, что Господь требует от идущего к Нему отказа от земных пут. Он требует от идущего к Нему, чтобы между душою и Им не было никакого экрана, чтобы не было ни человека, ни человеческого чувства, ни стремления, ни увлечения, ни вещи, ни даже тени вещей. Господь требует, чтобы всепоглощающая устремленность души была обращена только к Нему, чтобы путь к Нему был центром и целью жизни.

Все земное должно иметь только служебную роль, т.е. через земное человек должен возможно лучше исполнять свое главное дело — всю жизнь служить Христу и прийти к Нему, чтобы слиться с Ним своею душою и тем спасти свою душу и оправдать жизнь.

Ставится одна цель жизни и определяется истинная роль всего земного: не быть самодовлеющей ценностью, а только послужить цели соединения с Богом.

Господь тем самым узаконивает единственно правильное отношение к земному: «Продай, раздай», т.е. освободись; чем меньше на тебе будет пут земли, тем лучше для тебя, тем успешнее твой путь к Богу. Итак, земное «продай, раздай».

Не слишком ли строго это требование? Ведь оно не по силам человеку. Об этом заявляли апостолы, это подтвердил и Христос.

Может быть, требование обращено не ко всем, а к избранным, желающим особого подвига?

Есть мнение, что это требование обращено к лицам, ищущим особого совершенства жизни с Богом вне мира. В подтверждение ссылаются на слова Господа, приводимые евангелистом Матфеем. Господь говорит юноше: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим» ([Мф.19:21](#)). Для обычного житейского состояния Господь признает достаточным исполнение закона, а если бы кто захотел особого совершенства, то ему необходимо раздать имущество, уйти от мира и всецело последовать Христу в полной отрешенности от земли.

Это объяснение подкрепляют ссылкой на монашество, при котором люди обязаны отказаться от имущества, порвать с миром и всецело отдаться Христу. Но состояние монашеское — не общее, а исключительное, для «могущих вместить», призванных к особому подвигу.

Братия, не расслабляйте своих душ подобным мнением. Оно — неправильно. Контекст беседы с юношей не оправдывает такого ограниченного понимания заповеди.

Юноша хочет спастись, с этим приходит ко Христу и спрашивает, что ему делать. Господь слышит признание юноши, что заповеди закона он исполняет с малолетства, и Он не говорит юноше: «Ты все сделал. Зачем беспокоишься? Ты уже обеспечил себе спасение. Иди и живи со спокойной душой, как ты жил». Нет, не это говорит Господь, а другое: «Одного тебе недостает...» Выходит, хотя юноша и исполнил закон, хотя живет в миру и не собирается уходить от него, все же ему для спасения и для наследования Божия Царства недостает сокровища на небесах.

Юноша так и понял, что он, исполнивший закон, все же находится вне Царства. Вот почему он уходит от Христа опечаленным, и Господь не пресекает его печали, а подтверждает ее

основательность и со скорбью говорит ученикам по поводу отошедшего: «Как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» ([Мк.10:24-25](#)).

Не ясно ли, что «сокровище» нужно и для пребывающего в миру, что нужно оно для всех, для всех... а не каких-либо избранных.

И это сокровище нужно для совершенства. Совершенно правильно — «для совершенства», а не для совершенных, избранных, как хотят понимать. А ведь к совершенству и должен подойти каждый, чтобы быть со Христом и наследовать вечную жизнь. Евангелист Матфей передает именно эту мысль Христа: «Если хочешь быть совершенным», т.е. значит, если хочешь завершения своего доброго пути, если хочешь твердо обеспечить себе вечность, то иди до конца, до полного совершенства, а для этого — «продай, раздай» богатство, отцепись от земли и приобрети сокровище на небе.

Да, «сокровище на небесах» принадлежит «совершенным», и таковыми должны быть все желающие успешного конца своего пути к Богу. Поэтому Господь и дал заповедь, обязательную для всех Своих учеников: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» ([Мф.5:48](#)). Все будьте совершенны, все, а не избранные!

И, наконец, еще одно соображение за общую обязательность отречения от привязанностей к земле. Путь ко Христу один, как и одна (одинакова) во всех людях греховная природа. И Господь указывает этот единый путь к Нему, путь, рассчитанный на преодоление греха и совершенствование человеческой природы. Не может быть и нет разных путей и разных требований к отдельным группам лиц, живущих на земле. Потому и совершенство, и «сокровища на небе», и неспутанность земель — одинаково нужны и обязательны и для мирянина, и для монаха. Разнятся только бытовые формы осуществления требований Господа. Монах должен осуществить требование отказа от земли уходом от мира, оставлением имущества и дальнейшею нестяжательностью, а мирянин осуществляет то же требование, продолжая жить в миру, но обрывая скованность души земным, подчиненность ему и внутреннюю зависимость от него.

Итак, ухода души от земли не избежать... Он неминуем в пути к Богу. И остается незыблемой задача выкорчевать из души все земное, если оно так припаялось к ней, что заслоняет Христа, являясь сокровищем человека.

Почему же Господь сделал неминуемым такое тяжелое, непосильное требование?

Оно неминуемо по самому свойству человеческой души. Душевная жизнь человека едина и не может быть дробима на отдельные жизни. И центр человеческой жизни один — человеческое сердце. Так складывается единая сила, управляющая человеческой жизнью. Не может быть в душе нескольких параллельных жизней.

И не может быть нескольких центров, как нескольких регуляторов ее, действующих одновременно и успешно.

Значит, если душевная жизнь одна и центр ее один, то ее единством и единым центром, конечно, должна стать устремленность к Богу. Это и будет единое «сокровище» человека. При таком центре жизни в Боге все другие человеческие устремления, обращенные на земное, конечно, должны будут занять второстепенное положение, только служебную роль в отношении главной цели. Если бы человек пытался изменить такое соотношение своих устремлений в сторону предоставления второстепенной устремленности руководящего значения, у него решительно ничего бы не вышло, и он нарушил бы гармонию души и возможность своего нормального развития.

Тогда потеряла бы свою силу центральная устремленность к Богу и обратилась только в формальное признание Бога главой и распорядителем жизни... Тогда одновременно было бы

парализовано движение к Богу, а человек, выдвинув в центр своей жизни и в свое руководство какую-либо земную устремленность, стал бы игрушкой земной привязанности.

Так в жизни и происходит. Когда, не отвергая Бога и продолжая видимое, наружное служение Ему, человек создает в жизни земную привязанность, которая вдохновляет его, наполняет жизнь и делается центром его души, тогда Бог, хотя и не изгоняется из нее, но Его роль в жизни сводится на нет, все Божие замирает, всякое духовное развитие останавливается, и Бог вспоминается только при особой okazji, когда к этому будет какая-либо нужда. И тогда душа становится бесплодной смоковницей, и нудно тянется ее формальное служение Богу, не давая душе ни успеха, ни радости...

Братия! Разве это не правда? Разве это не горькая действительность?!

Изгнав же Бога из центра своей жизни, человек незаметно для себя самого делает центром души развязанную земную устремленность, самоуслаждение во всех его видах, начиная от тончайшего обожания себя в высоких предметах и кончая грубыми привязанностями, будь то любовь к деньгам, к славе, к вещам, к костюму, к еде, к питью, к искусству, к кино... Так незаметно в душе создается свой идол и идет поклонение ему.

Братия! Разве это не правда? Разве это не горькая действительность?!

Это потому, что не может быть в человеке двух жизней: жизни ради Бога и ради чего-нибудь земного. В человеке одна жизнь... И она будет или Божия, или — не Божия.

Это одна неприкрашенная правда! Разве вы забыли классическое изречение Христа: «Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» ([Лк.16:13](#)). Как это глубоко правдиво!

Видите, братия, некуда податься человеку от заповеди Господа об отвержении привязанностей земли, если человек хочет остаться на Божием пути и завершить его приходом к Богу. Некуда податься!

А потому один выход... один конец, и о нем мы говорили не раз. Одним сокровищем души, одним центром жизни сделай Бога и только Его одного! И не пускай туда, в этот центр твоих дум и поступков, никого и ничего, кроме Бога...

Пусть Он один безраздельно царствует в твоём сердце и твоей жизни!

И если есть в душе твоей и в сердце твоём что-нибудь заслоняющее Бога, если есть пленяющая страсть или даже неразумная привязанность к вещам, если есть в тебе поглощающее увлечение художеством, спортом, музыкой, наукой, если есть в тебе односторонняя любовь к семье, жене, детям, и даже если есть в тебе самое чистое, самое святое твоей души, как будто чистейшая любовь, лишённая похоти, любовь, в которой, по-видимому, одно небо, и если все это встанет в твоей душе преградой между тобою и Христом, то беспощадно вырви его с корнем из своего сердца и тогда, лишь тогда приходи и следуй Христу. И если ты снова ужаснешься и снова скажешь с апостолами: «Господи! Да как же это? Как понести это? И кто же может спасти себя?» Тогда тебе и откроется спасение. Ты признаешь свое человеческое ничтожество, свое полное бессилие. И когда сознанием бессилия и устранением самости ты освободишь путь Богу, тогда-то Господь и спасет тебя.

Ведь спасет-то себя человек не сам, не своими силами. Его спасет Божия сила. Помни: Божия сила спасает! Для Бога же, для силы Божией «вся возможна». Аминь.

Братия! Опять слово о вере — сегодняшний рассказ Евангелия о слепом ([Лк.18:35-43](#)). Это слово о вере особенно впечатлительное, и пусть же оно неизгладимо врежется в ваши души!

Это слово как будто подводит итог всем евангельским назиданиям о вере и прочитывается в конце круга евангельских недель.

Во всех предшествующих назиданиях о вере (4,6,7,9,10,17, 29-й Недели по Пятидесятнице) вера была раскрыта в ее существе, как душевная сила человека, и в ее отдельных отличительных свойствах. Была разносторонне уяснена сама природа веры и ее признаки. Сегодня — итог. Итог, чтобы проверить, как мы отвечаем на призывы к вере и каков должен быть наш отклик на эти призывы.

У дороги, по которой проходит Христос, сидит слепец и просит милостыню. В нарастающем шуме толпы он узнает о приближении Иисуса и кричит: «Сын Давидов! Помилуй меня». Проходящие останавливают слепца, а он не только не умолкает, а еще громче кричит: «Помилуй меня!»

Христос останавливается, слыша крик слепца, и, приказав привести его к Себе, спрашивает, чего он хочет от Него? Слепец отвечает: «Господи! Чтобы мне прозреть!» Господь дарит зрение слепому и вместе с тем совершает его спасение: «Прозри! Вера твоя спасла тебя». Слепец тотчас прозрел и пошел за Ним, славя Бога. Таково евангельское повествование, и в каждой строке его есть переносный смысл, обращенный к нам.

И мы, братия, слепцы. Конечно, слепцы: себя не видим, пути жизни не видим. И мы — нищие. С пустыми, оголенными душами, разве мы имеем в себе запас жизни? Умеем ли разумно и с пользой наполнить жизнь? Конечно, мы — ободранные нищие, да еще и больные и смрадные в своем разлагающем нас грехе. Мы бродим во тьме, потому что тьма в нас и тьма кругом. Мы бродим в слепоте, бессильны и совсем беспомощны, хотя и много думаем о себе. Мы сидим при дороге Христа. Да, братия, мы не на дороге Иисуса, а только при дороге Его!

В большом самомнении или в бесчувствии мы думаем, что мы зрячие и даже очень зрячие; что мы стоим на верном пути и, конечно, со Христом. Ведь мы же верующие! Мы все делаем, что требуется от нас. Чего же еще!? Заблуждение, братия. Горькое заблуждение слепоты. Кто не видит, как он может уверять, что он идет и движется к цели?

Горькое заблуждение! Мы — невидящие слепцы, и мы топчемся у дороги, а еще чаще беспомощно сидим у нее. Нам нужна милостыня, и мы питаемся милостыней, крохами истины, обрывками света, и в своем нищенстве протягиваем руки за милостыней, часто ловя жестокое подобие хлеба, суррогат питания, тяжелый и вредный.

Дальше, братия, евангельский образ становится для нас жгучим. Он должен потрясти нас, должен сжечь нашу прожженную совесть, и сжечь нас горчайшим стыдом. Нищий слепой оказывается в роли нашего поводыря. Нищий слепой опережает нас! Оборванный слепец — наш наставник и врач! Он протягивает милостыню... А мы? Способны ли мы пойти за этим убогим вожакон и способны ли принять его подавание?

Слепой Евангелия очнулся! В потрясающем сознании своей полной беспомощности и нищеты, он, отчаявшийся в радости жизни, бросается к Богу и зовет Его на помощь. В его вопле нет и тени самомнения, нет вызывающей дерзости, нет жалоб на свою обездоленность, на несправедливость Бога. Нет слез оскорбленного самолюбия на обиды людей. У него — одна мольба о себе и о милости для себя: «Сын Давидов! Помилуй меня».

Слепой очнулся. Понял свою нищету. Понял, что только Бог даст ему свет жизни. И слепой бросился к Богу! Для его устремленности нет препон. Кругом изумлены его порывом, озадачены

его устремлением. Слепца удерживают, его останавливают, его, быть может, силой, заставляют замолчать, но для очнувшейся души нет препон, и слепец кричит еще громче.

Конечно, Христос его слышит и, конечно, видит Бог душевную зрелость кричащего. Спасаящая вера — сила, огнем охватившая душу, — здесь налицо. Бог откликается и приближает к Себе обращающегося. На вопрос Христа: «Чего ты хочешь от Меня?» — слышится безудержный вопль веры, вопль о всей потерянной жизни: «Господи! Чтобы мне прозреть».

То не была просьба только о телесном зрении. В эту просьбу вобралась вся тоска о восстановлении жизни, вся жажда Бога, как света, как наставника в пути. Только Он откроет глаза и укажет путь, Он поведет... Так дай же мне прозреть, чтобы увидеть, понять и обнять Тебя, Свет жизни моей! И все осветить Твоим Светом. Вот тогда будет жизнь! Открой глаза мои, чтобы я вошел в нее.

Об этом просил слепой, об этом! Поэтому он после чуда «пошел за Ним», — пишет евангелист. А прокаженные, вы знаете, не сделали так. Они просили о теле. Когда получили здоровье тела, разошлись по своим домам. Слепец не похож на них. Он просит о большем. Он рвется к прозрению в Боге. Когда ему дарится прозрение, он остается с Богом своим. Значит, душа слепца жаждала получить от Бога не только телесное зрение. Она жаждала жизни от Бога и была охвачена спасающей верой. Бог так и отвечает на просьбу слепого. Ему не зрение дается, а по вере его даруется спасение. Бог не говорит слепому «прозри», а говорит: «Прозри! Вера твоя спасла тебя».

Братия! Теперь, когда открылась душа слепца, кинувшаяся к Богу, понятно ли вам, почему этот образ становится жгучим для нас? Не становится ли понятным, почему слепой нищий может быть нашим поводырем? Почему он может подать милостыню нам? Нищий очнулся и ринулся к Богу! А мы? Мы остались сидеть, безучастно сидеть при дороге Христа. Темные и слепые, нищие и оголенные, в неведении, мы толчемся при дороге Христа.

Это — вредная иллюзия, будто мы на пути Христа. Бросьте ее, бросьте и, откинув самонадеянность, пойдите за нашим слепым. У него поучитесь, примите его милостыню! Слепец словами апостола кричит нам: «Встань, спящий!» и указывает, что нам делать.

Дело одно — молить о прозрении, откинув самомнение, откинув все окружающее, что останавливает нас или приучает к бесчувствию.

Как евангельский слепец презрел все препоны со стороны окружающей его толпы, так и вы презрите все «проходящее» мнение мира, насмешливые суждения ограниченной толпы, порядок окружающей вас жизни, порядок вашего дома, свою вечную земную суетность. Презрите в своем поведении все, влекущее вас в сторону, и молитесь, молитесь Христа о прозрении.

Братия, о каком же прозрении молить? Какого прозрения желать в своем обращении к Богу? В нашем желанном прозрении должны быть три элемента. Первый — надо прозреть, чтобы увидеть себя.

Знаете ли вы, что главное жизненное бремя человека — его «слепота». Человек не видит себя самого и не знает себя. Человеческая слепота кошмарна. Нет большего ужаса, чем тот, что человек всю свою жизнь барахтается в сплошном самообмане, и все его жизненные потуги только укрепляют его в жизненной лжи.

Этот ужас легко понятен, когда дело касается какого-то явного зла, например, грубой страсти, но он непонятен и оттого еще более кошмарен, когда в нем крутится человек, считающий себя хорошим христианином. Человек ходит в церковь, молится дома, вздыхает, плачет, бьет поклоны, чтит праздники, соблюдает посты, говеет, часто причащается, читает Божие Слово и знает все заповеди, но при этом судит архиереев, разбирается в священниках и наставляет при случае всех. Он слеп, как крот! Он не видит своего грубейшего порока, своей

наглой страсти, которая кидает этого «самоумца» из одной трясины в другую. Ужасно, что это гнусное и жалкое рабство уживается и со знанием Божия закона, и с постом, и с молитвой, и со Святым Причастием.

Однако издевательство зла над человеком не ограничивается только неведением или непониманием себя. Самообманый слепец, который хочет проявить себя как христианин, кидается как раз на наиболее несродное ему. Так, например, человек слабый непременно хочет утвердить себя в силе, в доступности ему всего. Человек сухой, жесткий воображает, что он полон любви, и отмечает любое проявление своей отзывчивости, чтобы кичливо утвердить себя в чуждом ему. Подобных примеров — десятки! И во всех них — один обман. Во всех них — издевательство зла над человеком. Во всех них торжество человеческой слепоты!

Кажется, будто нет выхода из жалкого самообмана. Конечно, не будь связанности злом, человек бы заметил свою ограниченность. Или бы он заметил свою болезнь, свою слепоту, когда испытания жизни встряхивают его иллюзорное благополучие. Но раз человек в пленении зла, он не только не познает себя, а еще больше закостеневаает во зле и ожесточается против всего несродного ему.

Казалось бы, человек может узнать себя в некоторые исключительные моменты своей духовной жизни, например, при подготовке к Святому Причастию. Человек приступает к страшному Таинству и должен хорошо подготовиться к святыне. Подготовка как раз и состоит в анализе себя и осуждении себя. Причащению предшествует таинство покаяния. Все вроде бы направлено к пробуждению человека. Однако пробуждения чаще всего нет и нет! Человек остается в замкнутом круге самоутверждения и самооправдания.

Где же духовнику (часто случайному или поверхностно знающему человека) разобраться в дебрях души, заботливо укрываемых и охорашиваемых? Как разобраться, когда человек на исповеди незаметно, незаметно, да и выдвинет какое-нибудь свое достоинство. Где же тут разобраться, когда подойдет к нему эдакая потупленная, наружно смиренная душа и стыдливо молчит или вздыхает, а то и плачет. Нет-нет, да и ввернется словечко о какой-нибудь своей добродетели. Перед духовником благочестивая душа, и она отпускается оправданной. И момент потрясающего анализа превращается в углубление греховной самости. Обман, в котором живет человек, сгущается еще больше. Такова человеческая обманная слепота. Нет зрелища жизни печальнее! Вот и надо молить Христа, чтобы открылись глаза человеческой души, и человек увидел бы, в какой самоиллюзии он живет, и увидел бы свое истинное лицо. Это — первое.

Второе — прозрение души должно указать самый путь исправления кривой жизни. Недостаточно увидеть свою кривизну, надо видеть путь ее выправления. Исправляя свой обман, люди чаще всего кидаются на другие обманные пути. Человек, увидевший неправду приобретения, кидается к отрицанию вещи. Увидевший неправду своего отношения к женщине кидается на отрицание брака. Таким примерам нет конца! И один обман сменяется новым обманом.

Надо иметь какой-то прочный критерий необманности. Он — только в Боге! Только Бог — Творец, Носитель и Вдохновитель жизни — является истинным началом жизни и, значит, жизнь только в Нем не будет искривленной. Это и надо увидеть. Увидеть, что все человеческие пути жизни, подсказанные нашим маленьким рассудком, испорченным сердцем, порядком жизни других людей, книгой или философской теорией, все они — пустоцвет. Надо понять, что правда жизни только у ее истоков, т.е. у Бога, и, следовательно, исправление обмана произойдет лишь тогда, когда жизнь будет направлена по истинной правде, т.е. по Богу.

Вот и надо молить Христа, чтобы не только открылись человеку глаза, но и открылась бы ему правда одного только пути — пути в Боге. Чтобы человеческая душа увидела бы свет только в исполнении Божией воли, и в этом — оправданность жизни.

Наконец, нужно третье прозрение. Оно — в устремленности к Богу человеческой воли. Мало видеть единственную разумность жизни только в Боге. Это — мозговое, теоретическое сознание, а на практике человеческое поведение, направляемое испорченной волей, часто ведет в сторону от Бога. Божия воля пренебрегается, и человек окончательно запутывается на кривых своих путях. Значит, надо прозреть так, чтобы в душе родилось живое ощущение Бога, чтобы она не была заполнена возней с самим собой.

При живом ощущении Бога человек позволяет в своей жизни действовать Богу, а сам — отойдет в сторону, откажется и убежит от себя, потому что человеческая кривизна и самость — препятствие на пути Божия действия. В этом — венец прозрения: человек отшатнулся от своей слепоты и всем порывом души взыскал Бога и отдался Ему: «Прииди и сотвори Твою волю о мне... Только она, Твоя воля, и есть мое истинное благо».

Таково сегодняшнее евангельское слово и заключение всех назиданий о вере. Вера открыта нам во всей ее силе и непреложности для души, жаждущей Бога. Слепец ринулся к Богу и получил оправдание. А мы, безнадежно глухие и слепые, грузно сидим в своей темноте. Ужаснемся своему бесчувствию! Заразимся порывом слепого и будем молить Христа о полном совершенном прозрении, когда мы, одушевленные верой, бросимся к Богу, в новую жизнь.

И повторится евангельское чудо. Бог не только откроет глаза наших душ, но подарит нам дар высший и исключительный — наше спасение. «Прозри! Вера твоя спасла тебя». Аминь.

Возлюбленные братия! Сегодня последнее евангельское чтение из годового круга евангельских чтений. В нем говорится о призвании Господом мытаря Закхей.

Богатый начальник сборщиков податей в Иерихоне — Закхей — прослышал о Великом Учителе из Назарета — Иисусе, и, покоренный Его духовной силой, хочет хотя бы взглянуть на Него. Когда Иисус проходит Иерихоном, Закхей устремляется за Ним, но из-за своего малого роста, за множеством народа, не может видеть Господа. Тогда Закхей забывает о своей важности, о приличиях, о богатстве, бежит вперед и влезает на смоковницу и ждет прихода Учителя. Господь останавливается у смоковницы, провидев ищущую душу Закхея: «Сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме» ([Лк.19:5](#)). Раскрылась под Божиим зовом душа Закхея и совершилось ее оправдание: «Ныне пришло спасение дому сему» ([Лк.19:9](#)).

Конечно, в этом евангельском рассказе первая и главная мысль — о Божием призыве, утешительная мысль о том, что Божий зов может коснуться самой грешнейшей души, такой ничтожной, что она сама по себе не может увидеть Божия Лица.

Не только ради этой главной мысли читается рассказ о Закхее. Мысль о зове внедрялась в нас многими Божиими словами в течение года. Ныне на первое место выдвигается другая значительная мысль. «Иисус, когда пришел на это место (к смоковнице, на которую влез Закхей), взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме... ныне пришло спасение дому сему...» ([Лк.19:5-9](#)).

Здесь уж не только призыв. Здесь призыв обращается в «посещение» и «спасение». Призыв столкнулся с какой-то иной силой («взглянув, увидел»), и эта сила ускоряет спасение человека: «Сойди скорее... сегодня надобно Мне быть у тебя». Евангелие открывает нам, что это сделала встречная призыву сила — сила человека. Сделал порыв человека, свершенный навстречу Богу. Да, это сделал он, порыв человеческой воли, души. Господь подошел, взглянул, увидел и сказал: «Сойди скорее».

«Сойди скорее. Я вижу, для Меня место готово и мое посещение обеспечено...» Так человеческая воля вынудила Божественную волю. Мы говорим — «вынудила», потому что Бог как бы спешит: «Сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя». Мне необходимо прийти к тебе и совершить спасение твоей души.

Братия! Не ясно ли, что в рассказе о Закхее на первое место выдвигается другая мысль — о человеческой душе, улавливающей Божий призыв и раскрывающей его до его завершения в спасении человека. Нам подается мысль о наличии у человека такого аппарата души, который оказался способным уловить Божий зов, принять его и привлечь на себя спасающую Божию силу.

Каково должно быть состояние человеческой души, чтобы ей открылся Бог и совершил ее спасение? Подойдем к Закхею и заглянем в его душу.

Прежде всего, Закхей жив. У него живая душа. Она не погрузилась в какую-то внешнюю ценность и не замерла в сладостном самоудовлетворении: «Вот я достиг, чего хотел. Душа, почивай!» У Закхея ведь были немалые земные ценности: знатное положение, власть, почет. Разве эти ценности не влекут к себе миллионы людей? Разве, обладая ими, миллионы людей не погибают в самоусладительном довольстве? И разве миллионы людей не закаменевают своими душами, обладая гораздо меньшим по масштабу довольством? Сытно поесть, хорошо одеться или удовлетворить какую-то другую мелкую страстишку — вот обычные масштабы человеческих вожделений. Обладая этим, человек живет в счастливой удовлетворенности, и душа его наполнена до краев. Она сладко почил в обладаемом и ничего ей не нужно. Это —

мертвые души, братья. И они — кругом!

Закхей не таков. Хорошо богатство, приятна знатность, но она не наполняет его душу. Это — оправа жизни, а душа Закхея — живая, и она имеет свой живой мир, который и проявляется в поисках. Поиски, искание — вторая отличительная черта Закхея.

Когда душа не порабощена вещью, не замкнута в вещах, тогда она способна искать жизнь вне вещи. Это и есть жизнь духа. Конечно, прежде всего душа ищет правды духа и правды жизни по духу. Это — не бесплодное мыканье по разным новым путям, не суетливое метание за чем-то неизведанным. Это — здоровое, уравновешенное, последовательное искание правды жизни и настойчиво-напряженное осуществление указанной правды.

Закхей, солидный, положительный и обеспеченный человек, занимающий высокую должность, внутренне недоволен собой. Он испытывает беспокойство оттого, что правда жизни ему не открыта, и потому, когда появляется необычный Учитель жизни, Закхей забывает и о богатстве, и о знатности, и о своем возрасте и бежит за Учителем Истины, как школьник, чтобы уловить хотя бы крохи нового Света жизни.

Закхей меньше всего фантазер и бесплодный мечтатель. Он — уравновешенный практик, но душа его жива, и он упорно добивается истины, ставя обладание истиной выше всего житейского: богатства, положения в свете.

Судя по евангельскому рассказу, Закхей не бросается по разным путям жизни. Он бросается туда, откуда блеснул Свет. Он ищет Божия пути. Он устремляется на путь, по которому «Ему (Господу) надлежало проходить мимо». Всякая живая душа ищет правды не на тропинках человеческих измышлений, а на прямом Божием пути жизни, потому что истина жизни — это Бог. Вот почему и сказано: «Всякий, делающий правду, рожден от Него» (1 [Ин.2:29](#)).

Наконец, евангельский рассказ открывает нам и третью черту Закхея. Эта черта — активность поисков Закхея и следование найденной истине. Закхей, узнавши об Учителе Истины, не довольствуется слухами и отрывочными кусочками истины, дошедшими до него. Он сам, практически, хочет увидеть Учителя, быть ближе к Нему, услышать Его, а может быть и пойти за Ним.

Закхей потому бросает дом, деньги, занятия, почет и фактически становится на Божием пути. Так как он мал ростом, то он употребляет все усилия, чтобы увидеть Христа. Для этого он и влезает на смоковницу.

Вот так поступает любая живая душа, жаждущая Бога. Она выбирается к Нему навстречу. Ее поиски правды жизни не отвлечены. Они сейчас же превращаются в дела по правде. Конечно, чаще всего это будут только потуги добра. Возможно, это будут бесплодные дела человека без Христа, но все же душа, ищущая Бога, должна делами пытаться подняться вверх, потому что эти дела и будут свидетельством ее готовности к принятию Правды.

Это и произошло с Закхеем. Поиски Божией правды дали свои плоды — приход к нему Господа и спасение. При этом Божественная помощь и спасение как бы «вынуждаются» активностью такой живой души, как у Закхея. Сила Бога, понуждаемая порывом веры и дел Закхея, сразу же отвечает на этот призыв: «Сойди скорее, Я сегодня буду у тебя. Твоя душа открыта, она готова, прием Бога обеспечен, и потому Я скажу: “Сегодня Мне надобно быть у тебя”».

Вот что означают слова Христа! Раз это произошло, раз осуществился контакт Бога и человека, контакт как бы ускоренный человеком, его следствие — спасение человека. Следствие не замедлило — «Ныне пришло спасение дому сему» ([Лк.19:9](#)).

Так совершается излитие Божией силы. Человеческая душа, с радостью принявшая Господа [Закхей «принял Его с радостью» ([Лк.19:6](#))], включается в Божий путь и идет за Христом.

Закхей, рассказывает Евангелие, отвечает Христу уже как ученик, готовый ответить не только словами, но и делами: «Господи! Половину имущества моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» ([Лк.19:8](#)). Так началась новая жизнь во Христе. Человек пошел за Христом по пути спасения.

Братия! Выводы из всего этого просты, ясны, но и ответственные. Остерегайтесь делать Бога виновником неудач жизни и вашего спасения. Остерегайтесь думать, что Богу нет до вас дела и что Бог прошел мимо. Пристальней взгляните в свои души! Исправны ли они? Готовы и способны ли они принять зов Бога? Или, быть может, души мертвы и отдались своим маленьким приобретениям? Или они ищут и вздыхают, но больше в порядке самоусладительной возни и обывательского копошения? Или, может быть, души ваши парализованы и неспособны подняться навстречу Богу?

Остерегайтесь винить Бога! Последуйте маленькому Закхею. Явите жизнь своих душ! Бегите от порабощения «землей» и ищите Божию правду! Делами пойдите навстречу Богу, поднимитесь над землей, чтобы увидеть Его, и тогда и с вами совершится то, что пережил Закхей: Господь остановится у вашей души, и она в трепете и в радости узнает о Божием приходе. «Сегодня надобно Мне быть у тебя... Ныне спасение дому сему».

Братия, торопитесь приготовить души! Господь идет по дороге! Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братия, прошлое воскресенье, когда я вас не видел, вы вместе с Церковью молились Господу Богу как неумолимому Судии, потому что это была Неделя Страшного Суда. Какое совпадение! Вместе с призывом Церкви раздались подземные толчки, которые, как вы знаете, прокатились уже по северной Европе. Казалось, земля дала предупредительный сигнал, а Церковь в это время запела «Се Жених грядет». Невольно, братия, является вопрос — когда?...

Напрасно люди стараются гадать; все их попытки тщетны, и сколько бы человеческий разум ни придумывал — никто не узнает этой тайны. Сам Господь сказал: «О дне и часе том никто не весть, ни даже Ангелы, только Отец Небесный». Углубляя эту мысль Христа, апостол Павел говорит, что день этот придет «яко тать в нощи», т.е. тогда, когда люди его не ожидают, и будет это как во времена Ноя: люди пили, ели, веселились, женились, выходили замуж, и никто ни о чем не думал, до тех пор, пока все не погибни. В развитие этой мысли апостол Петр говорит: конец придет тогда, когда с человеческой точки зрения будет все спокойно, когда люди скажут: «мир и утверждение» — тогда придет конец! Когда людям будет казаться все в порядке, тогда-то придет пагуба.

Невольна мысль бежит к Евангелию, к Апокалипсису и даже к Ветхому Завету, ища ответа на эту загадку: когда же? Но подходить к этому вопросу надо не с любопытством, а с молитвой. Нездоровое любопытство Церковь не благословляет, она его осуждает. Даже чтение Апокалипсиса, где в символических образах раскрыто пришествие Сына Человеческого, она не благословляет. Смотрите, во все время года, за богослужением, чтение Апокалипсиса не положено, потому что — это тайна.

Что же людям дано знать об этом? Самим Христом указаны признаки Второго пришествия на просьбу учеников сказать им, когда это будет. Эти слова Христа записаны у трех евангелистов: у Матфея, Марка, Луки.

Вот что говорит об этом Сам Господь: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: “Я Христос”, и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах (т.е. приготовлениях к войне)... но это еще не конец... восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; всё же это — начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазнятся многие...» ([Мф.24:4-10](#)) Иссякнет любовь в людях — будет ненависть, злоба, предательство. «Тогда придет конец» ([Мф.24:14](#)).

Просматривая этот перечень признаков, можно их разделить на две группы. Первая — это признаки физического порядка: глады — истощение запасов, сырья; моры — эпидемические болезни; и трýсы — землетрясения по местам, войны или приготовления к войне — это признаки физического порядка. Вторая группа — морального, нравственного порядка: обольщение масс народа новыми идолами, оскудение веры, иссякнет любовь; ненависть, злоба будет в людях, предательство!

В обеих этих группах проходит одна мысль — конец будет тогда, когда мир, вся вселенная, придет к своему вырождению. Ведь мир целесообразен, т.е. в нем есть определенный смысл и задачи. Земля вертится не потому, что надо же ей вертеться, и люди живут не для того, что надо же им жить. Когда вселенная совершит свой круговорот и подойдет к своему вырождению, тогда будет конец — это понятно. С точки зрения Промысла Божия было бы абсурдом предположить, что вселенная вертится просто так, и люди живут просто так. Нет, нет!

Сила человека реализуется в ту или иную сторону, и конец придет, когда мир созреет...

Разве садовник оставляет спелое яблоко на яблоне? Никогда!

Скажите: обольщение масс новыми идолами, истощение любви в людях, ненависть, злоба, — что это? Разве не вырождение? Конечно, да! Отсутствие веры, предательство даже в делах веры — это падение, ниже которого, глубже которого не придумаешь. Разве не вырождение? Ясно, вырождение! Вот эти нравственные признаки определяют вырождение человека.

И то же в природе физической — дряхлеет организм человека и поражается эпидемическими болезнями, которые идут полосой. Вырождается вселенная, истощаются запасы сырья, уничтожаются природные богатства — отсюда и глады. Дряхлеет мир, и земля сжимает свою кору — землетрясения, труссы по местам. Ну что же? Мир созрел?

Мир подошел к своему вырождению? Я не знаю. Смотрите! Это ваше дело; решить — дело людей. Христос так и сказал: узнавайте по признакам! Когда ветки смоковницы станут мягкими, вы гадаете: близко лето. Верно же?

Так вот, вам указаны признаки. Решайте сами! У вас есть для этого «форточка», если можно так выразиться. Такой «форточкой» являются ваши глаза, уши, совесть. Смотрите, слушайте! И еще есть у вас «форточка» куда большего масштаба — это радио ваше. В невидимых волнах, которые улавливает радио, вы слышите почти всю вселенную. Чаше подходите и слушайте. Что вы услышите? Джаз-банд? Фокстрот? Неужели в этом отвратительном смраде вертится вся вселенная? Это ужас, братия!

Вы гадаете — когда? Это ошибка. Бросьте, не к гаданьям звал Христос... Если вы нервничаете, высчитываете года, отыскиваете имена — это ошибка!

Не к этому звал Христос. Он сказал Своим ученикам: «Бодрствуйте!».

Что можно прибавить к этим словам Христа? Конечно, ничего! Бодрствуйте! Бодрствуйте, братия, бодрствуйте! Аминь.

Алекса́ндро-Невская Лавра, Свято-Духовская церковь, 6 марта 1927 г.

Прощальное слово к петроградской пастве

Возлюбленные братия! Почти пять лет тому назад Святейший Патриарх и наш общий отец, блаженный Тихон, прислал меня сюда и благословил этою иконою. Тогда на ней были камни других цветов: голубой, напоминающий безоблачное небо, и зеленый — цвет надежды. Здесь же те камни переменили и вставили эти, похожие видом своим на слезы, и эти камни явились символом всего моего пребывания здесь, потому что все оно представляет собой длинную, мрачную, тяжелую цепь страданий, почти без просвета. Тянулись дни, недели, месяцы, и только изредка, как искорки, мелькали в них минуты покоя.

Моя жизнь здесь началась скорбью, кончается слезами, но да будет воля Божия! Богом я не был оставлен, и не случайно моя последняя служба в этом храме совпала с празднованием иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Пресвятая Богородица, прими меня под покров Свой!

Возлюбленные братия! В скорби моей моим счастьем были вы. Вы были моими утешителями, моею радостью, моим оправданием пред Богом, моим блистающим венцом. В моем страдании я не был одинок. Вы мне сострадали, вы лили на меня слезы. Вы молились за меня день и ночь. И если Бог приведет меня теперь побывать на могиле Святейшего, я могу сказать, что, хотя и мысленно, возвращаю ему его камни, потому что надежда, с которой посылал он меня сюда, сбылась: пастьрь и паства здесь — одно неразрывное целое; ясное голубое небо нашего духовного единения было все время безоблачно и никакая человеческая злоба не могла омрачить его. Проводите меня своей молитвой!

Сейчас я совершу в этом соборе последнюю Евхаристическую жертву за вас и преподам святым именем Божиим мое последнее благословение вам. Мой путь здесь обрывается. Он начат скорбью, кончается слезами.

Да будет воля Твоя. Аминь.

23 июля (воскресенье) 1928 г.